

Карл Кениг

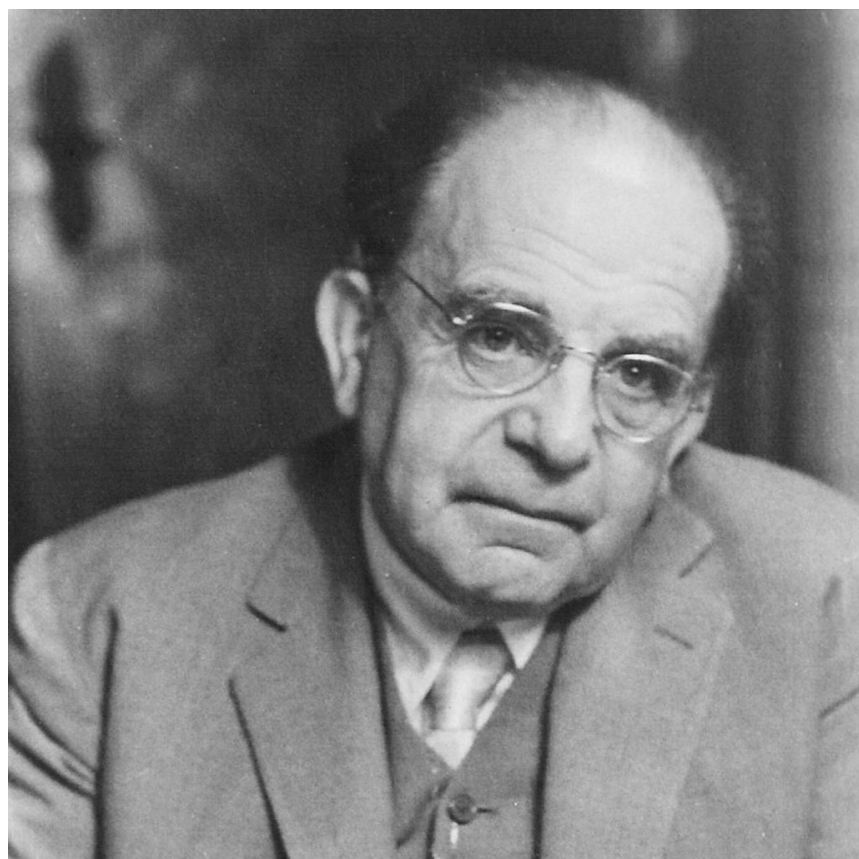
БРАТ ЗВЕРЬ

Человек и животные в мифах и эволюции

Karl König

BRUDER TIER

Mensch und Tier in Mythos und Evolution



Карл Кениг

# БРАТ ЗВЕРЬ

Человек и животные в мифах и эволюции

Karl König

# BRUDER TIER

Mensch und Tier in Mythos und Evolution



## Оглавление:

Предисловие редактора .....	5
О происхождении тюленей .....	7
Из жизни пингвинов .....	20
Странствия угрей и лососей .....	32
Слоны .....	49
Семейство медведей. Мифы о медведях .....	64
Лебеди и аисты .....	80
Мир птиц .....	80
Гнездари и выводковые .....	83
Лебедь .....	87
Аист .....	90
О душевном образе лебедей и аистов .....	95
Голубь – священная птица .....	100
Воробьи земли .....	110
О жизни воробьев .....	110
О гнезде и жизненном пространстве воробьев .....	112
Воробьи и человек .....	115
Рождественское посланничество воробьев .....	118
Дельфины – дети моря .....	121
I .....	121
II .....	123
III .....	124
V .....	129
VI .....	131
Пес и кошка – спутники человека .....	138
Природа собачьих и кошачьих .....	138
Признаки собак и кошек .....	141
Львиная грива, собачья шкура, узоры и рисунки кошек .....	144
«Мужественные» псы и «женственные» кошки .....	148
К предыстории кошек и собак .....	155
Брат конь .....	159
Введение .....	159
Копытные или травоядные .....	161
Лошадь и травоядные .....	165
Копыта и конечности лошадей .....	170
Аллюры лошадей .....	175
Человек и конь .....	178
Кони мифов .....	183
Эпилог .....	187



## Предисловие редактора

Карл Кёниг родился 25 сентября 1902 года в Вене; 27 марта 1966 г. в г. Брахенройт на Боденском озере он прошел через врата смерти. Врач по профессии, он был врачом в самом широком смысле этого слова. Его врачебная деятельность простиралась далеко за пределы лечения отдельных людей; он создавал социальные условия, в которых взрослые, дети и подростки, без этого просто не имевшие возможности включиться в так называемую «нормальную жизнь», могли бы раскрыться и чувствовать себя людьми в полном значении этого слова. В этой продолжительной и всеохватывающей работе его вела глубоко запавшая в душу мысль: в сущности, ненормальных людей нет; мы все просто люди, пусть даже кто-то в этой земной жизни больше нуждается в помощи, чем большинство окружающих – идеал братства, впечатляющим образом представленный в его статьях и выступлениях, но прежде всего во всей его работе.

Но это чувство братской соединенности Карл Кёниг испытывал не только по отношению к нуждающимся в помощи людям. В той же мере он переживал его и в отношении животных. И совершенно естественно, что он – хотя это и звучит довольно необычно – выступал в защиту человечности животного. При этом основным источником ему служило эволюционное учение его учителя Рудольфа Штайнера, основателя антропософии, которое говорит о тесной связи судеб человека и животного, существующей с незапамятных времен. Это эволюционное учение говорит о выделении животного (а также растительного и минерального) в процессе человеческого становления, но также и о будущем воссоединении или – говоря словами апостола Павла – «об искуплении твари».

Подобным характером своего мышления Карл Кёниг глубоко обязан христианству, а вместе с ним также и морфологическим трудам Гёте, которые научили его открывать конкретный тип как вариацию идеального прообраза. Речь идет об учении о той «экономной природе», которой, как пишет Гёте, присоединяясь к Жоффруа де Сент-Илеру, «предписана смета, бюджет, в отдельных статьях которого возможны любые отклонения, но сумма тем не менее точно сходится, поскольку если в каком-то месте слишком много израсходовано, то в другом столько же удерживается, и все самым решительным образом выравнивается». Эту мысль Гёте вы сможете неоднократно встретить на последующих стра-

ницах.

Автор этих очерков о животных – до того, как посвятить себя медицине, а в ней особенно эмбриологии – изучал также зоологию. Но книгу о животном как спутнике человека не следует рассматривать как «учебник», да и вообще Карл Кёниг едва ли думал об опубликовании книги. К тому же ранняя смерть не позволила ему дополнить и переработать изложенное. Мы приводим теперь этот материал так, как он первоначально появился в журнале по антропософии и социальной трехчленности «Die Drei». В 1956 году Карл Кёниг предложил редакции первые статьи, «Странствия угрей и лососей» и «Голубь – священная птица». Затем наступила трехлетняя пауза, пока из бесед не возникла мысль познакомиться с отдельными животными, исходя как раз из этого братского настроения, более широкий круг читателей. При этом Кёниг как-то сказал: мы должны попытаться спасти от сегодняшней угрозы истребления как можно больше животных – в Ноевом ковчеге, который должен быть возведен в человеческой душе.

В статье о медведях упомянуто «собственное достоинство», присущее каждой группе животных. Достоинство, которое раннее человечество – мифологические ссылки Кёнига подтверждают это – безусловно признавало за животным существом, но которое разрушил становящийся все более односторонне интеллектуальным и эгоистичным человек. Кёниг стремился помочь восстановить его благодаря новому взгляду на животное, и таким образом содействовать этому искуплению.

Предлагаемые вашему вниманию очерки можно, пожалуй, назвать вкладом автора в «зоологию будущего», какой она ему виделась; причем сегодняшнее исследование поведения животных – это только первая дверь в «царство нового понимания»; следующей дверью будет «более спиритуальная интерпретация этнологических феноменов». При этом ход мыслей и возникающие взаимосвязи у Кёнига часто смелы, порой рискованны, но даже в противоречии возбуждают интерес и в своем основном стремлении безусловно оправданны.

По этой причине в настоящем издании и собраны очерки о тринадцати животных в их первоначальном виде. Это сделано также и для того, чтобы помочь выработать у широкого круга читателей, которым не безразлична современная печальная судьба животного мира, новый подход к его существам, и не в последнюю очередь потому, что эта книга может предложить воспитателям подрастающего поколения материал и мотивы, с помощью которых они своевременно сумели бы воспитать у детей обоснованную любовь к братьям в царстве животных – иную, чем у выросших в духе материализма и голого практицизма взрослых.

*Фриц Гетте, редактор немецкого издания*

## О происхождении тюленей

Все царство животных, пронизано постоянным стремлением к странствиям. Едва ли найдется вид, для которого перемещение не было бы составной частью его бытия. Эти странствия охватывают большие и малые пространства. Некоторые животные способны переплывать океаны, другие пересекают целые континенты.

Путешествуют животные самым разным образом. Птицы, например, во время перелетов преодолевают многие тысячи километров, некоторые бабочки перелетают через высокие горы. Эти странствия охватывают все стихии: землю, воду и воздух. Северные олени регулярно кочуют по огромным просторам Заполярья; угри, колыбель которых находится в Саргассовом море, тянутся на восток и поднимаются в реки Европы. Лососи проходят обратный путь, от речных истоков к океану. Несметные, пожирающие все на своем пути полчища саранчи, орды бродячих муравьев пролетают и проползают значительные территории.

Ход сельди, подъем осетра, появление тюленей, морских Львов и пингвинов к совершенно определенному времени года их исчезновение спустя какой-то более или менее длительный промежуток – все это лишь примеры неуклонного движения, которое пронизывает все животные виды.

Можно ли объяснить передвижения животных единой причиной? Речь идет о чрезвычайно сложном явлении, которое, очевидно, подчинено различным обстоятельствам. Каждый отдельный вид обладает присущим ему одному способом передвижения, и этот способ столь же характерен для данного вида, как форма тела или расположение зубов. Некоторые странствия подчинены годовому ритму, другие следуют фазам возрастающей или убывающей Луны. Часто перемена места тесно связана с периодом спаривания и размножения. Существуют кочевые животные, которые следуют за своим кормом, есть и другие, на которых неожиданно находит безумие странствия, и они, как скандинавские лемминги, несутся прямо к своей смерти. Если попытаться из множества отдельных явлений выделить какие-то общие существенные для этих странствий черты, приходишь к важным наблюдениям; нам нужно только как можно шире охватить саму идею странствия. Чем более всеобъемлюще мы учимся созерцать феномен, тем яснее выступает характерное и существенное.

Пчелиный улей, который неделями выполнял обычную работу, со-

бирал мед, заботился о личинках, обучал молодых пчел, бывает внезапно, иногда за несколько часов, пронизан охватывающим всю семью беспокойством. Всякая регулярная деятельность прекращается. Сбор меда уменьшился уже в предыдущие дни, и ячейки, из которых вот-вот вылупятся будущие матки, строго охраняются. Затем после короткого дождя, когда снова появится солнце, сразу начинается роение. Старая матка и большое число молодых работниц покидают улей и летят тесным сплоченным роем на поиски нового гнезда.

Норвежские лемминги, одна из разновидностей полевки, могут разнообразно, очень боязливо и скрытно, едва замечаемые, годами жить на равнинах и болотах северных гор. Но однажды летом они плодятся сильнее обычного, невероятное множество молодых леммингов заселяет луга, и внезапно их повсеместно охватывает страсть «к перемене места». Лемминги собираются тысячами, становясь агрессивными и сварливыми, и бегут через леса и кусты, реки и пропасти, тесно прижавшись и тысячами давя друг друга, все дальше на запад, пока не доходят до моря и там, забредая все дальше, погибают в воде.

Пингвины, месяцами избегавшие островов и побережья Антарктики, неожиданно, как по мановению волшебной палочки, сотнями появляются из океанских просторов и, теснясь плечом к плечу, населяют твердую землю. Тут они строят простые гнезда; это ямы или небольшие, окруженные камнями углубления. В них они кладут яйца и выводят малышей. После того как потомство «оперилось» и научилось плавать, колонии снова уходят в море и уплывают на оставшуюся часть года неизвестно куда.

Эти примеры можно дополнить множеством других. Всегда оказывается, что начало странствия сопровождается чем-то необычным. Отдельные животные собираются в более или менее обширные группы. Птицы, рыбы, насекомые – все движутся к цели большими, сплоченными стаями.

Придумано много объяснений для такого поведения животных. Каждая из этих теорий содержит долю истины, но ни одна не охватывает феномена в его полноте. Конечно, голод, стремление к продолжению рода, ожидание смерти играют при этом определенную роль. Но почему это приводит к сбору в стаи? Что происходит с отдельным животным: почему оно ищет общности со своими братьями по роду и племени и только вместе с ними пускается в путь или свадебный перелет? Почему неожиданно собираются вместе тысячи пингвинов, десятки тысяч тюленей, миллионы сельдей, угрей, сардин? Одни вместе движутся, другие несметными толпами оседают в определенных местах.

Можем ли мы догадываться, что совершается в эти мгновения в жизни животного? Конечно, можно попытаться сделать ответственным за



все это некую деятельность желез, неожиданное пробуждение инстинкта и многое другое. Но ведь железы меняют свои функции, а инстинкты пробуждаются эму, что есть нечто более высокое и мощное, что пронизывает преобразует весь род. Что происходит с группой птиц, которая осенью отправляется на юг? Их охватывает неожиданно возникающее беспокойство они собираются в стаю, и отправляются в путь.

Содержащиеся в неволе перелетные птицы проявляют такое же беспокойство в ту пору, когда улетают их родственники. Луканус<sup>1</sup> пишет об этом: «Неутомимо бьется и шумит в клетке пленник, часто до неузнаваемости растрепывая и разбивая перья... Это несомненно доказывает, что не внешние причины побуждают перелетную птицу к странствию, но она следует властному стремлению, полностью захватывающему ее, стремлению, которое она не может по своей воле подавить или изменить. Птица летит, потому что она должна лететь!»

Но почему птицы должны улетать? Потому что все животные, также как и человек, пронизаны определенными жизненными ритмами. Неправоммерно даже приблизительно сопоставлять стремление к странствиям у животных и потребность путешествовать и исследовать у человека. Эта роковая ошибка все снова и снова мешает выработке верного взгляда. Животные странствуют подобно тому, как люди спят и бодрствуют. Птицы, готовящиеся к перелету на юг, переживают изменение сознания, которому они вынуждены подчиняться. Наступление вечера, переживание засыпания – вот что овладевает ими. Они начинают грезить о юге, и каждый вид видит свой, общий для всех его представителей сон, объединяется в переживании этого сна и, подобно лунатику, ищет путь в страну своих грез. У всех птиц меняется поведение. Тот же Луканус пишет: «На Куршской косе я мог достаточно часто наблюдать, как странствующие соколы и перепелятники мирно летели рядом с дроздами, скворцами и зябликами, не проявляя никакого охотничьего пыла, да и маленькие птицы почти не обращали внимания на страшных хищников и, не беспокоясь таким соседством, продолжали воздушное путешествие, нисколько не меняя направление полета». Это можно объяснить только тем, что охотники и жертвы все вместе погружаются в грезы. На них находит легкий сон и, живя на юге, они просыпаются лишь тогда, когда забрезжит утро их возвращения. Тогда они устремляются на родину; это день и дневная деятельность. На родине наступает пробуждение: строительство гнезда, выведение потомства и забота о его воспитании. После того как эта работа закончена, наступает «вечерний разъезд», и их снова одолевают грезы о юге.

Здесь раскрывается то могущественное, чему подчиняются все стран-

---

<sup>1</sup> Fr. v. Lucanus: Zugvögel und Vogelzug. Berlin 1929

ствия животных. Подобно тому, как мы, люди, спим и бодрствуем в ритме суточного вращения Земли, так и животных пронизывает подобный, но только годичный ритм. Не одна только Земля, но взаимодействие Земли, Солнца и Луны ритмизирует их сон и бодрствование. Странствие и возвращение – это переживание засыпания и пробуждения групповых душ отдельных видов. Всомогущество этого явления нельзя объяснить, исходя только из инстинктов, стремлений и поведения. Мощное душевное дыхание пронизывает отдельные группы животных; с выдохом оно поднимает их из дневной деятельности в страну грез; с вдохом снова ведет их назад, в повседневность.

Только принимая во внимание это струящееся через всю Землю дыхание, можно объяснить жизнь тюленей. Эта большая, странная, окутанная многими тайнами группа животных весьма примечательным, как мы увидим, образом подчиняется закону этого ритма.

Жизнь большинства тюленей во многом определяется чередованием странствий и покоя. Размах этого жизненного маятника усиливается еще и за счет того, что один период протекает в основном в воде, а другой полностью на суше. Продолжительность каждого периода колеблется в зависимости от вида и места обитания. Одни проводят на суше половину жизни, другие лишь несколько недель.



У всех видов тюленей малыши появляются на свет на и никогда не рождаются в воде. На суше происходит также спаривание, вскоре после рождения потомства. Маленькие тюлени, беспомощные и всецело предоставленные материнской заботе; знакомятся с морем только спустя некоторое время, под присмотром и руководством матери. В небольших бухтах они проходят настоящее обучение плаванию, до тех пор пока не овладеют водной стихией.

Рост и развитие малышей продвигается быстро, большими шагами. Молочные зубы – у тех видов, которые их имеют – сменяются уже до или вскоре после рождения. Ежедневный прирост в весе составляет около 3 фунтов (!). Таким образом, малыши подрастают удивительно быстро, и уже через месяц после рождения заканчивается период кормления.

Всегда рождается только один-единственный детеныш, и если мать, забывшись, в первые недели после рождения уплывает на пару дней, не заботится о малыше, или, тем паче, не возвращается, тогда он обречен на голодную смерть. Детеныш начинает жалобно хныкать, из больших черных глаз бегут настоящие слезы. После окончания кормления детеныши еще месяц остаются на берегу без опеки. Матери теряют к ним интерес и живут в гаремах мужей. А малыши растут дальше, хотя вряд

ли они питаются в это время; мех меняет свой цвет, и когда с наступлением зимы налетают ветра и приходят холодные дни, то все – старые и молодые, большие и маленькие – уплывают в море. Куда они деваются, неизвестно. Но ясно, что они предпринимают дальние путешествия, поскольку окольцованные в Норвегии нерпы на следующий год появлялись в Южной Швеции, Шотландии и Исландии. Большинство же возвращается на старые лежбища, следуя строгим жизненным законам. Котики, к примеру, населяющие северное побережье Тихого океана от Аляски до Камчатки, начинают появляться на лежбищах приблизительно в конце мая. Первыми приходят старейшие, самые сильные самцы, следом за ними более молодые. Весь июнь идет непрерывная борьба за место. Каждый взрослый самец отмечает свой собственный участок по меньшей мере в несколько квадратных метров камнями и комьями земли, но лучше всего действуют его гнев и ревность. Один за другим возникают тысячи таких участков, а молодые самцы, не претендующие еще на образование семьи, более или менее почтительно держатся вкруг.



Около Иоаннова дня и вплоть до первых чисел июля из моря появляются тысячи самок и дают увести себя в гаремы. Чем сильнее самец, тем больше у него жен. Через некоторое время рождаются малыши, они выкармливаются молоком и подрастают; но одновременно происходят новые свадьбы и спаривания.

В Антарктике, где живут южные родичи коти-ков, происходит все то же самое, только начинается в ноябре и продолжается до марта следующего года.

Все это время тюлени ничего не едят. Их жизнь теперь не промыслы и охота, а досуг и безделье. А также борьба между самцами, любовные игры и удовольствия. Вырастают и начинают проказничать малыши. Кому доведется неделями, как Локли<sup>2</sup>, жить около такого лежбища и наблюдать обычаи и поведение тюленей, тот навсегда будет покорен волшебным миром их жизни.

Все, что происходит в местах, где селятся и живут ластоногие, по сути представляет собой отражение их «включенности» в движение солнца. Когда дневное светило стремится к высшей точке, тюлени выходят из моря на сушу. Они следуют за поднимающимся солнцем. Они оставляют

<sup>2</sup> M. Lockley: The Seals and the Cunagh. London 1954

море не потому, что на суше им живется лучше, или потому, что становится теплее. Солнце своим прибывающим светом выводит их из водных глубин на воздушные просторы. Тут происходит летнее засыпание. Тюлени должны отдаться во власть сонных грез, они пронизаны ими. Это изменение сознания выводит их из океанских глубин на сушу, они прекращают есть, готовят места для своих любовных игр, и наступает «ночь отдыха». Летний сон разливается над различными родами и видами тюленей. У перелетных птиц все как раз наоборот. У них выращивание потомства – это «дневная работа». Тюлени же перенесли ее в царство ночи и грез. Такие различия биологически и с точки зрения истории Земли имеют большое значение и должны быть исследованы гораздо более обстоятельно, чем это делалось до сих пор. Когда вслед за тем приходит осень, солнце теряет силу и отступает, тюлени снова просыпаются. Осень – это для них утро. Теперь они уходят обратно в океан и превращаются в охотников и хищников; начинается их дневная деятельность.

Такая годовая периодичность имеет еще и другую сторону. Внутри большого класса млекопитающих ластоногие образуют собственный отряд (Pinnipedia). Многие исследователи считают их хищниками; некоторые черты указывают на собаку. По характеру и образу жизни их трудно присоединить к другим отрядам. Одни признаки роднят их с хищниками, другие со слонами. Разделение жизни на морские и сухопутные отрезки придает их существованию сложный характер. В воде они хищники; они грозные охотники, и ни одна рыба не чувствует себя защищенной от них. Тут тюлени способны выполнять удивительные маневры, они быстры, дерзки и агрессивны, как все хищники. В море они, по-видимому, живут не стаями, а поодиночке, будучи едва связаны со своими сородичами. Их движениям свойственна исключительная ловкость и гибкость.



На земле они становятся неуклюжими; поскольку плечо и предплечье сильно укорочены и спрятаны в туловище, а кисть превратилась в лаstopодобный придаток, их передвижения очень затруднены. Они ползают, упираясь и вытягиваясь вдоль земли. На земле тюлени оставляют свои хищные замашки и становятся вполне мирными. Они собираются в небольшие, как у копытных, стада. Всем стадом, состоящим из множества жен и окружающего молодняка, управляет самец. Похожая социальная тенденция есть и у слонов.

Таким образом, ластоногие колеблются, словно маятник, не только между водой и землей, но и между хищниками и копытными. Во время

бодрствования они напоминают первых, а во время сна вторых.

Прибавьте к этому еще некоторые почти человеческие, или по меньшей мере напоминающие антропоидов черты. Так, всегда рождается только один, изредка два детеныша. Маленькие тюлени могут хныкать и плакать, у них есть даже молочные зубы. Поскольку глаза большие и круглые, а череп имеет почти шаровидную форму, морда тюленя напоминает своим выражением человеческое лицо. У многих видов, особенно у нерп, сильно выдаются лоб и глаза, а поскольку пасть выступает не очень сильно, возникают почти человеческие черты.

Когда однажды в сумерках я стоял на берегу Тинтагеля, недалеко от пещеры Мерлина, и море пело свою ночную песню, из воды неожиданно вынырнула нерпа. С любопытством, вопросительно, она посмотрела на меня, и наши глаза встретились. Это был столь непосредственный взгляд, каким я едва ли когда-нибудь обменивался с животными; взгляд без страха и тревоги, с полным пониманием ситуации. С тех пор я начал приближаться к загадке этих странных животных.

Исторически у тюленей не найдено предков. Описанные палеонтологами скелеты и останки имеют такое же строение, как и живущие виды: укороченный хвост и конечности, характерную форму зубов. Почти все находки сделаны в геологических отложениях, соответствующих двум последним эпохам третичного периода, миоцену и плиоцену.

Факты ясно свидетельствуют о том, что отряд ластоногих появился в земной истории поздно и, по-видимому, совершенно неожиданно. Где бы ни находились останки, они всюду обладают теми же самыми характерными признаками без первичных и переходных ступеней. Неожиданно и вполне сформированными предстают перед нами ластоногие.

В первый момент вряд ли может возникнуть сомнение, что тюлени изначально были наземными животными. И по сию пору они дышат легкими, а новорожденные организованы таким образом, что первое время после рождения не могут жить в море. Поэтому пока мы должны предположить, что все тюлени приведены в воду с суши и каждый год, ведомые солнцем, словно в сновидческом воспоминании возвращаются на свою изначальную родину.

Где же тот берег, которого они ищут, где расположены их основные лежбища? Последние исследования о географическом распространении ластоногих<sup>3</sup> однозначно показывают, что первоначальные центры, вокруг которых они жили, это обе полярные области. Как Арктика, так и Антарктика еще и теперь являются местом их обитания.

Определенные виды, например, морские леопарды, некоторые виды морских львов и слонов живут в Антарктике. Другие для спаривания и

---

<sup>3</sup> См. V. B. Scheffer: Seals, Sea Lions and Walruses. Stanford and London 1958

выращивания потомства выходят на многочисленные острова и полуострова, окружающие Северный полюс. Их родина Гренландия и Исландия, западное и восточное побережье Канады, множество островов, раскинувшихся между Америкой и Азией, от Аляски до Камчатки и Сахалина. Поскольку во время летнего сна и летних грез тюлени обходятся без пищи, пустынный, каменный, часто покрытый снегом и льдом мир полярного побережья – вполне подходящая для них среда.

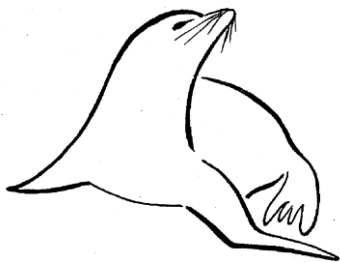
Но многие ластоногие, особенно из семейства настоящих тюленей, находят дорогу вдоль побережья на юг. В Европе их часто можно увидеть в Уэльсе, Ирландии и Корнуолле. Они могут появляться в Португалии, а определенная группа, тюлени-монахи, населяют даже побережье Средиземного моря. Чем южнее они забираются, тем менее четкой становится годовая периодичность их жизни. Живя между сушей и морем, они теряют тогда первоначальный ритм.

Они живут также и во внутренних морях, на Байкале и Каспии. Этот факт мог бы послужить ключом к разгадке их первоначального географического распределения. Быть может, их увлекли и оставили при отступлении накатывавшиеся на юг волны оледенения. В пользу этой догадки говорят и палеонтологические находки, скелеты тюленей на юге России, в Венгрии, в районе Вены, в Южной Франции, Италии и даже Египте.

Таким образом, различные виды тюленей пришли, по-видимому, с севера, из Арктики. Там у полюса и была, вероятно, их родина, куда многие возвращаются все еще и поныне. Наступающие на юг глетчеры ледникового периода повлекли за собой наступление ластоногих. Чем шире был ледяной пояс, тем дальше на юг заносил он полярных животных. Расселение шло также и из Антарктики; отдельные виды тюленей пробрались вдоль южноамериканского побережья до Патагонии, а морские львы дошли даже до экватора. Таким же образом были заселены Австралия и Новая Зеландия.

Можно ли от этих отдельных фактов палеонтологии и зоогеографии пробиться к связному образу ластоногих и раскрыть тайны их земной истории? Это животные, центр географического распространения которых находится в полярном регионе. Волны ледниковых периодов шаг за шагом донесли их до умеренных широт. Несмотря на это, полюс остался их родиной.

И чем ближе мы подходим к полярным областям, тем в большей степени дневной ритм, столь естественный для более южных и экваториальных районов, побеждается годовым солнечным ритмом. Земной день и



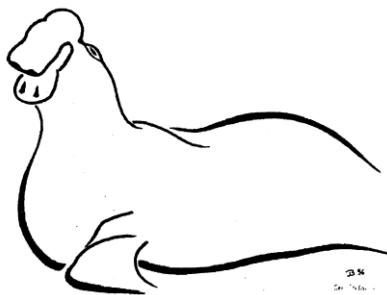
земная ночь превращаются в полярный день и полярную ночь. Месяцами солнце не появляется над горизонтом, а затем, поднявшись весной, многие недели не заходит. Здесь мы встречаемся с той же периодичностью, какая вписана в жизненный ритм всех тюленей. С приближением полярной ночи опускающееся солнце уводит с собой своих детей-тюленей, и они исчезают в водах мирового океана. Когда же с наступлением полярного дня солнце показывается снова, следом за ним появляются и выходят на сушу тюлени. Весь отряд тюленей пронизан этим полярным ритмом Солнца. Но отсюда становятся понятными и географическое распределение, и главные особенности жизни этих животных.

Предыстория ластоногих, о которой мы могли заключить из их географического распространения и поведения, а также их жизненный ритм, соответствующий движению Солнца в полярных областях, исторически уводят нас в те области, где в начале земного и человеческого развития можно найти Гиперборею. Тогда все, что позднее должно было раскрыться как человеческий род и природные царства, было еще в зачаточном состоянии. Рудольф Штайнер описал это следующим образом: «Световое растение человек жил тогда заключенным в общее мировое лоно, чувствуя себя единым со световой оболочкой Земли. Человек в этой тонкой, туманно-растительной форме был словно пуповиной соединен с матерью-Землей; вся мать-Земля лелеяла и оберегала его. Как в более широком смысле ребенок лелеется и оберегается сейчас в материнском теле, так лелеялся и оберегался тогда зародыш человека»<sup>4</sup>.

В этот период из Земли выделилось Солнце. «Этот выход Солнца был связан с тем, что пар уплотнился до воды».

Возник «водно-земной шар», и человек принял такой облик, что частично он «был водным существом, но возвышался в окружающий воду туман». Там достигал его свет, струящийся извне от окружающего Землю Солнца.

В этом описании приоткрывается тайна происхождения тюленей. В той области Земли, где и поныне находится родина многих ластоногих, была некогда колыбель человечества. Там жили озаряемые светом, овеваемые воздухом человеческие тела, «пуповиной соединенные с матерью-Землей». Все большим становилось уплотнение. В упомянутом выше докладе Рудольф Штайнер



---

<sup>4</sup> Рудольф Штайнер, "Египетские мифы и мистерии" (Ägyptische Mythen und Mysterien, GA 106), 5-й доклад.

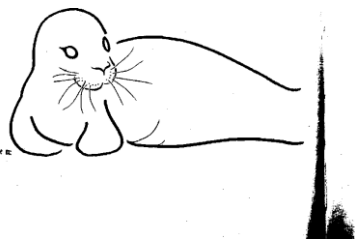
указывал на то, что ко времени выделения Солнца из Земли человек достиг той ступени «в своем теле, вырождение которой мы сегодня можем наблюдать в рыбах. Если мы сегодня глядим в воду, наполненную рыбами, то эти рыбы представляют собой остатки тогдашних людей».

Тюлени не рыбы, и все-таки они сформированы для жизни в воде. Если спросить себя, чем рыбы отличаются от тюленей, то ответить будет нетрудно. Тюлени ближе к человеку; они млекопитающие; они образуют социальные группы, по крайней мере на то время, когда живут на суше; они рожают одного-единственного детеныша и выкармливают его, пусть и несколько недель.

Рыбы, напротив, доверяют свои неисчислимые икринки водной стихии, и хотя некоторые виды строят гнезда, несколько дней заботятся о мальках, все же в своей конституции, образе жизни и поведении они бесконечно далеки от млекопитающих и, в частности, от тюленей.

Рыба – это водное животное, организм же тюленя лишь приспособлен для жизни в воде. Конечности преобразованы для плавания, кожа снабжена толстой жировой прослойкой и дает зверю необходимую тепловую защиту и веретенообразную, круглую, такую удобную для плавания форму туловища. Ушные и носовые отверстия под водой могут наглухо закрываться. Так многие черты указывают на обитателя моря.

Но откуда же произошли тюлени? Действительно ли они когда-то были сухопутными млекопитающими, которые позже должны бы были найти хотя бы следы предков этих морских жителей. Но этого не происходит; уже «готовыми» вступают они в заключительные эпохи третичного периода, миоцен и плиоцен. Согласно Ваксмуту<sup>5</sup>, исторически эти эпохи соответствуют началу древнего атлантического времени; то есть в эпоху, когда только начали образовываться первоформы млекопитающих, тюлени выступили уже полностью сформировавшимися. Нет ли здесь противоречия?



Может быть, тюлени – это предки всех возникших тогда млекопитающих? Предки не в смысле того эволюционного учения, которое заставляет одно животное возникать из другого благодаря неким иллюзорным силам наследования и приспособления, но такие, которые сохранили и не специализировали примитивную форму своего тела, едва обозначенные члены и круглое туловище? Вероятно, тюлени никогда не были настоящими сухопутными животными, так как только в середине атлантического периода Земля стала достаточно твердой, чтобы животные и

---

<sup>5</sup> Günther Wachsmuth: Die Entwicklung der Erde. Dornach 1950



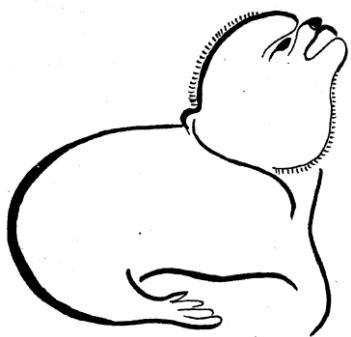
человек могли опереться и ступить на нее.

Если мы прислушаемся к этим рассуждениям, тело тюленя может предстать перед нами в новом освещении. Не напоминает ли оно эмбриональную форму? Человеческий эмбрион в конце 2-го месяца, хотя он и не превышает 25 мм, внешне очень походит на тюленя. И у эмбриона конечностями являются маленькие незаметные «обрубки», глаза круглые, веки широко раздвинуты, рот без губ и похож на щель. Эмбрион парит в воде в окружающей его оболочке.

Не встречаем ли мы здесь, при нарастающем отвердении, уплотнении и увеличении, напоминание о разных земных эпохах? Тюлени не стали рыбами, поскольку вплоть до начала Атлантиды они оставались связанными с человеком. У них были нерасчлененные, эмбрионоподобные тела, которые, плавая-паря, двигались в еще не уплотнившейся водянистой земле. В начале Атлантиды, когда формировались память и речь<sup>6</sup>, и предки человека, частью которых были тюлени, делали первые шаги к становлению «Я», началось отпадение тюленей. Они слишком быстро уплотнили эмбриональный облик человека. Поэтому теперь они теряют молочные зубы еще до рождения и лишь несколько недель выкармливаются молоком. Младенцами они растут так быстро, что скорее всех становятся независимыми существами. Столь поспешное завершение молочного и детского периодов ясно указывает на неожиданный и слишком быстро совершающийся процесс становления животного.

Тюлени являются свидетелями того, что истоки человеческого становления лежали в районе Гипербореи, которая на заре земной истории широким кольцом охватывала Северный полюс. Там находились предки человека и тюленей; они были идентичны. С наступлением Атлантической эпохи, когда начало приобретаться индивидуальное сознание, часть человечества – еще как своего рода человеческий эмбрион – слишком быстро отвердела. Она стала отрядом тюленей. Они являются примлекопитающими, которые стали способными к продолжению рода, будучи на самом деле эмбриональной формой<sup>7</sup>.

Но они несут с собой не только эмбриональную форму, но и внутреннюю связь с Солнцем, пронизывавшим своим действием Гиперборею.



<sup>6</sup> См. главу «Наши атлантические предки» в книге Рудольфа Штайнера «Из летописи мира» (Aus der Akasha-Chronik, GA 11) – Калуга 1993

<sup>7</sup> Это типичные представители того биологического явления, которое носит название «неотения».

Еще и сегодня они следуют движению Солнца в ритме полярного дня и ночи. Они никогда не были собственно сухопутными животными; как раз наоборот! Из вод древней Атлантиды, куда они слишком быстро нырнули, они пытались ступить на постепенно уплотняющуюся Землю. Но это им уже не удалось. Каждый год они возобновляют попытку и трогательно уверяют суше своих детенышей; но это ведь только сон, который проходит столь же быстро, как наступил. И когда начинаются осенние бури, тюлени должны возвращаться назад в море, куда зовет их заходящее полярное Солнце. То, что тюлени слишком быстро уплотнились на стадии человеческого эмбриона – это их земная судьба. Из-за этого они погрузились в воды мирового океана; они достигли Антарктики и нашли там условия жизни своей старой родины. Все снова они пытаются достичь земли, и каждый раз вода одерживает над ними верх. Они являют на Земле величественный памятник человеческого развития. Если мы заглянем им в глаза, то увидим себя самих, какими мы некогда были, и смутно ощутим, как мы развились, а они, тюлени, остались на месте. Они так близки нам, потому что они не специализировались, как другие млекопитающие. Это не те напоминающие о Лемурии виды, какими являются сумчатые и однопроходные, и не деградировавшие формы, известные нам как грызуны. Родственны они китам и дельфинам, но те имеют иное происхождение. Позже тюлени прошли через Атлантическую катастрофу и поэтому попали во все те области, которые населяют еще и теперь.

Когда-то жизнь эскимосов была очень тесно связана с тюленими. Если в былые времена убивали на охоте моржа или тюленя, то удачливый охотник оставался три дня в своей хижине; в это время он не мог ни есть ни пить; также не мог он касаться жены. Всякая работа в его доме останавливалась, постель не убиралась и нагар с ламп не счищался. Но через три дня душа убитого тюленя освобождалась и возвращалась в материнское лоно. Тогда же могла снова начаться обычная жизнь и охота<sup>8</sup>. Души тюленей, моржей и китов возвращались к великой богине Седне. «Она – мать всех морских животных и главная богиня эскимосов. Они считают, что она господствует над судьбой людей... Ее трон находится в подземном мире; там живет она в доме, построенном из камней и костей китов. Из этого дома происходят души всех тюленей и китов. Туда же души снова возвращаются после смерти».

Множество ритуалов и табу связано у эскимосов с тюленими. Души этих животных «одарены значительно большими способностями, чем души людей». Они не переносят запаха человеческой крови, а также теней и темного цвета смерти. Также неприятны им менструирующие

---

<sup>8</sup> Из книги J. G. Frazer *The Golden Bough*, London, 1938 28

женщины. Эскимосы смутно ощущают, что кровь и смерть содержат те личные силы «Я», которых тюлени некогда лишились. Они принадлежат богине преисподней и земных глубин, тому царству Матери, из которого когда-то вышла человеческая судьба. Рудольф Штайнер указывал, что «Мать» нужно искать там, где лежат прошлые ступени земного развития<sup>9</sup>. В область прошлого тянутся и души тюленей; там их общая родина с людьми, их братьями.

Но в последние столетия люди отреклись от этого братства. На юге и на севере они начали откровенно безжалостную охоту на своих собственных предков. Миллионы тюленей, моржей, морских львов, морских леопардов и котиков были уничтожены. Дубинами, ножами, топорами и ружьями истреблялись целые колонии и виды. Но это шло не от эскимосов, живших в теснейшей связи с тюленями. Это совершалось русскими и немцами, англичанами и японцами, голландцами, скандинавами, американцами из-за хищности и жадности. Все более редкими становятся теперь тюлени, и дом богини Седны густо населен их душами. Эта богиня – мать земных глубин – стоит и над судьбой человека; но что станет с человечеством, которое слепо отрицает образ своего прошлого? Не отрицает ли оно вместе с этим свое божественное происхождение? Лишь немногие знают еще истинную историю происхождения тюленей, и даже Лаппе Аслак, сын Сири Маттис, который 24 мая 1944 года рассказывал<sup>10</sup> о происхождении тюленей, «как это передали отцы», лишь предчувствует правду. Он говорил об исходе евреев из Египта, о переходе через Красное море и о преследовавших их египтянах. И тут он сказал: «Тогда поднял Моисей снова свой жезл и фараон и все его люди, и собаки, и лошади, и колесницы были поглощены морем. Сам же фараон и все, принадлежавшие его роду, стали тюленями большими, а все их солдаты – маленькими тюленями».

Здесь еще раз, но в историческом преломлении, явлен прообраз становления тюленей. Та часть человечества, которая не хотела участвовать в поступательном развитии, но желала препятствовать ему, была поглощена водой. Другая часть прошла сухой через море и на другом берегу ступила на твердую землю. В конце своего рассказа Аслак прибавляет следующее: «Если ты однажды обратишь на это внимание и снимешь шкуру с тюленя, то он окажется очень похож на человека. Особенно если ты положишь его на живот». Так Аслак смутно ощущал глубокое родство тюленей и людей.

---

<sup>9</sup> Рудольф Штайнер, «Духовнонаучные разъяснения к «Фаусту» Гете» (Geisteswissenschaftliche Eiiäuterungen zu Goethes Faust, GA 272).

<sup>10</sup> Здесь мне хотелось бы сердечно поблагодарить г-на профессора Коля-Ларсена, указавшего мне на это сообщение.

## Из жизни пингвинов

В популярной книге «Остров пяти миллионов пингвинов», увидевшей свет четверть века назад, Шерри Кейртон пишет: «Не знаю, встречалось ли мне за те сорок лет, что я путешествую, исследуя природу, по свету, столь же интересное и одновременно столь же занимательное существо, как пингвин. Над ним невозможно не смеяться из-за комического выражения, которым он так известен. Только остров пингвинов научил меня, что они заслуживают не одной лишь усмешки. Пусть они кажутся и не особенно смысленными – хотя часто, по-видимому, инстинктивно поступают удивительно мудро и обдуманно – но это храбрые и верные существа и достойные супруги»<sup>11</sup>.

Кто хоть раз видел пингвинов, подтвердит это описание. Эти птицы, которые не умеют летать, а вместо этого, выпрямившись, неуклюже ковыляют по земле или ползают на брюхе – весьма необычный народец. Многими тысячами они внезапно выходят из океана к местам гнездовий. Тогда они бесчисленны, как морской песок. Через несколько недель после спаривания самка откладывает яйцо. Супруги совместно высиживают его и с трогательным вниманием заботятся о воспитании чаще всего единственного птенца. Все это происходит в стае, гнездо к гнезду и голова к голове с другими птицами.

Когда птенцы становятся достаточно самостоятельными, вся колония уходит обратно в море.

Этот ритм повторяется заново каждый год, с той лишь разницей, что у каждого вида он свой индивидуальный. Большинство спаривается летом. Императорские пингины, наоборот, выходят на сушу осенью и всю зиму проводят за высиживанием и воспитанием птенцов. Ослиные пингины спариваются даже дважды в год; осенью и весной. Правда, они живут ближе к умеренным широтам, чем большинство их сородичей.

Жизненное пространство всех пингвинов весьма ограничено. Это антарктические животные. Сфера их обитания простирается от Южного полюса до отдельных островов, разбросанных в окружающем океане. Все они используются пингвинами для гнездовий. Эта сфера захватывает Новую Зеландию и Тасманию и через Кергелен и острова Крозе до-

---

<sup>11</sup> Cherty Kearton: Die Insel der fünf Millionen Pinguine. Stuttgart o. J

стигает Южной Георгии, Южных Оркнейских, Южных Шетландских островов и юга Африки. Холодные течения занесли их даже на Галапагосские острова, расположенные у самого экватора. Зато на Северном полюсе и в Северном Ледовитом океане пингвин неизвестен.

Феномен, с которым мы здесь сталкиваемся, заслуживает того, чтобы остановить на нем внимание. Ведь лишь очень немногие виды имеют столь ограниченную жизненную сферу. Как это понимать? Разве Северный полюс не такой же, как Южный? Оба представляют собой области, выделяющиеся из остального царства Земли; в обоих дневной ритм превратился в годичный, ведь солнце лишь однажды за все 12 месяцев восходит и опускается за линию горизонта. Обе полярные зоны покрывает панцирь вечного льда. Но под ним эти области совершенно не похожи друг на друга. «Северная полярная область — это огромная, наполненная морем чаша, из которой выступают остатки отдельных островов, окруженная со всех сторон сушей. Южная полярная область — это, наоборот, твердая земля, точнее, обширный, возвышающийся над океаном блок суши»<sup>12</sup>. Этим характеризуется основная противоположность обоих полярных регионов.

Еще ярче это выступает в следующем описании: «Северный полюс находится в глубоком море величиной с Европу; у полюса глубина больше 4200 метров. Наоборот, Южный полюс — это почти центр огромного массива суши, части света, в полтора раза превышающей Европу. Он расположен на высоте примерно 2900 метров над уровнем моря. Вокруг глубокой морской чаши Северного полюса огромные массивы Азии, Европы и Америки образуют почти замкнутое кольцо; а материк Южного полюса, шестая часть света, совершенно изолирован в океане глубиной 5000 метров. Атлантический, Тихий и Индийский океаны сливаются в один необозримо величественный водный мир»<sup>13</sup>.

Если попытаться более четко обрисовать образ обоих земных полюсов и представить себе в этой связи, что Северный Ледовитый океан имеет глубину 4000 метров, а южный материк поднят над уровнем моря приблизительно на 3000 метров — таким образом, разница составляет 7000 метров — если представить далее, что на севере находится море, окруженное со всех сторон берегами, а на юге омываемый океаном огромный остров, тогда эта полярность в своей сущности станет еще более ощутимой. Северный полюс — это море, окаймленное берегами огромных континентов. Южный полюс — остров, омываемый водами необозримого океана.

Море и остров — вот два начала, все снова и снова в бесконечной из-

---

<sup>12</sup> Ewald Banse: Geographische Landschaftskunde (Heft 21, «Geographische Bausteine». Gotha 1932)

<sup>13</sup> Ernst Herrmann: Die Pole der Erde. Berlin 1959

менчивости формирующие ландшафт Земли. Праостров – это Южный полюс. Праморе – Арктика, и из обеих сфер формирующая сила проникает во все остальные области Земли. Так и хочется сказать: все острова, где бы они ни находились, это дети Антарктики. А все моря, какими бы большими или маленькими они ни были, произошли от огромной чаши Северного полюса.

Каждый остров это выкристаллизовавшийся, уплотнившийся из окружающей воды участок суши. Живущие в струящемся элементе силы концентрируются в центральной точке и словно «выпекают» его. А море – это процесс растворения, совершающийся посреди твердого земного царства. Растворяющие силы струятся из центра к окружающим берегам и долгими тысячелетиями подтачивают скалы.

Остров – это становление Земли; море – ее прехождение, умирание. Уплотнение и растворение живут в обоих этих началах. Северный полюс стар; Земля там растворилась. Отсюда в поток эволюции врываются ледниковые периоды и на столетия покрывают льдом северные континенты, а затем уходят назад, к праматери всех морей. С Южного полюса, наоборот, струятся уплотняющие, островные силы. Они образуют континенты и придают земному царству способность отвердения.

С Севера струится тенденция к растворению, и чтобы Земля не стала совсем жидкой, она уравнивается мощными массивами континентов. Уплотнение действует с юга, но чтобы Земля полностью не очерствела, этой гигантской силе противостоят океаны.

Вот какова противоположность этих двух полярных областей. Таинственная прелесть морей, которые вливают во всякий ландшафт нечто грезящее, провидческое, когда небо отражается в воде и видит в ней самое себя, происходит с Севера. С Юга приходит дающая воде опору, укрепляющая строгость – основная черта всех островов. Она обращает к небесам не зеркало, а кулак. Земля становится независимой и восстает против неба.

Пингвины – детища этих своевольных сил. Они собираются там, где действуют силы земного уплотнения и образования островов.

Почему, встречаясь с пингуинами, мы чувствуем себя возвышающимися над ними и выражаем это превосходство легкой усмешкой? А думая об этих маленьких, прямо держащихся птицах, мы ощущаем какое-то трагикомическое чувство.

Может быть, смех вызван тем, что пингвин – карикатура на птицу? Это и птица, и не птица, ведь она не может летать; ее крылья – укороченные обрубки, словно уродливые руки, покрытые чешуей (эпидермисом), движутся вверх-вниз. Когда пингвин выставляет их, возникает жалкая картина; ведь никогда – это очевидно – обрубки не смогут поднять круглое тело в воздух. Невозможность летать превращает птицу

уже не в смешную, но в трагическую фигуру. Комичность пингвина имеет другие причины. Не кроется ли она в попытках подражать человеку? Вместо того чтобы летать, он, идя по земле, выпрямляется, начинает болтать и браниться, и держит себя так важно, будто действительно что-то из себя представляет. Так нам кажется, поэтому рот сам собой рас-плывается в улыбке. Как будто бы рыба, у которой плавники превратились в ноги, вышла на землю и гордо выпрямилась.

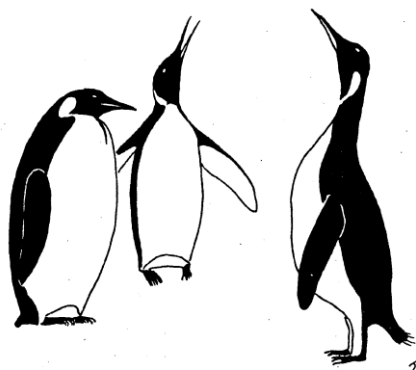
Пингвин – это, в сущности, превратившаяся в рыбу птица. Его царство вода, тут он чувствует себя как дома. У Брема читаем: «Они проплывают под водой около 30 метров, затем выпрыгивают, чтобы перевести дух, как маленькие дельфины, сантиметров на 30, и после 60-80-сантиметрового прыжка снова ныряют. При таком способе движения они пользуются только крыльями, как бы летают в воде... При этом они плывут с такой невероятной скоростью, что легко обгоняют быстро движущийся пароход»<sup>14</sup>.

У Герлаха читаем следующее: «С такими крыльями они не могут летать как птицы, вместо этого они машут ими в воде. Крылья-ласты движутся с огромной скоростью, до двухсот ударов в минуту. Пингины как бы летая носятся в воде, перемещаясь со скоростью около 10 метров в секунду»<sup>15</sup>.

Таким образом, они с легкостью могут проплыть километр за две минуты, а за час тридцать километров. Стоит ли удивляться, что до сих пор неизвестно, куда они уплывают, когда вместе с подростками детенышами покидают острова и уходят в море? Возможно, сфера их обитания – это все южные моря вплоть до экватора. Мы не знаем этого, но вода их подлинная родина.

Они начинают казаться нам смешными, только когда выходят на сушу, чтобы спариться и вывести потомство. Как бы вспоминая далекое прошлое, они принимают птичью жизнь, самки и самцы ищут друг друга, строят гнезда; начинается почтенная семейная жизнь. Странствующий охотник превращается в осевшего бюргера. Рыба становится птицей.

Еще отчетливее это подчеркивается прямизной походки и примечательным рисунком и расцветкой опе-



<sup>14</sup> Brehms Tieileben. Herausgegeben von Otto zur Strassen. Vögel. Band I. Leipzig 1911

<sup>15</sup> Richard Gerlach: Die Gefiederten. Hamburg 1953

ренья: грудь как бы в белой сорочке, а поверх черный фрак. Прибавьте к этому, что они, столпившись тысячами, болтают, толкаются, отбирают друг у друга необходимые для строительства гнезда камни; хоть порой они и лишаются супруги или столь оберегаемого яйца, все же они хорошие мужья и заботливые родители. Как раз эти, сегодня хорошо изученные и исчерпывающе описанные качества, делают находящегося на суше пингвина такой смешной фигурой. Он должен быть птицей, но не может этого; ведь у него нет крыльев, и потому он привязан к земле.

Чтобы преодолеть этот изъян, он стремится стать человекоподобным. Но это совершенно не удается. Так и проводит он это неудавшееся бытие, осужденный на полгода оставлять свой морской дом, выходить на землю и изображать какую-то промежуточную форму, вспоминая и повторяя когда-то присущее ему птичье бытие, и одновременно выпрямляясь подобно человеку, и все же оказываясь не в состоянии им быть. Кто не вспомнит здесь о заклетах, превращающих человека в животное или заставляющих какое-либо существо проводить часть жизни в месте, которое становится для него адом? Как дочь Деметры однажды оказалась в царстве мертвых и лишь на несколько месяцев могла выходить на свет! Нечто похожее заключено в жизни пингвинов и скрывается под маской комичности и несовершенства. Не действует ли здесь рука Кирки, могущественной волшебницы, дочери Гелиоса?

На островах и побережье Арктики пингвинов нет. Однако вплоть до начала прошлого столетия там обитал особый вид птиц, напоминающий пингвинов: бескрылая гагарка. Хотя она и принадлежала к совершенно другой ветви, однако подпала схожему превращению. И у нее крылья превратились в укороченные отростки и исчезла способность летать. По величине она напоминала большого пингвина: приблизительно 90 см высотой. Двигалась она в вертикальном положении, имела белый живот и черную спину. Ближайшие родственники: гагарка и кайра.

Раньше бескрылая гагарка жила не только на островах северных морей; доисторические останки найдены на побережье Дании, Ирландии и даже на юге Североамериканского континента<sup>16</sup>. Последних живых экземпляров видели еще в 1820 г. в Гренландии. С тех пор эта птица – раньше, наверное, столь же многочисленная, как сегодня пингвин – исчезла с лица Земли. До этого ее особенно часто можно было встретить в Гренландии, Исландии и на Ньюфаундленде. «Все исследователи упоминают, что бескрылая гагарка умела плавать с высоко поднятой голо-

---

<sup>16</sup> С севера происходит и имя «пингвин». Хорошо известную им бескрылую гагарку моряки называли Pen-Gwyn (белая голова). Здесь речь идет о двух кельтских словах: Реп – голова, Gwyn – белый, позднее перенесенных с бескрылой гагарки на пингвина. Но это произошло только в английском и немецком. Французы Pingouin'ом называют гагарку, а самого пингвина – manchot.



вой, но втянутой шеей, а будучи потревожена, сразу ныряла. На скалах сидела вертикально выпрямившись. Передвигалась или бежала прямо, как человек, и чуть что ныряла в море на глубину 4-5 метров»<sup>17</sup>. Спаривались бескрылые гагарки летом и откладывали одно яйцо; о способе и времени высиживания существуют лишь догадки.

Во всяком случае, в арктической области возникли формы, подобные тем, которые мы сегодня встречаем у пингвинов. Оба потеряли свои птичьи качества, чтобы навсегда оставить воздух, но зато приобрести способность плавать. Совсем не родственные друг другу по происхождению, и бескрылая гагарка, и пингвин подверглись одинаковой участи и должны были перестать летать. Есть ли еще птицы с похожей судьбой? Мы знаем целый ряд видов: некоторые еще живы, другие уже вымерли. Прежде всего это отряд страусов. Крылья у них столь укорочены, и перья такие мягкие, что совсем не пригодны для полета. Но зато у них сильно развиты шея и ноги: так что выпрямившийся страус часто достигает высоты больше двух метров. Похожий облик имеют австралийский казуар, южноамериканский нанду и вымерший несколько сот лет назад моа из Новой Зеландии. Последний достигал высоты от 3, 5 до 4 метров, обладал мощными бедрами и сильной шеей. Кое-где еще изредка встречается новозеландский киви.

Все эти птицы лишились возможности летать. Зато, за исключением киви, развили сильные ноги и очень длинную шею. Получается, что этим они как бы возместили потерю в крыльях. Тут вспоминаются слова Гете из стихотворения «Метаморфозы животных»:

*«Лишь во внутреннем являет  
Дух способность противления,  
Разрывая оболочку, лепит новые Он формы,  
Словно волны; правда, эти начинания напрасны.  
Ведь не кто иной, как Он проникает в эти члены,  
Наделяя их богато; и тем самым ущемляет Он  
Другие. Уничтожит это бремя перевеса  
Красоту, изящность формы и все чистое в движеньи».*

О юных страусах и казуарах рассказывают, что они грациозно двигаются. Чем старше и больше становятся птицы, тем сильнее выступает это «бремя перевеса» в шее и в ногах, и тем грубее и тяжеловеснее становится поведение. Крылья и полет «съедаются» ногами и бегом. И чтобы уравновесить развитие мощных нижних конечностей, из тела выступает шея; так возникла современная форма.

Эти бегающие птицы, опять-таки за исключением киви, живут в широких степях. Песок, солнце, короткая трава и сухость окружают их. Как

---

<sup>17</sup> Brehms Tierleben, a. a. O. Vogel. 2. Band

считает Портман, сильные мадагаскарские страусы (*Aepyornithes*) были постепенно уничтожены из-за того, что «увеличивающееся выкорчевывание светлых, смешанных с саванной рощ на большей части острова выгнало многих животных в непригодные для их жизни болотистые леса». «Там гигантские страусы стали жертвой крокодилов»<sup>18</sup>. И дело не только в этом. Сферой обитания этих птиц были степи, а не джунгли; поэтому они вымерли.

У всех этих птиц преобладают силы сухой земли. Они высушили тело, утончили оперенье и превратились в бегунов. (У киви сила крыльев перешла в изогнутый удлинённый клюв). Примечательно, что все они живут главным образом в южном полушарии.

Не прямая ли это противоположность пингвинам? У обеих групп крылья укорочены. Но у пингвинов шея и ноги не вытянуты, а, наоборот, подобраны. У них голова переходит прямо в грудь, а ноги выступают из живота, как короткие обрубки. Здесь не воздух высушил тело; напротив, сырость и темнота так раздули туловище, что ноги и шея совершенно потонули в нем. Этот облик напоминает кита, тюленя и дельфина. Конечности превратились в ластоподобные придатки, тело разбухло от жира и стало баллонообразным.

На севере и на юге, где господствующими силами стали мороз, темнота и влага, как противоположность страусу и казуару возникли пингвин и бескрылая гагарка. Способны ли мы познать скрытую в их существовании загадку?

В последние десятилетия поведение больших колоний пингвинов изучалось очень внимательно. При этом выяснилось, что ритм странствия разных видов различен. Так, изученные Кейртоном ослиные пингвины приходят на остров Дассена, расположенный севернее Капштадта, дважды в год, в марте и в сентябре; оба раза для высиживания яиц и выведения потомства. Как правило, эти пингвины откладывают по два яйца, вместо обычного одного, как принято у других видов.

Недавно изученные группой французских исследователей императорские пингвины выбирают для высиживания и воспитания птенцов самое страшное время года – антарктическую зиму. Едва ли здесь можно говорить о каком-то инстинкте, который должен якобы служить сохранению рода. Самки и самцы начинают появляться на ледяных плоскогорьях Антарктиды в апреле, мае. Время полной полярной ночи, период страшнейших ураганов и ледящего мороза, они без всякой пищи проводят в трогательной самоотдаче только что родившимся малышам<sup>19</sup>.

---

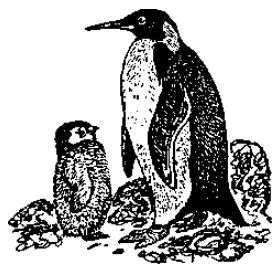
<sup>18</sup> Adolf Portmann: Von Vögeln und Insekten. Basel 1957.

<sup>19</sup> См. Mario Marret: Sieben Mann bei den Pinguinen, Bern 1956, а также Jean Rivolien Emperor Penguins. London 1956.

Большинство других видов, насколько нам известно, высиживают яйца антарктической весной и летом. Таким образом, для пингвинов нельзя указать какого-то единого ритма жизни. Различные виды имеют индивидуальные периоды странствий.

Но нет никакого сомнения, что появление пингвинов на местах будущих гнездовий можно сравнить с возвращением других птиц на родину. Высиживание яиц – это для пингвинов время работы и бодрствования. Они переживают в эти месяцы любовь, рождение и борьбу, и только когда снова возвращаются в море, «в страну грез», начинается мир и благоденствие. Для пингвинов «море» это тоже самое, что для птиц

наших широт «юг». Они не только нырнули в воду, но и избрали ее своим «раем». Они стремятся в воду, как другие птицы в далекую страну своих мечтаний.



А на суше, хотя они и не могут летать, все же пытаются вести себя как птицы. У них есть предсвадебные танцы. Они строят различные гнезда, годами многоамны и очень заботливы к потомству. Такой характерный для птиц способ поведения у пингвинов еще усилен, часто даже превращается в карикатуру и причудливо искривляется. Так как держатся они вертикально, то во время брачного периода и перед свадьбой дело доходит до настоящих поцелуев – пингвины трутся носами и ласкаются. Молодые пингвины часто разводят крылья и пытаются обнять своих дам. При этом раздаются всякие писк и крики.

Гнездо оба супруга строят вместе. Сначала работает один, потом, когда он устанет, его сменяет другой, чтобы через несколько дней дом – обычно углубление, похожее на небольшую нору – был готов. Затем, после завершения работы муж и жена спускаются к морю, купаются и ужинают. Потом они встречаются со знакомыми, болтают, планируют по улицам и, наконец, возвращаются в построенный дом.

Появившееся через три или четыре недели яйцо приветствуется родителями с радостью и восхищением. Они вместе заботятся о воспитании птенца – ведь это время всевозможных опасностей. Чайки и ибисы с нетерпением поджидают, как бы украсть и съесть бесценное яйцо.

Только половине птенцов удастся вылупиться, и те большей частью становятся жертвой врагов и тяжелых жизненных условий.

Для птенцов императорских пингвинов нет вообще никакого гнезда. Яйцо находится в брюшной складке, птенец неделями сидит на ногах у отца, сохраняемый и согреваемый его животом. Мать в это время где-нибудь далеко в море «наедает» себе новые силы. Отцы же всю ледяную полярную ночь выстаивают, тесно сбившись в кучи, сотни и тысячи

птиц, чтобы противостоять уничтожающим ветрам. Образовав большие группы, они обмениваются последним оставшимся у них теплом. А внутри сидят детеныши, маленькие, почти совсем без перьев, и неделями ждут возвращения солнца. Жизнь пингвинов – это не только радость и игра. На суше они несут свою птичью судьбу как тяжкое обременяющее воспоминание, их участь становится мучение и нужда.

Некогда пингины отбросили птичью долю, чтобы обрести другую, может быть, лучшую жизнь. За то, что они ныряют в море, раз или даже дважды в год с них спадают чары, и они с болью вспоминают свое птичье существование. Кейртон описывает, что молодые, всего нескольких недель отроду, пингины испытывают страх перед водой, и только большими трудами и терпением родителей удается заставить их впервые попытаться нырять и плавать. Но к этому они прибавляют еще нечто: «Порой, – говорит он, – странным образом кажется, будто у них есть чувство: плавники – это крылья, и, немного поупражнявшись, можно было бы полететь. Во всяком случае, я часто мог наблюдать, как молодые птенцы с видимым старанием били крыльями, как будто они были убеждены, что так и надо поступать... Эти попытки видишь так часто, что, на мой взгляд, дело здесь не только в разминке. Может быть, это наследие ранних земных эпох... когда пингины действительно могли летать»<sup>20</sup>.

Очень вероятно, что так и было на самом деле, и что какое-то или какие-то события привели к утрате способности летать. После того как пингины стали нелетающими, крылья съезжились и превратились в плавники, позволившие им жить в воде. Антарктические силы образования островов, тьма и огромные водные просторы «раздули» его тело, втянув в него ноги и шею. Так из птицы получилась рыба, которая, правда, раз в год должна опять становиться птицей, хоть это трудно и тяжело. Род не смог бы существовать дальше, если бы не было этого ежегодного жертвенного выхода на сушу.

Живя на суше, пингвин превращается в карикатуру на человека. Он даже обречен на регулярно наступающее заболевание: линьку. Хотя она характерна для всего птичьего рода, но у большинства водоплавающих протекает так, что на несколько недель теряется всякая уверенность в полете. Лебеди, утки и гуси сбрасывают одновременно все маховые перья. Пока у них снова не вырастает оперенье, возвращающее способность летать, они скрываются в густых прибрежных зарослях и болотах.

Большинство других птиц линяют более спокойным образом. Старые перья медленно выпадают и постепенно заменяются новыми. Часто при этом птицы выглядят жалко, но могут есть и летать.

---

<sup>20</sup> Cheny Kearton, см. выше

Пингвин же действительно заболевает при линьке. Много недель подряд он не может ничего есть. Как другие птицы при смене оперенья теряют способность летать, так и пингвин теряет способность плавать. Кейртон рассказывает, что пингвины, которых он мог наблюдать, регулярно линяют в декабре. Они чувствуют наступление этого заболевания; в предшествующие дни особенно много едят, чтобы иметь хоть небольшой запас. «Они похожи на рождественских гусей... становятся все толще и толще, пока однажды не появляются первые, еле заметные признаки линьки. С этого момента начинается не меньше шести недель сплошных невзгод». Потеряна сила для ныряния и плавания. Прекращается охота, птицы оставляют гнезда и слоняются. Перья выпадают пятнами по всему телу. «В одном из таких мест можно увидеть тысячи пингвинов, стоящих, сбившись в тесные кучи, и один выглядит плачевнее другого». Весь остров тогда почти по щиколотку покрыт пухом и перьями, а посреди стоят сотни горестных фигур.

В конце периода линьки пингвины становятся такими тощими, что для ныряния они теперь слишком легки. И тогда они начинают глотать прибрежную гальку, чтобы набрать необходимый «вес». «Можно увидеть, как они бредут по берегу, рассматривая камень за камнем, причем некоторые не трогают (видимо, слишком большие или недостаточно гладкие, чтобы их глотать), другие же съедают, пока им не покажется, что набран достаточный балласт». (Кейртон).

Теперь пингвин начинает снова становиться рыбой. Чтобы добиться этого, он должен есть камни. Как птица – каким он стал после линьки – пингвин потерял нужную для ныряния земную плотность. Поэтому-то он и глотает камни, утяжеляется и превращается в морское животное. Время линьки, когда он должен поститься и страдать, снова возвращает его в птичье семейство. Тяжелые камни уводят его в воду.

Если спросить, каковы кульминации и характерные черты в жизни пингвинов, тогда выступают Два особенных переживания, выпадающих на долю каждому пингвину. Одно целиком связано с описанной выше линькой. Состояние нужды, недомогания и поста напоминает ему о том темном времени, когда он перестал быть птицей и стал рыбой. За это на него возложено ежегодное наказание, которое должны нести все водоплавающие. И не удивительно ли, что пингвин не забивается в темноту своего гнезда, чтобы там пройти это испытание? Он ищет общества своих сородичей, как будто знает, что разделенная беда – это уже полбеды.

Вскоре за тем он ест камни и так впадает в «пингвиний грех», становится рыбой, начинает грездить и возвращается в море.

Другой кульминацией в жизни пингвинов является разглядывание только что отложенного яйца. Все исследователи описывают, с каким волнением и удивлением оба родителя приветствуют яйцо; как они по-

ворачивают его туда-сюда, рассматривают со всех сторон и никак не могут насмотреться. Может быть, в этот момент в них пробивается что-то, что приблизительно можно сравнить с замечанием Рудольфа Штайнера, которое он однажды высказал об облике яйца: «Яйцо – это не что иное, как действительное отражение космоса... и философам не нужно выдумывать, как это у пространства есть три измерения; ведь если бы только действительно знали, куда смотреть, то всюду увидели бы мировые загадки. То, что одна из мировых осей длиннее, чем две другие, тому видимым доказательством служит куриное яйцо; его граница – скорлупа – подлинный образ нашего пространства»<sup>21</sup>.

Может быть, предчувствие этого знания пробуждается в ощущении родителей-пингвинов. Оно едва брезжит в них. Но благодаря этому в них пробуждается сила высиживать яйцо со всем возможным вниманием и инстинктивной заботой, к каким только могло их привести такое глубокое переживание.

Хотя они выглядят жалкими и смешными, но под этой шутовской одеждой скрывается глубина и трагичность всего бытия. Они, пингвины, уже человеческие предки, только у них все искривлено и сдвинуто. Каждая трагедия имеет свою смешную сторону: так и становление человека связано с существованием пингвинов.

Когда читаешь в «Жизни животных» Брема, что «не стоит принимать всерьез ту пользу», которую пингвины приносят человеку, то такой способ рассмотрения выглядит очень убого. Ибо вопрос скорее звучит так: каков истинный смысл их существования? Но вслед за этим нужно подумать о том, что эта группа птиц населяет континент, полностью лишенный человеческого присутствия. На окраинах Арктики еще живут эскимосы, но окруженная океанами Антарктида не населена никем. Условия жизни столь угрожающи и негостеприимны, что люди могут существовать здесь некоторое время только ценой огромных жертв.

Но пингвин отважился оживить темное одиночество и холод Антарктиды. Уже одно это – год за годом сызнова совершающийся подвиг. Особенно для благородных аделей и императорских пингвинов, заселяющих покрытые снегом и льдом плоскогорья Южного полюса. Не вносят ли они тем самым чуточку земной судьбы в это всеми покинутое царство нашей планеты? И когда пингвины, завершив воспитание малышей, снова уходят в море, они расплываются в разные стороны; к Фолклендским островам, к побережью Южной Африки, к Новой Зеландии и Тасмании, и создают тем самым живую связь с обжитыми человеческом областями.

---

<sup>21</sup> Rudolf Steinen Irdische und kosmische Gesetzmäßigkeiten. Доклады, прочитанные в Дорнахе с 24 июня по 3 июля 1921 г.

Пингвины связывают Антарктиду с остальной Землей, служа ежегодными посланцами между ними. Не какие-нибудь межгосударственные договоры и территориальные притязания заставляют их так путешествовать. Они несут в полярные регионы весть о существовании на Земле человека.

Может быть, ближайшее знакомство с немногочисленными видами пингвинов позволит однажды соотнести их с различными человеческими расами, так что благодаря этому они предстанут как теневой образ всего человечества, странствующий на и вокруг антарктического континента. Пингвины, во многих чертах карикатурно подражая и повторяя человека, несут его образ к самым границам земного бытия.

Некогда весь птичий мир был могущественным духовным существом, парящим над водами. Поэтому большинство отрядов могут сегодня расправить крылья и парить в небесных просторах. Но другие должны были отказаться от полета, связав себя с водой и землей.

Пингвины – это приматы птичьего царства. Когда-то и у них были крылья, но они слишком быстро низверглись в отвердение и утратили при этом искусство полета. Вместо этого они приобрели способность к плаванию, и с тех пор они каждый год дважды путешествуют из воды на сушу и обратно, принося Южному полюсу песнь о человеке.

Это грубая песня, она больше похожа на крик осла, чем на пение птиц – так уж они кряхтят, поквакивают и лают – и все же это звук, идущий изнутри в страшное безмолвие полярной ночи и кричащий ей: Земля одушевлена.

## Странствия угрей и лососей

Недавно у исследователей, особенно у зоологов и палеонтологов, перехватило дыхание от сенсационного открытия. Из глубин Индийского океана было извлечено несколько экземпляров одной из древнейших рыб Земли, которая, как полагали, вымерла около 60 миллионов лет назад. Первый экземпляр был обнаружен 22 декабря 1938 года, но тогда в растущей предвоенной сумятице этому было уделено не слишком много внимания; до тех пор пока не были выловлены следующие восемь экземпляров. Последний, 12 ноября 1954 года, смогли даже втащить живым, но он погиб из-за недостаточной защиты от солнечного света.

Кистеперые – так называется эта прадревняя группа рыб, сохранившихся, несмотря на «борьбу за существование» и «естественный отбор», ту же форму, что и их братья и сестры, найденные в окаменелостях третичного периода в Гренландии, Южной Африке, Мадагаскаре и Австралии. При этом важно, что в современность проникли живые свидетели этого раннего земного периода, не изменив ни облика, ни образа жизни, и перекинув тем самым мост, который раньше считался разрушенным.

Эти восемь созданий седой древности были подняты из океанских глубин около Южной Африки и Мадагаскара. Может быть, ближайшие десятилетия откроют еще и другие тайны, и тем самым будет показана несостоятельность многих взглядов на развитие организма, предложенных агностической наукой. Латимерия – такое имя дано древней рыбе – только один из знаков, за которым должны последовать многие другие. Но некоторые ей уже предшествовали. К ним относится и разрешение загадки угря.

Только недавно, в первые два десятилетия двадцатого века, был пролит свет на странствия угрей. Уже в 90-х годах прошлого столетия итальянский естествоиспытатель Грасси идентифицировал личинку европейского угря и показал, что выделявшаяся ранее в отдельный род рыбка, называемая лептоцефал, на самом деле не что иное как личинка развивающегося угря. В начале нашего столетия датский исследователь Иоганн Шмидт подхватил это указание, и в результате, долгих и кропотливых исследований выяснил, что центр существования как европейских, так и американских угрей находится в Атлантическом океане, в Саргассовом море. Там их колыбель, там, видимо, и кладбище.

Но тем самым удалось прояснить прежде казавшийся невероятным биологический феномен. Мальками угри регулярными караванами пе-

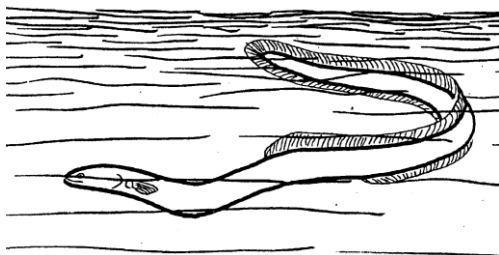


ремещаются из Саргассова моря через всю Атлантику, пока не достигнут побережья Европы. Это длится от двух до трех лет. Потом они поднимаются в реки, вырастают, крепнут, и через три-четыре проведенных там года вновь возвращаются к берегам Вест-Индии.

*«Nach der Sargasso-See!  
Wo es am dunkelsten  
Tiefsten und dunkelsten  
Dort ist das Ziel, der Beginn und das Ende uns  
Liebe und der Tod».*  
*«В Саргассово море!  
Где всего темней,  
Всего темней и глубже.  
Там цель, начало и конец,  
Любовь и смерть!»*

Так говорят угри у поэта Альберта Верви. И действительно, там их ожидают «начало и конец». Но почему же, проделав столь долгий путь через открытый океан, они миллиардами поднимаются в реки? Все, что раньше говорилось об этом, слишком человеческое, слишком антропоморфное. Например, что в реках угри якобы находят лучшие условия для жизни, или что они стремятся туда, где были их «предки», или еще какая-нибудь абстрактная бессмыслица. Условия существования в реках много труднее и опаснее, чем в открытом море; и вообще, что значит для животного слово «опасный»? Какое значение имеет для животного такая мысль, как «лучшие или худшие жизненные условия»? Что это значит: говорить об инстинкте животного?

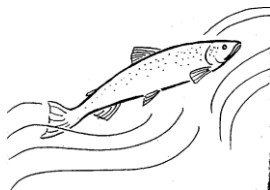
Животное включено в мир феноменов, частью которого оно само является, но оно не пользуется им в той или иной степени, не заставляет его работать на себя, а выполняет внутри него определенные мировой сущностью действия. Животное – это нечто законченное, но вовсе не развивающееся и становящееся – таким существом является только человек. Оно всегда вчленено в определенное окружение, в котором тысячелетиями исполняется акт, предписанный семейству или роду.



Животное играет роль, порученную ему на определенное время на арене бытия. Зрители здесь сами боги, создавшие этот мир-театр. Человек тоже играет на этой сцене; и за ним следят и ему внимают боги, иногда и сами вступающие в игру. Но человек ведь и сам

себя видит, он знает, что играет, что он в одно и то же время актер и зритель. Животное же только актер.

Так вот и теперь на сцене мирового театра оказалась Латимерия; так двигались в просцениуме караваны угрей, и теперь они увидены особенно отчетливо. Само по себе это феномен внутри большого мира. Там, где встречаются и действуют вместе земные и небесные силы, там однажды много тысячелетий назад они включили в жизнь Земли странствия угрей. С тех пор они существуют, указывая на то время, когда это произошло. Туда и нужно направить свой взор, чтобы найти понимание, а не объяснение для этой несравненной пьесы, разыгрывающейся с того мгновения в жизни Земли.



Но есть много странствующих рыб, например, миноги и осетры, лососи и сельди, и сказанное об угрях относится к ним ко всем. Только у лососей образ жизни и направление странствий почти противоположны угрям. Лососи также поднимаются по рекам и затем возвращаются в море, но их колыбель — это истоки речек и ручьев. Там мечется икра и там же развиваются молодые лососи; только окрепнув, они плывут в открытое море, чтобы потом снова вернуться в места своего детства и самим произвести потомство.

Таким образом, для продолжения рода угри уплывают в море, лососи же, напротив, поднимаются вверх в реки. Угри движутся из моря в реку и обратно в море, лососи же, в отличие от них, из реки в море и опять в реку. Так возникают противоположности, рассматривая которые, мы, может быть, придем к пониманию того, что раньше оставалось во мраке.

Наука обозначает эту полярность двумя понятиями: лососей и всех тех рыб, которые для продолжения рода поднимаются из моря в реку, она называет анадромными, а угрей, рождающихся в море — катадромными. Но это обозначение мало что дало бы, если бы одновременно не было найдено живого воззрения на данный феномен. Сегодня известно уже достаточно отдельных фактов, чтобы получить более-менее полный образ этих странствий.

Если бы мы провели год около устья одной из рек, впадающих в Северное или Балтийское море, и были бы в состоянии видеть всех входящих и выходящих рыб, то мы могли бы наблюдать множество разных явлений. Но при этом также нужно, чтобы наблюдения проводились где-нибудь около середины прошлого столетия, когда реки не перегораживались плотинами, и фабрики не уничтожали в них жизнь своими отходами.

Осенью, начиная с октября, и дальше в течение всей зимы, лососи заходят из моря в реки. Это большие, зрелые самцы и самки, поднимаю-

щиеся вверх к истокам. Весной эти зимние лососи сменяются весенними; маленькими слабыми рыбами, почти одними самцами. До самого лета они плывут в реки, а потом все успокаивается. В конце лета и ранней осенью очень редко в устье можно увидеть лосося. Но тут существуют разные ритмы, свои почти для каждой реки. Так, раньше, когда реки еще не были загрязнены и застроены, в начале лета лососи Св. Иакова поднимались по Рейну, а лососи Св. Варфоломея по Эльбе, позже за ними следовали взрослые самки, а осенью основная армия больших толстых лососей.

А в начале мая, между 4 и 18 числами, через устье Рейна в другом направлении проплывают маленькие лососи, от года до полутора, впервые выходящие в море. Свое детство они провели высоко в горах, и теперь выходят в огромный мир. Они носят еще свое детское платье с темными поперечными полосами, которое лишь постепенно сменится совсем серебристой чешуей. А старые лососи погибают от истощения на нерестилищах.

Лососи, поднимаются ли они вверх или спускаются к морю, всегда движутся в одиночестве. Иногда они могут собраться в маленькую стайку, но это только как случай. У угрей же все иначе. Они появляются в конце зимы и весной, приплыв из Атлантики к западному побережью Европы; сначала в Ирландии и Англии, а в Дании, Германии и Прибалтике соответственно позже; и эти маленькие прозрачные, стеклянные угри, в 6-8 см длиной, десятками тысяч образуют караваны, поднимающиеся в реки. Брем цитирует одного наблюдателя, описывающего это событие так: «Однажды утром в конце июня или в начале июля мы шли по плотине через Эльбу близ деревни Дреенхаузен, и увидели, что вдоль всего берега движется темная полоса. Она оказалась составленной из бесчисленных молодых угрей, двигавшихся потоком у поверхности воды и при этом державшихся так близко к берегу, что им приходилось повторять в своем движении все выступы и изгибы... Эта чудесная процессия двигалась без перерыва, не иссякая, весь день и продолжалась еще и на следующий».

Поднявшись, угри остаются несколько лет в ручьях и реках, а затем, превратившись в черных угрей, возвращаются в море большими, круглыми и темноокрашенными. Как правило, в океане они появляются осенью, опять-таки не поодиночке, а большими или меньшими косяками.

Таким образом, устья рек почти весь год являются воротами для мириадов этих рыб, осуществляющих живое общение между соленой водой океана и пресной ручьев и рек. С мощным напором и угри и лососи стремятся вверх. Брем снова цитирует: «В конце июля я очутился в Баллиханноне в Ирландии около устья реки, в которой весь предыдущий

месяц держалась высокая вода. Под одним из водопадов вода была темной от множества маленьких угрей, которые все время пытались влезть на мокрые скалы и при этом тысячами погибали, но их влажные, скользкие тела служили другим указателями, куда продолжать путь. Я видел, как они забирались даже на вертикальные скалы; они двигались по сырому мху или по телам других, погибших ранее».

Почти так же, только не в таких количествах, стремятся вверх лососи. Они вынуждены приближаться к цели шаг за шагом, преодолевать серьезные препятствия, скалы и водопады, пробираясь вверх от порога к порогу. Угри и лососи заполняют весь бассейн какой-нибудь реки, почти все притоки и ручьи. При этом угри, как представляется, больше любят равнину, а лососи высоту. Река, как индивидуально-биологическое единство, полна этими рыбами и поддерживает через них тесную связь с морем.

Жизнь угрей и лососей отличается друг от друга не только тем, что одни анадромны, а другие катадромны, но эта полярность выражается во многих частностях.

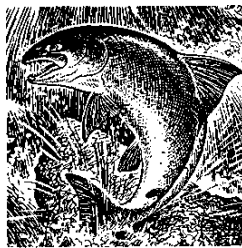
Угри приходят из Саргассова моря. Там далеко на юге, на широте Флориды, где Гольфстрим поворачивает с востока на север и несет свои воды вдоль побережья Северной Америки, находятся их нерестилища. Это огромная область, почти полностью окруженная одним из рукавов Гольфстрима. Море там особенно глубоко, и из этой глубины поднимаются на поверхность маленькие угри. Американский вид – западнее, европейские – восточнее. Из океанских глубин появляются миллиарды этих маленьких, два-три сантиметра длиной, прозрачных, листообразных рыбок. По виду это настоящие рыбы, которые, приближаясь к побережьям, вырастают. Путешествие в Европу, одновременно означающее превращение в стеклянного угря, длится от двух с половиной до трех с половиной лет. Предполагают, что оплодотворение происходит летом на глубине две-три тысячи метров, затем личинки медленно поднимаются вверх, подрастают и по дороге на восток превращаются в круглых червеобразных стеклянных угрей. Путь на запад короче, поэтому американские стеклянные угри меньше европейских.

Как только угри попадают в реки, меняются их телесные функции. В коже образуется желто-коричневый пигмент, и одновременно начинается усиленный обмен веществ. Личинки угря не питались, только в реке они начинают есть. Рост совершается быстро, они сильно прибавляют в весе и остаются в пресной воде от трех до восьми лет. Днем они скрываются в иле на дне ручьев и рек, и только с наступлением темноты для них начинается время охоты. Угри активны только ночью, дневного света они боятся. Луи



Рул, один из опытейших ихтиологов, пишет по этому поводу:

«Угорь должен быть отнесен к ночным животным, которые становятся активными лишь с наступлением темноты. Он сохраняет впечатления, полученные им в детстве в глубинах океана, там, где он появился на свет. Если на угрей, содержащихся в аквариуме, неожиданно направить луч света, они тут же впадают в панику, бросаются во все стороны, что-бы в конце концов сбиться в самом темном углу. Чтобы уйти от ненавистного света, они сжимаются в клубок так тесно друг к другу, как только могут. Этот постоянный непроходящий страх перед светом является существенным фактором в жизни угрей, и открывает нам, что они действительно создания глубины».



Но свет это не единственное, чего они боятся. Они избегают также холода; зимой они не активны, и зарывшись в ил, переживают своего рода зимний сон. Среди пресноводных рыб они первые, кто прячется осенью, и последние, появляющиеся весной. Стихия их жизни – темное тепло. А светлый холод – это то царство, которого они избегают.

У лососей все иначе. Когда осенью они поднимаются из моря в реки, все их тело начинает блестеть. Герлах описывает это следующим образом: «Поднимаясь на нерест, лососи меняют окраску. На жаберных крышках и на боках самцов загораются красные пятна, они рассыпаны и на отливающей голубизной голове. Живот становится пурпурным, плавники красно-розовыми».

В этом волшебном наряде они поднимаются вверх к истокам рек и ручьев. Они ищут света и холода высот. В Рождество или сразу после него, в ледяной, пронизанной светом воде происходит спаривание.

Самки мечут огромное число икринок в заранее подготовленные для этого углубления, и самцы оплодотворяют их. Эти брачные игры длятся одну-две недели, потом совершенно истощенные рыбы поворачивают назад к морю, откуда они пришли. Идя на нерест, они ничего не едят. В это время пищеварительный канал как бы дегенерирует и не удерживает пищу. Зато сильно развиваются органы размножения. На икру в конце странствия приходится почти четверть общего веса тела, на молоки – около восьмой части.

Развивающиеся из оплодотворенных икринок мальки остаются год-полтора в ручьях. Только после этого, превратившись в молодых лососей, они спускаются назад в море. Здесь начинается охота, и такая жизнь продолжается от двух до четырех лет. Где в это время охотятся лососи, сегодня неизвестно. И хотя есть множество теорий, но правда пока скрыта. С уверенностью можно сказать лишь, что лососи проникают

куда-то в глубину, но близко от берега или, напротив, за сотни миль – неизвестно.

Угри, наоборот, перестают охотиться, когда, став большими и жирными, возвращаются обратно в море. У них одна цель – вперед в Саргассово море! Но тут у них, так любящих тьму, начинают расти глаза. Они увеличиваются в 8-9 раз, а темное тело начинает слегка отсвечивать серебром. Может быть, они переносят в глубины, откуда они появились, свет – не прямой, но отраженный солнечный свет, преломляющийся в воде и указывающий им теперь путь.

Так лососи и угри действительно оказываются противоположными. Одни любят свет и холод, другие боятся этого; зато они, в свою очередь, любят темное тепло, которое совсем чуждо другим. Но те и другие связывают моря и реки, соленую и пресную воду, и появляются, странствуя, то тут то там, живя в водном круговороте Земли. И подобно птицам ощущают смысл своего существования в странствиях.

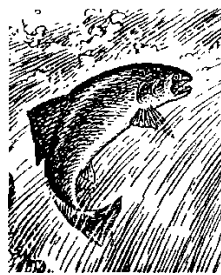
Полярность угря и лосося тесно связана с полярностью сред обитания: морской воды и воды рек и ручьев. Одна соленая, другая пресная. Насколько же различными должны быть семейства, мечущие икру и развивающиеся первое время на вершинах гор и холмов, в царстве ключей и ручейков, и те, кто начинают жизнь в темных глубинах океана! Оплодотворение икринок происходит предположительно на глубине две-три тысячи метров. Если принять, что нерест лосося происходит в среднем на высоте 1000-2000 метров, то получится довольно большая разница.

Причем у лосося время нереста – это глубокая зима, у угря, наоборот, лето. Прибавьте к этому, что лосось стремится к северным высокогорьям, тогда как Саргассово море, находящееся на широте Флориды, принадлежит к субтропическому климатическому поясу.

Таким образом, икринки угря развиваются в темноте в соленой воде, икринки лосося – в пронизанной светом пресной. Тут в развитии рыб определяющую роль играют глубокие качественные различия. Ведь соленая вода содержит не только большее, по сравнению с пресной, количество солей, но состав присутствующих в ней химических элементов и веществ накладывает совершенно особый отпечаток на образующуюся в ее глубинах органическую жизнь. Полной противоположностью ей является пресная вода рек и ручьев: она светлее, легче, быстрее; ей совершенно не свойственен тот «интимный», «вынашивающий» характер, который так присущ морской воде.

Рудольф Штайнер совершенно определенно указал на эту противоположность в одном из своих докладов для рабочих Гетеанума. Тогда, 9 февраля 1924 года, он сказал: «Видите ли, если исследуешь собственно соленую воду, морскую воду, содержащую очень большое количество

солей, то приходишь к заключению, что эта соленая вода весьма слабо соотносится с мировым пространством... Пресноводные источники открыты для Вселенной, они, подобно нашим глазам, распахнуты вовне. Так что мы могли бы сказать: в тех местах, где появляются ключи, Земля смотрит в дали пространства, там органы чувств Земли; тогда как плоть Земли, собственно внутреннее – это, скорее, соленое море... Все, благодаря чему Земля связана со Вселенной, все это приходит от пресной воды; все, что образует внутреннее Земли, приходит от соленой воды».



Но тем самым тотчас открывается непосредственное понимание представленных феноменов. Поскольку сразу видно, что лососи мечут икру у истоков рек и ручьев, в «глазах Земли», и поэтому с самого начала они интимнейшим образом связаны с космическим светом. Отсюда игра расцветки, мясо «лососевого» цвета, мощная сила подъема на нерест. Это живет и действует погруженный в них свет. Лососи – это рыбы, сотканые из света; спускаясь с гор в море, они ведут этот свет с собой и вносят его в глубины и просторы мирового океана. А угри, выйдя из глубин соленого моря, на всю жизнь остаются связанными с тьмой. Это ночные животные, избегающие света и стремящиеся к темноте. Бесцветные, то есть бессветные, они поднимаются личинками на поверхность океана, стремятся к побережью и теряют присущую рыбам форму, чтобы стать внешне подобными червю. И как только они коснутся пресной воды, их кожа окрашивается в желтый цвет, чтобы можно было задержать находящийся в воде свет. Затем угорь вырастает, становясь зеленой или темно-желтой водяной змеей, годами живущей в реке. И как лосось послан в море, чтобы нести свой свет в глубины, так и угорь – в реки, чтобы принести им необходимую долю тьмы.

А когда в конце своей «речной» жизни угорь возвращается в море, стремясь на родину, его глаза начинают расти, а тело начинает отливать темным серебром. Ведь теперь он нуждается в том отблеске света, которого раньше так избегал. Он нуждается в нем, чтобы растущие органы воспроизведения получили силу для продолжения рода. То, что дается лососям полным света миром ручьев и ключей, угорь получает благодаря ненормальному росту глаз. Обоим для продолжения рода нужен свет.

В упомянутом докладе для рабочих Гетеанума Рудольф Штайнер касается и лососей, и описывает, насколько необходимо для них подняться в горные реки, чтобы там наверху добыть себе небесные силы для органов размножения. Он говорит:

«Земля действует на мускулы, Земля действует на кости. Земля отдает нам свою соль, и мы приобретаем крепкие кости, сильные мускулы.



Но с этой земной солью мы ничего бы не смогли сделать для наших органов чувств и органов воспроизведения; они от нее погибли бы. Они должны развиваться под влиянием внеземного, под влиянием небесных сил. И лосось показывает, насколько он различает соленую и пресную воду. В соленую воду он идет, чтобы потолстеть, чтобы получить земные силы».

Тем самым дается уже полная картина рассматриваемых здесь феноменов. Мы ощущаем противоположность жизни в море и в реках и учимся видеть, что описанные странствия имеют глубокое основание. Они несут свет рек и ручьев во тьму морей, а темноту океана в ясность рек. Угри и лососи – это вечные посланники, как бы носители своего рода дыхания, позволяющего свету и тьме перетекать между морем и сушей. Всюду, где струится и переливается вода, где она кружит или успокаивается в движении, в игре света и тьмы живет мир рыб. Всюду, начиная с искаженных сумраком форм глубоководных рыб и кончая светлой чеканкой сельди и шпрот, форелей и голяна, похожего на световую стрелу, взаимодействует светлое и темное.

Но лососи и угри захвачены этим светом и тьмой, они приняли их в себя и стали их посланцами.

Если выработанное сейчас представление охватить и увидеть во всей его реальности, то открывается возможность приблизиться к решению одной из сложнейших проблем, возникающих при исследовании этих рыб. Прежде было совершенно непонятно, как это лосось, например, поднимаясь по реке, всегда оказывается недалеко от того места, где он родился. Он снова возвращается туда, где он когда-то вырос. Сначала пытались это объяснить, ссылаясь на передачу места по наследству. Но новейшие эксперименты ясно показывают, что лососи возвращаются не туда, где жили их предки, а туда, где они сами провели свое детство.

Герлах рассказывает о предпринятых в Америке попытках разведения лососей, однозначно доказывающих это. Он пишет: Начиная с 1939 года на реке Колумбия на северо-западе США проводилось переселение шиноокских лососей. Эти лососи поднимаются по Колумбии на нерест. Когда пройдены шестьсот километров, дорогу перекрывает плотина Гранд-Кули, ее высота 180 метров, и искусственное море за ней имеет слишком теплую для лососей воду. В 1939 году сотрудники «Federal Fish and Wildlife Service» под руководством доктора Иры Габриэльсон специальными сетями начали отлавливать лососей на пути вверх по реке в ста двадцати километрах ниже плотины и особыми вагонами доставлять их в «инкубатор» Ливенворта, где икра искусственно оплодотворялась. Когда молодые лососи настолько подрастали, что им необходима была



река, их в цистернах доставляли к истокам Венатхэ, Оййтиата, Оканагона и Метоу и там выпускали. Эти реки впадают в Колумбию ниже плотины Гранд-Кули. Там и оставались молодые лососи до тех пор, пока через год не выросли до 15-ти сантиметровой длины. Тогда они устремлялись в океан и больше их не видели. В 1944 году они должны были снова появиться на нересте – через пять лет после рождения лососи обычно возвращались. Так и случилось. Когда они были маленькие, их пометили, подрезав плавники. Выпущенные в Венатхэ рыбы без колебания выбрали путь именно в эту реку, лососи из Оййтиата, Оканагона и Метоу также уверенно нашли места, где они выросли. А родину своих родителей выше Гранд-Кули они не искали. В следующие годы поступали так же, и эксперимент по переселению удался».

Тем самым очень точно указано на примечательное свойство лососей после многих лет путешествий, составляющих тысячи миль, возвращаться именно на свою родину, в ручей своего детства. Отделаться от этой способности словом «инстинкт» было бы просто фразой. Наследование также не играет при этом никакой роли; можно предположить, что здесь действует другой принцип. «Искать» путь рыбы не могут; у них нет для этого ни подходящих чувств, ни возможности суждения. Единственное, что можно себе представить – это что они путешествуют «вслепую», но «вслепую» в смысле возможностей, с помощью которых «слепо» летят птицы, как бы ведомые издали. Только придя к представлению, что каждый отдельный лосось остается связанным с особенным светом своего ручейка, что через все странствия его ведет нежная световая линия, невидимая для человеческого глаза, но воспринимаемая лососем, начинаешь приближаться к пониманию его загадочного поведения. Каждый лосось несет с собою в море нежное «световое пламя». И как в сказке хлебные крошки вели детей, чтобы они смогли снова найти путь домой, так и маленькая «световая нить» ведет лосося в море и по ней он через годы сможет снова нащупать дорогу на родину<sup>22</sup>.

Это происходит, по-моему, почти так, что миллионы лососей, каждый год спускающихся из рек в темноту морей, как будто несут с собой эти световые язычки и нити, тем самым тихо освещая тьму, а возвращаясь снова, «смаывают» их и с их помощью раскрашивают свое свадебное платье. Это представление сильно выиграет, если вспомнить о разных глубоководных рыбах, которые подчас снабжены во всевозможных местах своей телесной организации нелепейшими лампами и фонарями. Их световые источники видимы и для человеческого глаза, поскольку эти рыбы мечут икру не в горных ручьях, и поэтому не получают как

---

<sup>22</sup> Примечание издателя: сегодня считается известным, что родную реку лососи находят по запаху.

бы в подарок к рождению эфирный свет как световой эфир. Глубоководные рыбы должны сделать свои светильники из собственного тела, поэтому получается пестрый свет – он заметен, но не светит.

Похожую загадку предлагают и угри, которые в странствиях отыскивают реки, а возвращаясь на нерест, не теряют Саргассово море. И здесь единственно приемлемое объяснение может дать лишь «слепое» плавание, как оно было описано выше. Они приходят из темноты, прозрачными мальками поднимаются на поверхность моря и направляются к берегам Америки и Европы. При этом в детском возрасте нет никакой разницы между мальками европейских и американских угрей, и те и другие вырастают вместе, и тем не менее каждый малек «знает», чей он. Так одни направляются на Запад, другие на Восток.

Если говорить в связи с этим об инстинкте, то проблема бы только затемнилась. Но можно себе представить, что и европейские и американские реки посылают в морскую тьму нежный свет, и что качества света с Востока и с Запада различны. Почти единственное отличие маленьких американских угрей от европейских это разное число позвонков: у первых 107, у вторых 114. Может быть, позвоночник действует как чуткая антенна и ведет одну группу на Запад, а другую на Восток. В таких вопросах ни в коем случае нельзя игнорировать окружающий мир с его невероятной дифференцированностью. Многообразие его сил действует на животное, возникшее из них и для них. Малек угря – это орган чувств, и лишь когда он округляется в стеклянного угря, дополнительно появляется организм пищеварения и обмена веществ. «Световая антенна» направлена туда, откуда сияет воспринимаемый ею свет. Но как только световой след достигает реки, свечение увеличивается настолько, что шкура окрашивается, а животное превращается в «обжору». Только когда через несколько лет угорь снова возвращается из реки в море, его глаза начинают расти; ведь он возвращается на свою темную родину и снова превращается в орган чувств; теперь он прекращает есть и стремится во тьму, откуда он однажды появился. В постоянной игре света и тьмы проводят свою жизнь угри и лососи.

Теперь становится понятным то, что сказал Рудольф Штайнер в докладе 28. 10. 1923 г. о природе рыб: «Рыба вся наполнена водой, но ощущает она себя не как воду. Она чувствует себя как нечто, что замыкает воду, как окружение воды, она чувствует себя как бы сверкающей оболочкой воды. А воду она ощущает, как чуждый себе элемент, который входит и выходит, но при этом приносит необходимый ей воздух. Но и воду и воздух она ощущает как нечто чуждое. Как физическая рыба, она ощущает это чуждым себе, но рыба имеет также эфирное и астральное тело. И это является как раз особенностью рыбы; благодаря тому, что она чувствует себя оболочкой и что вода остается связанной с

остальным водным элементом, благодаря этому она ощущает эфир как то, в чем она, собственно, живет. Рыба – это особенное животное, совершенно эфирное животное. Для



самой себя она физическая оболочка воды; воду, которая в ней, она чувствует принадлежащей ко всей воде в мире. До некоторой степени влага для нее пронизывает все и в этой влаге она воспринимает эфир. Рыбы, конечно, немые для земной жизни, но если бы они могли говорить, они сказали бы: «Я – оболочка, но такая, которая несет всюду распространяющийся водный элемент – носитель эфирного элемента. Я плаваю, в сущности, в эфире». – Таким образом, рыба ощущает свою жизнь как жизнь Земли. Поэтому она внутренне соучаствует во всем том, что совершается Землей в кругообороте года: в летнем выходе и возвращении эфирных сил. Рыба ощущает эфир как дыхание Земли»<sup>23</sup>.

Но тем самым Рудольф Штайнер описывает невероятно чувствительный мир ощущений рыб, которые, словно антенны, слышат игру эфирного мира Земли. Угри и лососи всей своей организацией живут в эфирном царстве; они плавают в воде, но их бытие – в эфирных потоках света и тьмы, тепла и холода, звучащего и химического, жизни и смерти.

Поэтому лососи так же подчиняются кругообороту года, как солнечные часы ритму дня. Осенью, когда «вдыхается» земной эфир, они поднимаются к своим ручьям, чтобы в середине зимы начать нерест. Весной, вместе с потоком «выдыхаемого» земного эфира, они спускаются к морю.

Подобным же образом угри осенью возвращаются в океан, чтобы в середине лета отнереститься и умереть в Саргассовом море.

Но оба отряда живут в игре света и тьмы, все вновь и вновь развертывающейся между морем и реками, между пресной и соленой водой, между небесными силами и земными глубинами.

С тех пор как Иоганн Шмидт сделал грандиозное открытие, что европейские и американские угри нерестятся в Саргассовом море, самые разные ученые ломали себе голову над тем, почему это происходит там и ни в каком-нибудь другом месте. Все больше и больше это связывается с теорией Вегенера о движении континентов, и сегодня существует группа ученых, которые считают, что угри были когда-то пресноводными рыбами, но из-за постепенного расхождения материков «упали», так сказать, в море; как если бы они сидели между двумя стульями, которые под ними раздвинулись.

---

<sup>23</sup> Рудольф Штайнер «Человек как звучание творящего, образующего и формирующего Мирового Слова» (Der Mensch als Zusammenklang des Schaffenden, bildenden und gestaltenden Weltenwortes», GA 230).

Мьюр Эванс, например, описывает, как африкано-европейский блок отделился от американского и затем прибавляет: «Если это верно, то легко можно себе представить, как мальки европейских угрей поднимались в восточные реки, находившиеся тогда совсем близко, и как потом, когда континенты разделились, путешествия к пресной воде становились все длиннее, пока, наконец, не выросли до 3000 миль. Конечно, трудно мыслить в геологических масштабах, но эта теория – единственная, дающая разумное объяснение странствиям европейских угрей».

Ойген Крауз в работе «Проблема угря» также много занимался этим вопросом и попытался развить духовнонаучные представления об этом. Он первым смог указать на то, что путешествия угрей, по-видимому, связаны с Гольфстримом, и он полагал, что указание Рудольфа Штайнера о том, что некогда Гольфстрим омывал атлантический континент, могло бы разрешить одну из существенных загадок в жизни угря. Но если взять это указание Рудольфа Штайнера в точном смысле, то бывший атлантический континент никогда не касался района теперешнего Саргассова моря. Ибо там сказано: «Оно движется с юга, через Баффинов пролив, приближаясь к северной Гренландии, и омывает ее, затем течет на Восток, постепенно охлаждается, затем проходит через район Урала – это было задолго до того, как Сибирь и Россия поднялись на поверхность – затем поворачивает, касается восточных Карпат, втекает в местность, где сегодня находится Сахара и, наконец, через Бискайский залив добирается до Атлантического океана. Это Гольфстрим, течение, которое некогда огибало атлантический континент»<sup>24</sup>.

Это движение вокруг побережья древней Атлантиды, центр которой находился где-то в районе современной Ирландии, происходит далеко от Саргассова моря.

Да и расселение угрей лишь частично происходит параллельно этим береговым линиям. Крауз сам пишет: «Таким образом, европейский угорь встречается на всем побережье Европы, от Скандинавии до Белого моря, в Балтийском, Средиземном морях, на побережье Северной Африки, в Мраморном, Черном, Азовском морях и, наконец, в Исландии (исключая восточное и северо-восточное побережья).

Американский угорь населяет восточное побережье Северной Америки до Лабрадора, юго-западную Гренландию, северное побережье Мексиканского залива, острова на востоке Карибского моря, Багамские, Большие и Малые Антильские острова, вплоть до устья Ориноко на северо-восточном побережье Южной Америки».

Тем самым очерчены районы, куда плывут угри. Но они совершенно

---

<sup>24</sup> Рудольф Штайнер, «Миссия отдельных народных душ в связи с северогерманской мифологией» (Die Mission einzelner Volksseele im Zusammenhänge mit der germanisch-nordischen Mythologie, GA 121), 10 доклад.

не совпадают с границей Атлантиды. Вполне могло бы быть и так, что угри когда-то поднимались в реки Атлантиды и при постепенном погружении этого континента шаг за шагом завоевывали другие прибрежные области. Но Саргассово море должно было быть колыбелью угрей задолго до того, как существовала Атлантида. Ведь они рыбы, и история их возникновения относится к глубокой древности Земли.

И до сих пор они сохранили это превращение из рыбы в змею, подобное метаморфозу у лягушки и других амфибий. Ведь те, родившись головастиками, и до сего дня обнаруживают свое происхождение. Превращение личинки угря в змееподобную форму – без сомнения указание на древнейшее превращение, через которое прошли когда-то эти животные. Кто знаком с развитием Земли по книге Рудольфа Штайнера «Очерк тайноведения»<sup>25</sup>, едва ли усомнится в том, что превращение угрей совершалось в те времена, когда произошло грехопадение человеческого рода, в то самое время, когда Луна выделилась из Земли и благодаря этому стала возможной дальнейшая эволюция.

Происхождение угря, как и всех рыб, относится к эпохе Гипербореи; к той эпохе, когда Солнце и Земля составляли еще единое мировое тело, пронизанное светом и теплом. А когда из Земли родилось Солнце, возникла рыба как животное существо. Рудольф Штайнер указывает на это, говоря:

«Когда Земля и Солнце были еще едины, человек существовал в очень духовном, утонченно-эфирном виде. Когда Земля и Солнце разделились, он выделил животных, которые были оставлены на ступени развития, соответствующей состоянию, когда Солнце еще находилось внутри Земли. Из тех существ, которые развивались как животные формы, пока Солнце еще было связано с Землей, в ходе эволюции возникли, естественно, совершенно другие формы, ибо с того времени пройдено долгое развитие. Но если брать характерную форму, существующую сегодня, которую мы могли бы сравнить с тем, что отстало при отделении Земли от Солнца, то мы должны будем взять рыбу. Это то, что, если так можно выразиться, несет в себе последний отзвук солнечных сил»<sup>26</sup>.

Тем самым впервые брошен свет на историю возникновения рыб: весь этот огромный класс можно причислить к древнейшим росткам в мире земных организмов. Из этого давно минувшего периода неизменной дожила до наших дней уже упомянутая Латимерия.

Большинство других рыб прошли некоторое «послеразвитие», и метаморфоза угря из рыбы в змею – одна из форм такого превращения. Но

---

<sup>25</sup> Рудольф Штайнер «Очерк тайноведения» (R. Steiner, Geheimwissenschaft im Umriss, GA 13) – Ереван, «Ной», 1992

<sup>26</sup> Рудольф Штайнер, «Мир, земля и человек» (Welt, Erde und Mensch, deren Wesen und Entwicklung. GA 105), 7-й доклад.

к этому в том же докладе, из которого взята предыдущая цитата, Рудольф Штайнер добавляет следующее: «Когда вышло Солнце, Земля откатилась в своем развитии назад; лишь когда выделилась Луна вместе со всем самым плохим, снова наступило некоторое улучшение, некоторый подъем. Таким образом, на какой-то период времени, до выделения Солнца, мы имеем в эволюции восходящее развитие; затем – нисходящее, когда все становилось хуже, гротескнее; и затем, после выхода Луны, начался новый подъем. И от этой ступени развития осталась форма, которая, правда, дегенерировала и выглядит теперь не так, как раньше. Но она есть; это та форма, которую имел человек, прежде чем выделилась Луна, прежде чем человек получил «Я». Та животная форма, которая, так сказать, напоминает человека в самом низшем состоянии земного развития, когда мы глубже всего низверглись в страсти, когда астральное тело человека было доступно самым худшим внешним воздействиям; та сущность, в которой закреплено низшее состояние нашего развития на Земле, видима сегодня, хотя и вырожденной, в змее».

Эту змеевидную форму получил угорь, и еще ясно прослеживаются шаги, ведущие от рыбы к змее; минуя стеклянного угря через желтого угря к черному. Весь отряд угрей – словно сохранившийся памятник того периода в истории Земли, когда получила развитие змеевидная форма, превратившаяся позднее в современных рептилий.

С тех же самых пор угри сохранили и яд. Их кровь и соки действуют парализующе и умертвляюще на другие организмы; это остаток того «животного состояния», о котором нам сообщает духовный исследователь.

Угри играют заметную роль в сказаниях и мифах народов, населяющих Мадагаскар, Австралию, Филиппины и острова Южного моря. В них живут души умерших; но угрей также называют и прародителями. Там находится область, где живет большое семейство угрей. Крауз пишет об этом:

«Существует 19 видов, три из которых населяют умеренные широты, остальные принадлежат к теплой зоне. В северных умеренных широтах обитает японский угорь, который удивительно похож на атлантические виды и поэтому явно выделяется из числа угрей, населяющих район Индии и Тихого океана».

Итак, там, где некогда Луна покинула Землю, и где находилась Лемурия, сегодня расположена еще одна, может быть, столь же важная, область обитания угрей. Еще неизвестно, в Индийском или в Тихом океане находится подобное Саргассовому морю место нереста Лемурийских угрей. Но примечательно, что их можно найти там же, где некогда произошло превращение из рыбы в угря. Первым уверенно указал на это Крауз.

Лосось остался незатронутым этим миром грехопадения. Он живет в свете родников, там проходит его детство, и оттуда он, носитель света, плывет к морю. Это настоящая рыба, которая как бы указывает на Гиперборею, когда Солнце и Земля были еще вместе. Остаток того сияния, которое наполняло этот период, еще и сегодня живет в лососе. Область его обитания совершенно отлична от области обитания угря.

Брем пишет: «Родину лосося мы должны искать в реках Средней Европы, севернее 43 градуса с. ш., а в Новом Свете – севернее 41 градуса с. ш. Его нет в реках, впадающих в Средиземное море. В Германии он заходит в основном в Рейн и его притоки, Одер и Вислу, попадаясь, однако, в Эльбе и в Везере. Чаще он встречается в реках Великобритании, России, Скандинавии, Исландии, Гренландии и Северной Америки, реже в Западной Франции и Северной Испании».

Но тогда получается пояс, почти полностью окружающий Арктику. Как бы охватившим Северный полюс союзом живут лососи Старого и Нового Света. Но тем самым они остались верны той области, в которой однажды возникли. Там, где сегодня плавают лососи, была когда-то Гиперборея: на севере, где на поверхность Земли непосредственно воздействует свет и холод.

Лосось – это рыба, которая осталась верной Солнцу. Когда оно покинуло Землю, лосось последовал за ним и сделал это так: из моря он поднялся в северные реки, вверх, к Солнцу, чтобы в высшей точке у родников – «глаз Земли» – быть ближе всего к своей матери. Там они исполняют своей родительский долг, и молодые лососи больше чем на год отданы царству света.

А угорь пошел путем Земли. Он нырнул в глубины Атлантического и Индийского океанов и, оставив свет, стал сыном тьмы. Так он должен был испытать превращение в змею и так он стал носителем земной тьмы. Он попал во власть Луны. Сегодня она по-прежнему управляет им. Его цвета – как и у прибывающей Луны – желтый и зеленый. Подобно невидимой молодой Луне, поднимается он, прозрачно-неразличимый, из глубин, набирается сил и плывет в реки. Но и там, заклятый Луной, он остается ночным животным.

Оба, и лосось и угорь, рыбы. Но один из них остался рыбой и тем самым сохранил верность Солнцу. Другой пошел дальше, стал отпрыском Луны и принял судьбу змеи. Но они братья; они знают друг о друге и однажды, когда развитие Земли подойдет к концу, они снова вместе вернутся в божественное лоно.

В конце Нагорной Проповеди (Мф. 7. 9-10) стоит: «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? и когда попросит рыбы, подал бы ему змею?» В этих словах Евангелия живет свидетельство, показывающее родство рыбы и

змеи, лосося и угря.

Рудольф Штайнер собрал все это воедино, сказав: «Символы рыбы и змеи извлечены из загадок нашего развития. Как нормальному человеку по нраву смотреть на сияющее в чистом, целомудренном водном элементе тело рыбы, и у него становится спокойно, мирно на душе, так же неиспорченного человека охватывает ужас, когда он видит подползающую змею. Такие чувства – это вовсе не беспочвенное воспоминание о фактах, пережитых нами однажды в процессе эволюции».

Свидетели этого – угри и лососи. Живые свидетели уже прошедшего, но все же существующего мира, едва ли воспринимаемого чувствами, но все снова и снова открывающегося понимающему наблюдателю. Это мир, из которого возникает все живое, то царство, где веют и струятся силы света и тьмы, где родина организмов.

Год за годом в Индийском океане и в Саргассовом море словно некий родник поднимает из глубин миллиарды личинок угрей, превращает свои творения из рыб в змей и снова требует их назад.

Противоположность этому – многотысячная сеть истоков всех северных рек Европы, Америки и Азии. Там, словно на краю некоего гигантского круга, созревают под действием света икринки лосося, и мальки нацелены от периферии к центру Ледовитого океана.

Здесь противостоят друг другу два круговорота: один из них начинается в центре, другой на периферии, один несет свет, другой тьму. А их движение и взаимодействие поддерживает круговорот воды, просвеченной и затемненной.

*Und ist kein Ding in der Natur, das geschaffen oder geboren worden ist,  
es offenbaret denn seine innere Gestalt auch äußerlich.*

*(Jacob Böhme)*

*«И в природе нет ничего,  
Рожденного или сотворенного,  
Что не открывало бы свой внутренний облик  
Также и внешне».*

*(Якоб. Беме)*



## Слоны

*«Лишь тот может рассматривать познание как нечто реальное, кто говорит себе: все, чего я могу достичь моим духом в познании, должно прежде содержаться в вещах. И поскольку я воспринимаю своим духом что-то о вещи, безразлично, к какому бы царству это ни принадлежало, я повсюду, во всех царствах предполагаю дух».*

*Рудольф Штайнер*

Слоны появляются в нашем сознании с самого раннего детства. Их образ, их жизнь сопровождают нас, когда мы подрастаем и начинаем учиться.. Вряд ли найдется человек, который бы ничего не знал об их существовании. Сначала мы встречаемся с ними в цирке и зоопарке. Там мы, еще дети, с испугом и удивлением глядим на этих громадин, возвышающихся перед нами. Мы восхищаемся игрой хобота и, может быть, пугаемся фыркания и трубного рева, неожиданно раздающихся отсюда.

Позже в приключенческих и охотничьих рассказах мы читаем о жизни этих могучих животных в Азии и Африке; слышим о невероятной силе рабочих слонов в Индии и на Цейлоне и рассматриваем картинки народных процессий, где увешанные драгоценными тканями слоны несут на шее и спине махарадж и их жен.

Позже мы узнаем о выступлении боевых слонов в Пунических войнах, о паническом страхе римских легионеров в битве при Тунегуме, отчего был полностью уничтожен экспедиционный корпус. Мы следуем через Альпы за караваном слонов Ганнибала – до равнин Италии из них добрался в конце концов лишь один – и узнаем, как римляне постепенно привыкают к боевым слонам и даже сами начинают их использовать.

Так слон становится близким каждому человеку. Не так, как домашние животные, корова, свинья, собака или овца с козой; но все же ближе, чем медведь и змея, которые хоть и рядом, но при этом так далеки. Приручен слон лишь в Индии; в Африке он предоставлен сам себе, насколько его еще не погубили охота и жадность.

Слон участвовал в развитии человечества, подобно тому как в детстве он сопровождал нас как образ и переживание. Он существовал тогда, когда люди только начинали утверждаться на Земле; в древнейшие доисторические времена он жил на всех континентах. Он населял Азию и Африку, Европу и Америку, Малайский архипелаг – от Полярного круга

до экватора и дальше на юг. Только в Австралии и Новой Зеландии он, кажется, никогда не жил. Мамонт на севере, слон на юге – все они относились к группе пробосцидов (млекопитающих, имеющих хобот), насчитывающей 352 вида.

Сегодня этот огромный отряд уменьшился до нескольких видов. Африканские слоны населяют центральные области этой огромной части света. Они делятся на два подвида: степные и лесные слоны. Африканский слон больше и сильнее, имеет более мощные бивни и, видимо, уходит своими корнями глубже в земную историю, чем его азиатский собрат. Все другие виды вымерли и известны лишь по отпечаткам и остаткам скелетов. Впрочем, далеко на севере был найден огромный мамонт, и не один, полностью сохранившийся вместе с кожей и шерстью и со всеми органами, даже с содержимым желудка. А ведь прошли тысячелетия с тех пор, как он неожиданно погиб от холода. Когда растопили замерзшую кровь, анализ сыворотки показал, что он на самом деле близкий родственник современных слонов. Так история и современность протягивают друг другу руки.

Но то же происходит и в нас. Где-то в глубине нашей души, там, где коренятся силы воли, мы ощущаем свою связь с этими животными. Они принадлежат к нам, они суть часть нашего существования и нашего естества. Детми мы с восхищением смотрели на них, молодыми мы хотели бы встретить внутри себя их сущность. Лишь отдельные группы людей остаются близкими им и связанными с ними всю жизнь. Когда-то все человечество было членом в царстве слонов. Эти животные, подобно королям, властвовали на Земле. Они населяли огромные пространства, и только постепенно человек становился их властителем. Слон отступил, он потерял свое царство и владения, и теперь как простой нищий, и все-таки король, бредет по дорогам своей жизни.

«В том, как изживает себя какое-либо существо, проявляется то, что оно непосредственно переживает внутренне»<sup>27</sup>. Когда-то, говоря о возможном познании животной организации, Рудольф Штайнер сформулировал это программное положение. Поэтому попытаемся взглянуть на слона в жизни.

Для начала подойдем к нему поближе, и рассмотрим – например, древнего африканского слона. Он глядит на нас маленькими глубоко посаженными глазами. Лоб поднимается наподобие скалы и наверху переходит в мощные уши. Эти уши-крылья почти в метр длиной и 80 см шириной окружают подобно огромному зонту шею и череп, как бы разделяя голову и тело, так что массивное тело остается словно скрытым за

---

<sup>27</sup> Рудольф Штайнер, «Душа человека и душа животного» (Menschenseele und Tierseele), доклад от 10. XI. 1910.

огромными ушами, и в поле нашего зрения выступают лишь колонны ног.

Передняя же часть головы от лба вытягивается в мощный хобот, который подобно пятой конечности достигает земли. Этот орган представляет собой сильно преобразованную, сросшуюся с носом верхнюю губу, он покрывает верхнюю часть широкого рта. По обе стороны хобота из верхней челюсти выступают загнутые кверху бивни.

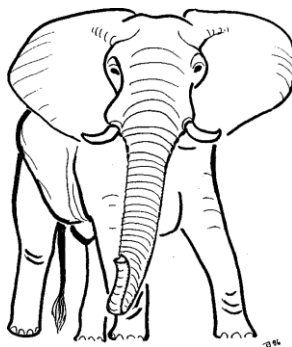
Хобот – это символ слона. Его природа и его существо как бы заключены здесь. Чем же является это редкостное образование? Мы уже дали ответ: удлинённая верхняя губа, которая включает в себя нос. Или это нос в чрезмерном росте увлек верхнюю губу? Как бы там ни было, что же, в сущности, такое сам хобот?

Прежде всего это, без сомнения, конечность, которая используется почти как рука. С ее помощью слон срывает листья и ветки с деревьев и кустарников и запихивает их в рот. Он ест не самым ртом, как жвачные или хищники, а использует при этом хобот как «руку». Он срывает большие пучки травы, отряхивает землю о колени и после съедает. Хоботом он всасывает воду, а потом выпускает ее в рот. Таким образом, хобот – это связующее звено между слоном и миром, как у человека рука и кисть.

Хоботом слон может наносить слабые или сильные удары. Ласкаясь, он касается им туловища своего сородича. Маленькие слонята хоботом обхватывают хвост матери и неотступно следуют за ним.

Но хобот – это не только конечность. Он одновременно чрезвычайно тонкий и очень разносторонний орган чувств. Большая часть всех способностей восприятия сконцентрирована в хоботе и вокруг него. Хобот способен чрезвычайно тонко различать запахи на большом расстоянии; некоторые исследователи полагают, что слон может унюхать пищу или близость воды на расстоянии пяти-шести километров. Хобот также осязает; волоски, окружающие его окончание, обладают чрезвычайной чувствительностью. Внутренняя поверхность, которая от носового отверстия покрыта слизистой оболочкой, обладает сильно развитым чувством тепла. Таким образом, все, что слон всасывает или вбирает в себя, он одновременно тщательно исследует хоботом.

Перемещения этого органа столь многообразны, что чувство его собственного движения должно быть очень хорошо развито. Блонд совершенно прав, говоря: «Хобот столь совершенно образован, что, похоже, осведомляет слона обо всем, и даже на расстоянии сообщает ему сведе-



ния о состоянии почвы... Редко возникает впечатление, что слон наблюдает глазами. Хобот же постоянно находится в движении, он опускается, вертится, парит в воздухе, ищет. Кажется, что все вокруг воспринимает он, а не глаз»<sup>28</sup>. Поэтому с полным правом можно говорить о том, что органы чувств движения, ощущения формы и линий окружающего мира находятся в хоботе и в значительной степени заменяют глаз в восприятии форм и пространства.

Таким образом, этот орган оказывается сложным образованием, одновременно являющимся конечностью и органом чувств. Благодаря этому он занимает среднее положение между этими двумя полярными областями животной жизни; связывает и сплавляет воедино то, что в иных случаях разделено. Наша рука ощущает очень тонко, но она преимущественно орган движения. Наш нос – это прежде всего орган чувств, он обладает минимальной подвижностью. А у слона, с помощью метаморфизировавшей верхней губы, он разросся в окруженный мускулами рукав так, что превратился равным образом в орган хватания и удара, касания и ощущения тепла, давления и толкания.

Прибавьте к этому, что в хоботе находят свое выражение чувства и желания, эмоции и настроения слонов. Производимые хоботом звуки и совершаемые им движения раскрывают внутреннюю жизнь его владельца. Множество звуковых выражений используется при этом, от довольного хрюканья до наводящего страх трубного рева, сотрясающего все вокруг и обращающего всех в бегство. Душа слона открывается в этом органе в постоянно изменяющемся облике.

На гораздо более низкой ступени и. совершенно в ином месте мы находим подобный орган в царстве головоногих. Мощные щупальца больших полипов, спрутов и каракатиц можно сравнить с хоботом. И здесь в орган движения с развитыми функциями ощущения превратилась, сильно изменившись, «губа». В царстве беспозвоночных возникает хоботоподобное образование. Но насколько иной у него облик и строение! Эти щупальца – органы жадности и алчности. Наводящими ужас представляются длинные многометровые щупальца гигантских спрутов, присасывающиеся к жертве и уже не оставляющие ее. А хобот слона – это орган касания, притрагивания. Он дает животному чрезвычайное многообразие переживаний, которые могут возвыситься до величайшего удовольствия, почти что до радости или боли. В хоботе как бы сконцентрирована внутренняя жизнь слона.

Рядом с таким органом глаза почти незаметны. Зато присутствуют огромные уши, которые подобно широким мощным крыльям обрамляют основание хобота. И уши, как и хобот, выявляют в своих движениях

---

<sup>28</sup> Geoiges Blond: Das Schicksal des Elefanten. München 1960.

то, что происходит внутри животного. Все внимание слона выражается в них. Внутреннее напряжение или спокойствие тесно связаны с их функцией. То, что чует хобот, заставляет раскрыться ухо, и наоборот, что слышится уху в шорохе, заставляет хобот приподняться и принюхаться. Оба органа, хобот и ухо, действуют вместе и дополняют друг друга необычайно сложным образом. Но благодаря этому область воспринимаемого становится много шире и разнообразнее, чем у всех остальных животных. Она охватывает пространство, наполненное шорохами и запахами, теплом и холодом, ветром и грозой, волей и движением.

Слон потому является таким могучим животным, что со своими ушами и хоботом он живет и господствует над очень большим миром. Он как бы страж над ближним и дальним пространством; он овладел им, поскольку познал его меру. Слон – царь земных пространств.

А за этой развитой сферой чувств находится относительно маленький мозг. Костяной «футляр», в который он заключен, по объему значительно меньше, чем собственно череп. Эта мозговая капсула как бы подвешена в переплетении костяных ячеек так, что оказывается сильно удаленной от внешних стенок черепа, как бы погруженной во внутреннее. Окружающие ее костные «соты» наполнены воздухом, а их стенки покрыты слизистой оболочкой. Они непосредственно связаны с находящимися в хоботе носовыми отверстиями; их можно сравнить с увеличенными лобными и лицевыми пазухами. Такое необычное устройство позволяет запахам и вообще всем относящимся к царству воздуха ощущениям проникать внутрь черепа и там окружать и обволакивать мозг как бы облаками запахов и воздушных восприятий. Мозг словно погружен в атмосферу в целом и благодаря этому становится живым чувствующим барометром.

С этим связаны рассказы многих исследователей о жизни слонов: ручьи и реки, песок и глина, холмы и равнины на целые километры «пронюханы» и «прочуяны». Так не только земное, но и воздушное царство становится для слона открытой книгой, в которой он хоть и не читает, но зато нюхает, ощущает и воспринимает.

Но эта богатая сфера чувств должна постоянно поддерживаться; и за гигантскими ушами находится соответствующее массивное тело, день и ночь перерабатывающее множество пищи. Проходящее через этот организм количество пищи хотя бы потому столь огромно, что процесс пищеварения очень несовершенный и реализует лишь около 40 – еды<sup>29</sup>. Тот же автор считает, что на свободе в лесу слон ежедневно поедает около 100-150 кг листьев, веток и корешков, и выпивает столько же литров жидкости. Сам пищеварительный канал длиной 40 метров, и ежедневно

---

<sup>29</sup> Francis G. Benedict: The Physiology of the Elephant. Carnegie Institute, Washington 1936.

в процессе переваривания и выделения он производит около 700 литров метана.

Эти цифры дают некоторое представление о количестве принимаемых, перерабатываемых и выделяемых субстанций. Тело слона подобно лаборатории, принимающей огромное количество растительной массы и превращающей ее в животные и минеральные субстанции. Никакое ограниченное пространство не является достаточным, чтобы удовлетворить такое потребление. Поэтому слон – странник, вечно скитающийся в лесах и степях, в саванне и горах: «Эти дикие слоны владеют большим количеством самых различных участков; на каждом из них они, по-видимому, чувствуют себя как дома. Они так же легко приспосабливаются к жизни в лесу и в степи, как и к холодному высокогорью или жаркому побережью; они одинаково переносят душные дебри Цейлона и туманные отроги Килиманджаро (три-четыре тысячи метров над уровнем моря)<sup>30</sup>.

В этой удивительной приспособляемости слон и человек похожи друг на друга. Только человек всеми возможными для него средствами, с помощью одежды и дома, отопления и охлаждения должен завоевывать эти столь различные области. Слону, напротив, они подчинены; ведь он повелевает различными регионами благодаря удивительной приспособляемости своего внутреннего мира.

Температура его тела тоже очень близка человеческой, может быть, чуть выше, около 37 градусов, так что тело слона напоминает приятно нагретую печку.

Прошло много времени, прежде чем выяснили, спят ли слоны и как долго. «На свободе никто не видел ни одного дикого слона спящим. Ни разу охотник или исследователь не смог застать сон слоновьего стада на фоне луны и звездного неба. Сон слона так короток, и прежде всего так удивительно легок, что долгое время думали, будто единственный отдых этих животных – дневная полудрема, когда они стоят на месте»<sup>31</sup>.

Бенедикт и Хедигер упорно старались разрешить эту загадку, и обоим удалось увидеть спящих слонов. Конечно, им пришлось соблюдать величайшие меры предосторожности, поскольку животные столь чутки, что близость человека их тотчас приводит в крайнее беспокойство. Оба исследователя независимо друг от друга смогли установить, что обычно около полуночи звери устраиваются для короткого, длящегося от двух до трех часов сна.

Относительно небольшое время сна не должно нас удивлять. Ведь мозг этих гигантов сравнительно мал, и сфера их сознания, распростра-

---

<sup>30</sup> Richard Canington: Elephants. London 1958

<sup>31</sup> Georges Blond

няющаяся прежде всего на низшие чувства, полностью затуманена. Грезящие образные восприятия пронизывают существо слона, и нет необходимости включать в его жизнь длительные промежутки сна. Здесь действует то, что Рудольф Штайнер описал в уже цитированном докладе: «Так, верно рассматривать душевную жизнь животного мы можем только тогда, когда мы вслушиваемся в самоудовлетворенность его телесности. Это существенное. Мы мало замечаем существенное в животном, если смотрим на то, как оно радуется внешнему миру; замечать же мы начинаем тогда, когда наблюдаем, как оно переживает свое собственное пищеварение. Если хотят найти высочайшее в душевных переживаниях животного, то нужно остаться в границах его органов. В душевных переживаниях животное прямо-таки исчерпывает себя внутри своей организации, и то, что еще остается вовне, лишь постольку имеет значение для животного, поскольку может изживаться во внутреннем душевном».

Если мы используем эти указания Рудольфа Штайнера, тогда некоторые из уже описанных черт слона станут ясными и понятными. У него должна реализовываться некоторая пограничная ситуация. Он, по видимому, меньше, чем другие животные погружен в процесс пищеварения, ведь он по-настоящему перерабатывает только 40 – пищи. Он менее внутренне сопереживает свое пищеварение, чем корова, которая полностью использует от 60 до 70 – пищи.

Остальное приходится на грезы и ощущения. Тут замечаешь, что же «может изживаться во внутреннем душевном» животного. У слона это смутное и как бы «ясночувствующее» восприятие своего земного окружения, лито-, и гидро атмосферы. Его ощущения – это не «всепронизывающий свет», не свет дня или пронизанная звездами тьма ночи. Ясность и цвета, голубизна неба и сияние дали чужды ему. Поэтому его внешность сера и бесцветна. Никакой рисунок, никакая линия не оживляют его шкуру. Однообразно серым – в той мере, в какой он принадлежит свету – предстает и его внутренний мир. Но в этой полутьме движутся облака запахов, звучат голоса ветра и воды, плывут туманы долин и пронизывающе хололят овевающие ветры, слетающие с гор. Шум реки, журчание ручья, крик зверя, шелест и хруст листьев и веток живут в душе, во внутреннем слона среди тысяч других движений.

Там снова переживается и узнается мир запахов и шорохов. Как нам, людям, дает мысли свет, так слон измысливает свою необычную мудрость в бесконечном многообразии запахов. А чем для нас, людей, является звук и тон, тем для этих гигантов является шорох.

Человек постигает тогда, когда звучащее выражение слова охватыва-

ется светом мышления<sup>32</sup>. Когда в слоне тысячеликие запахи соприкасаются с многообразием шорохов, тогда в нем возникает смутное постижение, знание и действие. Ведь хобот – это не просто нос, но и конечность, направляющая волю животного. Здесь еще не возникает никаких намерений, идей или понятий. Но мотивы деятельности, инстинкты поступков и желания деяний существуют. Тысячелетиями они действуют одним и тем же образом и ведут стадо и отдельное животное от места к месту. «То, что оно может, и что жизнь позволяет пережить ему, животное приносит с собой в мир», – говорит Рудольф Штайнер и прибавляет: «Чем наслаждается, что переживает животное душевно?.. С рождения и до смерти оно переживает свой род»<sup>33</sup>.

Это имеет значение и для слона. Он переживает существо своего вида и живет в сознании своего семейства. Погруженный в его поток, он бредет и исполняет свою земную миссию.

Время от времени среди слонов появляются одиночки. Чаще всего это состарившийся самец, который, заболев, оставил свое прежнее стадо и живет теперь, всецело предоставленный самому себе. Иногда два или три таких старика в стороне от других объединяются в некоторую видимость стада.

Если не считать этого случая, слон живет в общине стада, которое состоит из индивидов, находящихся в большем или меньшем родстве друг с другом. Каррингтон пишет: «В стаде вместе живут родители и дети, братья и сестры, дядья, тетки, племянники и другие, самым разным образом связанные родственники – объединенные в жизненную общность экземпляры. Число животных колеблется – в маленьких стадах 10-12, в больших до 50 и более индивидов».

Временами некоторые стада объединяются в одну большую общность. Но это происходит только тогда, когда недостаток воды и пищи собирает их в одно место. Тогда на время нужды они остаются друг подле друга. При этом между некоторыми стадами может происходить обмен животными; но вскоре отдельные семьи снова расходятся замкнутыми сообществами.

Речь здесь идет не о семейных союзах, как мы понимаем это у людей. Слон не моногамен. Самец на время спаривания соединяется с самкой, остается с ней на несколько месяцев беременности, а затем снова отходит от нее. Но чаще всего сама самка теряет интерес к самцу и полностью посвящает себя подрастающему потомству. Беременность длится около двадцати месяцев, и обычно рождается один-единственный детеныш. Изредка наблюдали рождение близнецов. Новорожденный очень

---

<sup>32</sup> См. по этому поводу доклад Рудольфа Штайнера от 1. 4. 1922, «Die Erkundung und Formulierung des Weltenwortes in der Einund Ausatmung»

<sup>33</sup> Рудольф Штайнер, «Душа человека и душа животного».



тесно связан с матерью; а она выбирает из подруг одну, которая словно няня помогает ей присматривать за детенышем.

Через несколько часов после рождения детеныш, весящий около ста килограмм, может подниматься и бегать, а через несколько дней становится членом стада. Вместе с другими малышами он подрастает, играет, резвится и всячески шалит. На то, чтобы он полностью созрел, нужно восемь-десять лет. Самка может забеременеть уже между десятым и пятнадцатым годами, но собственно пора возмужания наступает приблизительно, как и у человека, лишь после двадцати лет.

Мать всецело посвящает себя малышам. Годами она заботится о них, оберегает, и когда они уже выросли, мать все еще «признает» их за своих. Видимо, есть специальный запах, делающий возможным такое «узнавание».

Чаще всего, может быть даже всегда, стадом предводительствует самка. Во время переходов во главе идут самки вместе со своей руководительницей. Между ними – самые маленькие; затем следует молодежь, и в конце – молодые и старые самцы. Общность стада – это душевное единство. Физически она постоянна, дополняется новорожденными и имеет явное чувство единения. Больной или раненый член этого единства помещается в середину стада, защищается и оберегается ими и ощущается как часть целого.

Тесная кровная общность – вот что выработалось здесь, что ощущает себя единым, живет и прислушивается к своим инстинктам. Это большая, замкнутая в себе семья, чьей матерью является общность самок, а отцом – общность зрелых самцов. Малыши же поначалу являют истинные индивидуальные черты, которые постепенно при взрослении теряются, а к старости выступают снова. Тогда состарившийся самец или самка отходят от стада и живут своей собственной жизнью.

И по возрасту слон похож на человека. Способность к воспроизведению потомства он не теряет до 60-летнего возраста. Примерно в это же время выпадают коренные зубы и с их потерей начинается распространяющийся постепенно по всему телу процесс одряхления. Существуют ли так называемые слоновьи кладбища, куда старые животные приходят умирать, не доказано. Может быть, это лишь легенда, возникшая как бы из самого существа слона. В современных условиях жизни, которые для слона являются условиями уничтожения и вымирания, получить ответ невозможно. Ведь слишком много слонов умирает насильственной смертью из-за преследования и истребления.

И все же еще было возможно застать последние остатки того, каким было некогда их естественное положение: предводительствуемые самками семейные стада, образовывавшие на основе гинекократического союза жизненную общность, простиравшуюся над отдельными живот-

ными. Это напоминает древние союзы человека. Взросление, продолжительность жизни, температура тела – еще три необычно близких человеку черты.

Мощные бивни – это постоянные зубы. Они появляются на втором году жизни и заменяют выпавшие молочные. И здесь очень явно выступает близкий человеку признак. Человек и слон являют во всех этих свойствах удивительное родство и биологическую близость. В телесном строении они далеко разошлись, а в своих животных чертах очень близки друг другу. И возникает вопрос: откуда происходят слоны?

Уже в начале этой статьи мы упомянули о том удивительном факте, что в древности отряд пробосцидов или хоботных, числом примерно в 352 вида, населял почти все континенты. Последние потомки этой могучей группы животных – оба еще ныне здравствующих вида африканских (*Loxodonta*) и индийских (*Elephas*) слонов.

Вплоть до начала нашего столетия их происхождение оставалось загадкой. Правда, было найдено большое количество скелетов вымерших видов хоботных. Это были гиганты, одни больше, другие немного меньше сегодняшних слонов. Их бивни были либо совершенно прямо направлены вперед, либо загнуты, как у различных видов мамонтов. Строение черепа сильно варьировалось, строение скелета верхней и нижней части конечностей у различных видов являло множество различных форм. Но эти животные были уже ветвями дерева, сам ствол которого еще не был виден.

Только между 1901 и 1904 гг. два английских исследователя, Биднелл и Эндрус, исследовавшие окрестности бывшего кратера Мозрис в египетской провинции Фаюм (на юго-западе от Каира), обнаружили кости неизвестных до той поры животных. Так были найдены части древней сирены (*Eosiren*), потом странное, носящее большой костяной лобовой гребень животное (*Arsinotherium*) и три различных вида примитивных хоботных. Они были отнесены к одному семейству и по месту, где они были найдены, названы *Moeritherium*. Эти экземпляры, бывшие немного больше современной свиньи, уже имели в верхней челюсти зачатки бивней. В черепе имелись воздухосодержащие костяные ячейки, которые мы уже описывали у слонов, а строение костей конечностей было таким, какое находили только у пробосцидов.

Каррингтон, у которого я заимствовал эти сведения, пишет: «Большая часть Африки была покрыта некогда огромным морем, называемым Тетис; вместо Сахары простирались огромные болота и плодородные равнины, расстилавшиеся от середины Атлантического океана до восточных границ Аравии. Это тот мир, о котором ученые полагают, что он был жизненной средой *Moeritherium*'a. Многие анатомические формы говорят за то, что он жил в болотах и в силу некоторых особенностей

был очень привязан к воде».

Таким образом, здесь речь идет об относительно маленьком, но уже как бы в зачатке несущем все слоновьи признаки и свойства животном, которое начало тогда развиваться в болотах Северной Африки. В этом же районе были найдены остатки похожего, только гораздо более крупного животного (*Phiomia*), которое появилось чуть позже, но еще вместе с *Moeritherium*'ом. Предполагают, что оно уже было больше приспособлено к жизни на суше. И в это же время жили сирены (морские коровы), совершенно морские животные, которые были близки к отряду пробосцидов.

Так мы находим корни слонов и родственных им животных в мире воды и болот. Их колыбель находится на севере Африки, и оттуда, становясь все больше и сильнее, они распространялись на север и юг, запад и восток. С увеличением размеров рос и хобот, который как бы хотел уравновесить становящееся все больше тело.

Правда, Каррингтон полагает, «что первые странствия предпринимались в Азию, которая затем сама стала центром дальнейшего расселения и развития. Из этой второй родины и из Африки пробосциды пустились в дальнейшие странствия по Земле». Также предполагают, что Америки они достигли лишь через Сибирь и Аляску.

Такие представления могут возникать лишь тогда, когда упускают из виду существование и историю атлантического континента. Но если всерьез принять сотни указаний и намеков, подтверждающих его «допотопное» существование, то приходит понимание древней истории хоботных. Они начали появляться в древние времена Атлантиды в сегодняшней Северной Африке. В геологические эпохи эоцена и олигоцена сформировались *Moeritherium*, *Eosiren* и *Phiomia*.

Начиная с миоцена, который мы, по-видимому, можем отождествить с двумя первыми эпохами Атлантиды, в некотором смысле скачкообразно возникают большие, могучие пробосциды. Динотерий на востоке, больше на азиатском континенте, и мастодонт на западе, в центре Атлантиды. Они чрезвычайно распространились по всей планете и подготовили для постепенно осваивающих Землю людей жизненное пространство. Они были пионерами и лишь следом за ними мог появиться человек; они приготовили условия жизни для братьев-людей.

Рудольф Штайнер часто указывал, насколько атмосферные условия во времена древней Атлантиды были отличны от теперешних. Воздух и вода, еще смешанные, окружали Землю; все было погружено в бесконечно клубящийся туман. Контуры предметов расплывались в густой туманной завесе, ни солнце, ни луна, ни звезды не были видимы так, как мы наблюдаем их сегодня.

Земное царство было мягким. Пышная жизнь, растения, подобные

тропическим, покрывали почву. Если воспринять эти указания, то явится понимание природы хобота всех пробосцидов. В туманной атмосфере этот орган был единственным средством ориентации. Он нюхал и ощущал, осязал и воспринимал то, что, в сущности, было еще скрыто от глаз. Хобот был перископом, с помощью которого тяжелые ступни слона находили дорогу сквозь водяной пар и светящийся туман. Поедая и перерабатывая пищу, слоны помогали шаг за шагом преодолеть чрезмерную силу вегетации, и тем самым они были теми, кто готовил путь развивавшемуся и раскрывающемуся человечеству.

Еще и сегодня слоны любят влагу. Они лучшие пловцы среди сухопутных млекопитающих и могут переплывать самые широкие и бурные реки. Но они могут и переходить вброд более мелкие реки, так что только кончик хобота высовывается из воды. Так хобот действительно остался в некотором роде перископом и временами действует как таковой.

Каррингтон пишет: «Часто, просто из чистой жизненной радости, слоны заходят в реки, чтобы там поплавать, или в болота, чтобы поваляться в них. Группа купающихся слонов представляет собой одно из самых занимательных зрелищ. Животные трубят и расплескивают вокруг себя воду, поливают друг друга или в полной умиротворенности укладываются на берегу озера».

Блонд также указывает на это интимное отношение к воде: «Слоны Чада время от времени ведут полуводный образ жизни. В древнем учении берберов и неолитической цивилизации Нила все снова встречаешь эту связь слонов с водой. Многочисленные наскальные рисунки изображают слонов рядом с волнистыми линиями, символизирующими водный элемент». И главу, в которой Блонд описывает купающееся стадо на фоне ночи, выступающее из воды, он заканчивает следующими словами: «Они возвышались над стеной тростника гигантскими черными глыбами, мокрыми и блестящими как антрацит. Они являли собой картину жизни в ее начале, рожденную в ночи, вздымающуюся из воды на пути к покорению Земли».

В давно прошедшие времена, в дни древней Атлантиды, слоны покорили Землю. Они прокладывали пути сквозь лесные чащи и уже тогда были спутниками людей. Люди и пробосциды были глубоко внутренне взаимосвязаны. Слоны покоряли для человека пространство, а он следовал за ними и постепенно осваивался на Земле. Тогда человеческие племена были связаны по крови, как семьи слонов. В то время и у людей господствовал матриархат, и лишь постепенно образовались новые виды общности<sup>34</sup>. А затем наступил момент, когда атлантический конти-

---

<sup>34</sup> Рудольф Штайнер, «Наши атлантические предки», в книге «Из летописи мира» (Aus der Akasha-Chronik).

нент после длительных и мощных водных катастроф скрылся под водой. Постепенно завершилось образование современной структуры земной поверхности.

С этими катастрофами началось необратимое угасание пробосцидов. Те, которые не вымерли непосредственно во время катаклизмов, зачали постепенно из-за окружающей среды. Другие, например, живущие на севере мамонты, пытались приспособиться к наставшему ледниковому периоду, но были постепенно уничтожены снегом, морозом и вечной зимой. Эти гиганты погибли в борьбе с сильнейшим противником; их время миновало.

А с людьми, устремившимися на Восток с тонущего континента, пошли и звери, среди которых были предки современных слонов. Рудольф Штайнер изображает поток переселения, описывая, как разделились северная и южная ветви. «Тут перед нами поток человеческого развития, возникший вследствие того, что определенные народы двинулись из древней Атлантиды больше в северные области, так, что они прошли через районы, которые охватывают сегодняшнюю Англию, север Франции, и затем через Скандинавию и Россию достигли Азии вплоть до Индии.

Другой поток человеческого развития шел иным путем; он проходил южнее, так, что мы должны искать его путь приблизительно от Атлантического океана, через южную Испанию и Африку к Египту, и затем к Аравии. Два потока развития, и одновременно два больших народных переселения изливаются из древней Атлантиды на Восток»<sup>35</sup>.

Но тем самым решается проблема двух еще и теперь существующих видов слонов. Индийский слон был спутником северной ветви, а африканский слон путешествовал с потоком человечества, двигавшимся южнее. Они выжили, поскольку держались народов-выходцев из Атлантиды, искавших новых основ бытия. И все же они — лишь памятники исчезнувшего мира, сохранившиеся до сегодняшнего дня.

Множество наскальных рисунков и пещерных изображений во Франции и Африке свидетельствуют в пользу такого взгляда. В типичной манере каменного века, который соответствует времени странствия атлантического человечества, изображены существа, в которых мы сразу узнаем слонов. Известный рисунок из Пиндальской пещеры в Испании изображает слона с намеченным сердцем. А



<sup>35</sup> Рудольф Штайнер, «Восток в свете Запада. Дети Люцифера и братья Христа» (Der Orient im Lichte des Okzidents. Die Kinder des Luzifer und die Bruder Christi. GA 113).

в северной Франции нарисованы мамонты и слоны с прямыми бивнями. Вполне возможно, что индийский слон является потомком *Anancus*'а, в то время как африканский произошел от мастодонта<sup>36</sup>.



Со времен Греции и Рима сохранились монеты, изображающие слона как поклонника Солнца и Луны. Может быть, потому, что он увидел оба эти светила лишь после погружения Атлантиды, после того как возникла прозрачная, пронизанная светом Солнца и звезд атмосфера.

Особенно почитают слона и поклоняются ему в Индии.

Бог Индра изображается едущим верхом на слоне, имя которому Айравата. Это тот «пра-слон», из которого возникли все последующие слоны. Рудольф Штайнер описывает Индру как «самую могущественную из сущностей», действующих в воздушных явлениях. «Оно (это Божество) одновременно участвует в организации всего процесса дыхания»<sup>37</sup>. Если мы обдумаем внутреннюю связь, которая, как было описано, существует между слоном и всей атмосферой, то образ восседающего на Айравате Индры приобретает еще особый смысл.

И вплоть до наших дней в Индии белый слон пользуется высочайшим почитанием. При этом речь идет об очень редких, светло окрашенных слонах, которые, видимо, являются альбиносами, поскольку их глаза имеют красноватый оттенок. Когда находили такое животное, ему воздавались королевские почести. В торжественной процессии этого слона подвели к трону властелина, который встречал его с глубочайшим почтением, а затем его отводили в специально построенное для него здание. Он проводил свою жизнь, окруженный слугами и получая самую лучшую пищу. Сохранилось несколько речей, произнесенных при такой церемонии встречи белого слона. Вот конец одной из них:

«О, отец слон, мы просим тебя: оставь свое желание жить в лесу. Взгляни на этот прекрасный дворец, на этот небесный город! Он переполнен богатством и всем, чего только ни пожелают увидеть твои очи и чем только ни стремится обладать твое сердце. Твое собственное достоинство привело тебя сюда для того, чтобы взглянуть на этот город, возрадоваться его богатствам и быть избранным гостем его величества Царя».

В заклинательных песнопениях пигмеев, исполняемых после охоты на слона, также упоминается «Отец-Слон»:

*«Наши копья пошли неправильным путем,  
О, Отец-Слон!»*

---

<sup>36</sup> См. Ernst Uehli: Atlantis und das Rätsel der Eiszeitkunst

<sup>37</sup> Рудольф Штайнер «Восток в свете Запада», 4-й доклад.

*Мы не хотели увидеть тебя мертвым,  
Мы не желали ранить тебя,  
О, Отец-Слон!»*

В Индии и Африке в культовых речах и песнопениях все снова выступает это отождествление с Отцом. Слон ощущался как отцовская сущность, принадлежащая к Небесной Основе Мира.

В одной легенде о рождении Будды говорится: «И после того, как будущий Будда превратился в белого слона и перешел через золотой холм, он спустился, и начал подниматься на серебряный холм, и приблизился к Ней (своей Матери) с Севера. В серебряном хоботе он держал белый цветок лотоса, и после того как он издал далеко разносящийся клич, он вступил в Золотой Дом, и трижды преклонившись перед Престолом своей Матери, нежно коснулся ее справа, и казалось, что он вступил в материнскую утробу».

Айравата – это пра-слон. Он указывает туда, откуда произошли все слоны. Айравата действовал через морскую корову и Moeritherium, он образовал Phiomia и все последующие виды и роды, распространившиеся по всей Земле. А потом они все возвратились назад, в земли Индии и Африки, откуда некогда вышли. А белый слон – это как бы предчувствие и обещание грядущего. Люди, встречающиеся с ним, переживают в нем своего рода озарение и просветление. Темная кожа превратилась в светлое, просвечивающее одеяние, и весь облик несет в себе свет будущего. В легенде о рождении Будды белый слон, спустившийся из солнечных областей золотого холма к лунной области серебряного холма, достигает символической силы, которая созвучна с образом голубя в христианском предании.

Из Круга Творения выступил Айравата, Отец-Айравата, как служитель своего Господина Индры. Ко времени древней Атлантиды Земля была заселена его созданиями, – и они помогали просветлять атмосферу и пронизывать светом земную почву. После того как они совершили эту работу, они были отозваны, и сохранились лишь свидетели их тогдашних деяний. Они, эти свидетели, несут теперь в себе некое пророчество, указывающее на те сферы, которые мы называем областью Святого Духа.

Бывшие некогда властителями Земли, они стали теперь нищими и ожидают в земном мире своего искупления. Стенание твари в них особенно явственно. Бывшие некогда господами, они должны были стать слугами, и они с готовностью покорились своей судьбе.

## Семейство медведей. Мифы о медведях

Всякая группа животных образует нечто завершение - индивидуальное. Они возникают, развиваются и распространяются в той или иной части Земли, чтобы в конце концов снова исчезнуть из мира земных форм. Тем самым они имеют особую, собственную и совершенно индивидуальную судьбу. Но мы не должны прельщаться мыслью, прозвучавшей еще у Брема и с тех пор постоянно возникающей у различных авторов, мыслью о том, является это животное полезным или вредным – так может рассуждать только обветшалая телеология, всецело зиждущаяся на превосходстве человека. Полезным может быть предмет; а животное это существо. Ведь и о человеке нельзя судить, полезен он или нет. Каждый человек достоин жить на Земле; иначе бы он на ней не родился.

Так и каждую группу животных нужно рассматривать в рамках ее собственных достоинств. Отдельные животные являются членами своего вида, рода, отряда, и как таковые они имеют только им присущую и только ими могущую быть исполненной задачу в общем плане земного творения. Познать и описать эту задачу, и тем самым разгадать судьбу всей группы призвана зоология будущего. Сегодняшнее исследование поведения – только первая дверь, приоткрытая в этот неведомый мир. Более спиритуальная интерпретация этнологических феноменов станет следующим шагом в это царство новых познаний. Но для этого мы должны выбрать иные масштабы, нежели то отношение между человеком и животным, которое сформировалось сегодня в цивилизованных странах.

В больших и маленьких городах, в поселках и предместьях человек почти полностью отделен от мира животных. Он создал собственные резервации, сохранив там последние участки , лесов и лугов. Между человеком и животным пролегла отчетливая граница. Там, где еще есть «дикари» – в лесах и болотах Амазонки, в некоторых областях Средней и Южной Африки, на Борнео, Целебесе и в Новой Гвинее – там люди и звери живут в гораздо более тесной общности; они знают друг о друге, враждуют, сосуществуют, взаимодействуют и образуют жизненное единство, симбиоз. Животное глубоко входит в жизнь человека, а человек в бытие животного. Жизнь одних пронизывается жизнью других, и речь здесь идет не только о страхе или суевериях, обуславливающих различные табу, праздники и священнодействия. Сам душевный мир живот-



ных, их действия, поведение, фантазии и сверхчувственные ощущения пронизывают представление, чувство и поведение живущих с ними ди-карей.

Подобным же образом, только еще теснее, было связано с животными древнее человечество. Некогда – например, во времена древней Атлантиды, закат которой описал Платон – не только боги и герои в человеческом обличье ходили среди пробуждающихся человеческих сынов, но и групповые души животных пребывали вблизи человека. Они действовали в чувственном мире и вершили свои собственные деяния.

Боги, герои, групповые души животных, люди и звери жили и общались друг с другом в священнодействиях и культах, в церемониях и ритуалах; они влияли друг на друга и взаимоопределяли судьбу.

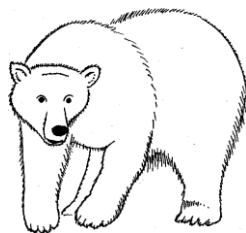
Следы этих событий мы находим в костях и окаменелостях, дошедших до нас как остатки древних культур. Но мы не должны думать, что тогда существовало только то, что сейчас превратилось в прах. Многое из того, что жило тогда, не оставило следов, потому что материально оно было слишком тонко и зыбко.

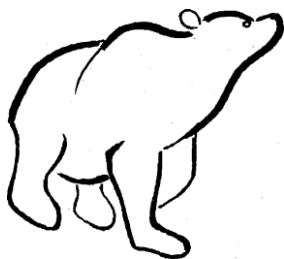
Тела и облики были пластичнее, изменчивее и непостояннее в своих формах, чем существующие ныне. Над пропастью между животным и человеком было переброшено еще много мостов. Морфологические переходы существовали не только к обезьянам, но и к хищникам, жвачным, слонам, моржам, тюленям и лошадям. Ведь паны и кентавры были не фантастическими химерами примитивной народной веры, а теми мостиками, которые некогда связывали развивающиеся животные группы с возникающими человеческими расами. Археоптерикс – это такая же переходная форма, как и кентавр. Один связывает птиц и рептилий, другой перебрасывает мост между человеком и копытными.

Волшебная сила, знакомая нам из сказок и мифов, где люди могли превращаться в зверей, а звери в людей – это пережиток естественных процессов, имевших некогда место. Превращение было изначально присуще всем животным существам. Раньше оно доходило до строения тела, сегодня возможно только в воображении. В грезах и творческих образах еще может твориться то, что когда-то было физически-физиологической реальностью.

Размышляя о семействе медведей, можно раскрыть многое из того, что высказано здесь только как предчувствие.

Там, где каждую ночь смотрит на Землю созвездие Большой Медведицы – за Полярным кругом, в лесах Канады и Сибири, в северных болотах России и во многих областях Скандинавии – медвежий род чувствует себя как дома. Он забирается и дальше на





юг, но чем ближе к тропику Рака, тем он меньше и малочисленней. Представители отдельных видов мельче, они проигрывают северным собратьям в значении и популярности. Южнее тропика область их расселения двумя редкими рукавами (в юго-восточной Азии и в Южной Америке) доходит до самого экватора и пересекает его.

Могучее и сильное семейство населяет северное полушарие, к югу все более рассеиваясь и теряясь. Отдельные формы медвежьего рода как бы поясами охватывают Землю; их облик несколько меняется в зависимости от того, где они живут, в Азии или Америке. Кажется, что они образуют большие кольца, имеющие один общий центр, Полярную Звезду и катящуюся вокруг нее Большую Медведицу.

Ближе всего, по ту сторону Северного Полярного Круга, в глубинах ледяных пустынь Арктики живет белый медведь. Его дом – все околополюсное пространство. «Он встречается на восточном побережье Северной Америки, на Баффиновой земле и в Гудзоновом заливе, в Гренландии и Лабрадоре, на Шпицбергене и других островах. Его можно встретить и на материке, и среди плавучих льдов»<sup>38</sup>. На Новой Земле, в Северной Сибири – всюду, где лежит арктический лед, живет белый медведь.

Следующее кольцо от Восточной Азии до Северной Америки образуют медведи с темной окраской. Их ареал простирается на юг через Канаду и отдельные районы Соединенных Штатов вплоть до Мексики.

Бурый медведь – это обычный, широко распространенный, всем известный медведь. Он бывает самых различных размеров, имеет множество расцветок и форм, и зоологам не так-то легко разделить друг от друга различные подвиды и формы. У Брема читаем: «Если объединить все названные формы в один вид, то область его распространения будет простираться от Испании до Камчатки и от Лапландии и Сибири до Ливана и западных Гималаев»<sup>39</sup>. В Европе он живет пока что почти во всех горных областях; в южных Альпах, Аbruццах, Пиренеях, Карпатах, на Балканах, Кавказе и Урале. Кроме того, он живет в лесах Швеции, Финляндии и России, Он населяет также Северную и Центральную Азию, его можно встретить в Сирии, Палестине, Персии и Афганистане. Особенно большие экземпляры живут в северо-восточной Азии, в районе Амура, на Сахалине и Камчатке (камчатский медведь).

Внушительный внешний вид и у североамериканского бурого медве-

---

<sup>38</sup> Brehms Tierleben. 1915

<sup>39</sup> Brehms Tierleben. 1915

дя и гризли, а кодыак Аляски – самый большой хищник Земли.

В Южной Азии, в дремучих лесах и болотах Бирмы обитает гималайский медведь. Его можно встретить и в северной Индии, в Кашмире, на склонах Гималаев, оттуда область его распространения доходит до юго-восточной Сибири.

Еще дальше на юге живет медведь губач. Он встречается всюду в Индии и известен на Цейлоне. И на юго-востоке вплоть до Суматры и Борнео обитает малайский медведь.

Два вида, достигающие южного полушария – это андский (очковый) медведь, встречающийся от Кордильер до Боливии, и малайский медведь. В южном Китае и Америке живут отдельные родственники настоящих медведей: медведеподобные, с чертами кошек и куниц (енот-полоскун, носухи, панда), а также имеющий типичный медвежий облик черно-белый бамбуковый медведь.

Распределение медвежьих видов по Земле отчетливо показывает, что сфера их обитания – северные края. Белый медведь вступает в самую Арктику, бурый медведь и гризли обитают в широкой полосе, в Америке вплоть до Мексики, в Европе до Балкан, в Азии до Гималаев и восточной Сибири. Нет медведей в Африке, Австралии и Новой Зеландии. Медведь животное северного полушария, и лишь в юго-восточной Азии и Андах он заходит южнее экватора. Он разделяет судьбу трех северных континентов, глубоко связанных с жизнью человека, его делами и чувствами. Человек привязан к медведям; он уважает, боится, почитает их; он борется с ними и хочет победить их. На юге подобным же образом своим учителем, врагом и соперником ощущают льва.

Медведи входят в отряд хищников. Они образуют собственное, независимое, замкнутое семейство, как собаки и кошки. Зоологи помещают медведей недалеко от собак и полагают, что определенные палеонтологические находки указывают на появление медведей в миоцене из форм, которых можно рассматривать как предков собак.

Многое свидетельствует также в пользу того, что происхождение семейства медведей можно отнести к европейскому северу; но чрезвычайно трудно сказать об этом что-нибудь с уверенностью. В любом случае медведи тесно связаны с наступлением и ходом ледниковых периодов. Во многих европейских пещерах найдены целые груды костей пещерных медведей. У сохранившихся остатков этого гигантского медведя, бывшего наиболее частой охотничьей добычей человека каменного века, бросается в глаза большая изменчивость в строении головы и морды. Абель пишет об этом: «Формы черепов пещерных медведей из этого слоя (поздний ледниковый период) колеблются в широких пределах, от совершенно плоских черепов у примитивных видов медведей через промежуточную форму у предков пещерных медведей и кончая экзем-

плярами с чрезмерно крутым лбом; а между ними всевозможные переходные формы... Некоторые черепа поражают длиной носа, в то время как у других странно короткая морда... Поэтому Отто Антониус мог с правом указать на то, что изменчивость черепов пещерных медведей удивительным образом напоминает определенные собачьи расы (овчарки, доги, мопсы)... Без сомнения, здесь налицо необычайно широкая изменчивость этого медведя, идущая гораздо дальше, чем изменчивость камчатского медведя»<sup>40</sup>.

Все медведи являются это характерное для них свойство: способность многообразно варьировать основную форму своего типа. Отдельные особи одного и того же вида, даже породы, обладают самыми удивительными различиями в расцветке и рисунке меха, а также в строении черепа. Поэтому Брем пишет: «Как видно, «у медведей весьма сильно видоизменяется не только масть, но и череп. Правда, обычно можно легко отличить по цвету два экземпляра из далеко друг от друга расположенных областей. Но если взять все промежуточные формы, всю вереницу переходов, то разграничение отдельных форм станет затруднительным».

Это указание имеет очень большое значение, поскольку оно характеризует весь медвежий род. Если отвлечься от южных видов, то у медведей нет по-настоящему определенных, разграниченных видов; даже белый и бурый медведи стоят столь близко друг к другу, что спаривание дает потомство. Они различны в той же мере, как и собачьи породы. У собак такая текучесть связана с близостью к человеку. Но и медведь также тесно связан с человеком. Еще и теперь определенные племена, например, айны в северной Японии, на Курилах и Сахалине, или тунгусы и гиляки имеют очень внутреннее, даже религиозное отношение к окружающим их медведям.

Чего человек добивается от собаки дрессировкой и укрощением, по отношению к медведю недостижимо. Конечно, есть отдельные танцующие медведи, но в целом семейство остается диким и свободным. Медведь близок человеку, но остается равным ему и не позволяет себя подчинить. Он избегает людей, которые хотят его убить, а от тех, кто относится к нему благожелательно, спокойно уходит. Медведь может жить рядом с человеком, если тот признает его особым независимым родом. Изменчивость, существующая у медвежьего семейства в форме расцветки тела, напоминает изменчивость рас, свойственную человеческому роду. Здесь открываются взаимосвязи, сегодня еще не вполне понятные. Но медведи и собаки обладают этой своеобразной чертой, не встречающейся у других животных.

---

<sup>40</sup> O. Abel: Paläobiologie als Stammesgeschichte. Jena 1929.

Медведь не только живет рядом с человеком, он также во многих чертах родственнее ему, чем большинство других зверей. Так, он ходит на подошвах и ставит на землю всю ступню, включая пятку. У медведей, за исключением белых, подошва остается безволосой, а кожа на ней каждый год меняется.

Медведь выпрямляется; на своего противника он идет поднявшись и встречает врага, встав во весь рост. В прекрасном фрагменте Клейста «О театре марионеток» рассказывается о такой схватке: «Медведь, когда я, изумленный, вышел на него, стоял на задних лапах, прислонившись спиной к столбу – правая лапа поднята, готовая к удару – и смотрел мне в глаза: это была его фехтовальная позиция». И после того как фехтовальщик напрасно пытался поразить медведя, сказано следующее: «Не случайно медведь, как лучший фехтовальщик в мире, парировал все мои удары; на финты (и здесь с ним не мог бы соперничать ни один фехтовальщик) он ни разу не отреагировал: глаза в глаза, как если бы он мог читать в моей душе, стоял он с поднятой для удара лапой, и если выпады делались мной просто так, он не двигался с места».

Когда медведь обращается в бегство, он опускается на все четыре лапы и бежит иноходью. Поппельбаум называет шаг медведя «расхлябанным и несколько неаккуратным, семенящим в рыси; собственно галоп почти отсутствует»<sup>41</sup>. Такой аллюр связан с тем, что передние конечности у медведя короче задних. Это лапы, а не передние ноги, и зверь может с их помощью обрывать с кустов зрелые ягоды и отправлять их в рот, он может вскрыть муравейник и лапой заправлять в рот его содержимое, личинок и взрослых насекомых. Таким же образом он может разорять пчелиные гнезда, лапой извлекать оттуда мед и засовывать его в пасть.

Скелет медведя, смонтированный стоящим на четырех лапах, производит непосредственное впечатление, будто зверь подался вперед. Позвоночник с подвешенной на нем головой как будто падает вперед на короткие лапы. И неправильно было бы думать, что медведь, после того как он опирался на четыре ноги, когда-то потом выпрямился. Все было наоборот! Медведь был прямоходящим созданием, а потом упал вперед еще и сегодня он делает это во время бега и погони. То, что некогда с ним произошло, было падением в животность.

---

<sup>41</sup> Н. Poppelbäum: Tierwesenskunde. Doniach 1954

Все исследователи рассказывают о двойной природе медведя. С одной стороны, о его безобидном добродушии, о его спокойствии по отношению к человеку и связанной с этим терпимости, которую он чаще всего проявляет. Главный лесничий Клеменц следующими словами описывает свои многолетние наблюдения над медведями в болотах: «Я не знаю



случая, чтобы когда-нибудь во время странствий и встреч с людьми медведь шел бы на эту встречу. Наоборот, в большинстве таких ситуаций он обращался в бегство... Медведь – добродушное существо, хотя ему ни в коем случае нельзя доверять; особенно он не любит, когда его раздражают и неожиданно выводят из обычного спокойствия»<sup>42</sup>. Но если его побеспокоили, вспугнули, удивили, или если на него неожиданно напали, тогда проявляется другая сторона его сущности. Тогда он выпрямляется, становится диким и опасным. Тогда он хватает людей и животных, врывается в загоны и нападает на скот. Так добродушно семенящее, четвероногое, растительноядное животное превращается в дикого двуногого хищника. Тогда он выпрямляется, готовый к борьбе. Однако он не настоящий хищник; добродушный спокойный вегетарианец, он напоминает прирученную собаку; но воинственно выпрямившись, готовый к наступлению, он как бы перерастает свое хищное существо и становится подобным яростному древнему человеку. «Признаком высокого ума у медведя является то, что он меняет свое поведение в соответствии с обстоятельствами, что он доверчив или осторожен, смотря по тому, что видит вокруг. Он может поселиться недалеко от деревни, и целые годы его никто не увидит, так хорошо он умеет скрываться и так затаянно он выходит по ночам на добычу»<sup>43</sup>.

Несмотря на это, медведь не является таким уж ярко выраженным ночным зверем. Его можно видеть повсюду и днем; на одиноких лесных полянках в горах, в густых болотистых местах и в джунглях Южной Азии. Медведь сторонится человека, но я сомневаюсь, что он боится его. Он сторонится его из своего рода стыдливости, которая одновременно является и некой формой превосходства. Он чувствует свое глубокое родство с человеком. Он догадывается, что и он был когда-то выпрямлен, как и сегодня человек.

У медведя также есть лапы, и он, как и человек, ходит на всей ступне. Но голова и морда поросли густым мехом, который покрыл руки и кисти подобно перчаткам и нарукавникам. А за всем этим, как в сказке о «Бе-

---

<sup>42</sup> Брем

<sup>43</sup> R. Geiach: Die Vierflissler. Hambuig 1951.

ляночке и Розочке», живет принц, и его золотая одежда иногда просвечивает.

Стоит ли удивляться, что медвежатам, рождающимся голыми, слепыми и маленькими, словно крысята, нужно целых шесть лет, чтобы более-менее вырасти? Все это время они проводят около матери; отец не заботится о них. Эти медвежата во многих отношениях больше, чем взрослые особи, напоминают человека. Герлах считает: «То, что представляется нам таким комичным в молодых медвежатах, это человечность многих движений, важная походка на всей ступне, прямостояние, использование передних лап в качестве рук». В замечательном фильме Уолта Диснея «White Wilderness» можно увидеть играющих белых медведей. Они катают снежки, бросают их друг в друга и как дети скатываются на спине с ледяной горки. Они катаются, играют и ссорятся так, как это могут лишь дети людей.

Не потому ли Мишка стал любимой детской игрушкой? Поскольку медведь не приручался, мы стали придавать ему наши черты и сделали, таким образом, спутником наших детей. Мишка – это милая и прелестная ипостась дикого медведя.

Близость к человеку, так явно выступающая в поведении и жизни медведя, становится еще более очевидной, если исследовать, как люди относятся к медвежьему роду.

Уже упомянутые айны, особенно глубоко связанные с медведем, в каждой деревне устраивают особую клетку, предназначенную для воспитания молодых медвежат. Да, очень рано похищенных у медведицы медвежат айнские женщины выкармливают грудью; потом они подрастают в хижинах с детьми приемных родителей, пока не станут достаточно большими, чтобы перейти в клетку и жить там два-три года, до праздника съедения медведя.

Фрезер посвятил изображению этого праздника отдельную главу, в которой попытался собрать все появившиеся ранее описания. Здесь речь идет о ежегодном празднике, который проводится в середине зимы или осенью. В нем принимает участие все население деревни. Сначала вперед выступает глава праздника и обращается к пленному медведю. «О, божественный! – говорит он. – Ты был послан в мир, чтобы мы могли охотиться на тебя. О, мы чтим тебя, мы просим тебя, услышь нашу молитву. Мы кормили и воспитывали тебя, вынесли много печалей и забот о тебе, потому что мы любим тебя. Теперь, когда ты вырос, мы посылаем тебя домой, к твоему отцу, к твоей матери. Когда попадешь к ним – пожалуйста, говори о нас только хорошее и скажи им, как мы были добры к тебе. И приходи к нам снова, чтобы мы снова могли принести тебя в

жертву»<sup>44</sup> – Приблизительно так звучит эта речь.

Потом медведя вытаскивают из клетки и связанным ведут в церемониальном шествии по деревне. Затем в него стреляют тупыми стрелами, и когда жертва разъяряется, ему раздробляют шею между двумя толстыми столбами.

У гиляков медведя приводят в каждый дом и у некоторых жителей кормят кашей; потом ему пронзают стрелой сердце. При этом женщины плачут и затягивают песнь смерти.

У гиляков, как и у айнов, голова жертвенного животного с оставшимся мехом устанавливается в доме на почетном месте и в особой церемонии ей подносится для еды собственное мясо и кровь. Потом в ритуальной форме внутренности и мясо варятся и съедаются за совместной трапезой. Чаша, из которой пила голова жертвы, обносится по кругу, и каждый присутствующий должен сделать из нее один глоток. Эта чаша называется жертвенной.

Часто праздничная трапеза длится несколько дней. Женщины исполняют священные танцы и в конце трапезы каждого выходящего наружу старейшины слегка стегают березовым прутом.

Нанайцы называют такого жертвенного медведя сыном и братом; многие айны говорят, что происходят от медведей, и называют себя «детьми медведей». Но медведь – это бог гор, и они говорят: «Что касается меня, то я сын бога гор. Я происхожу от божества, которое правит горами».

Фрезер пытается объяснить все эти факты. Он пишет следующее: «Это несомненно говорит о том, что живущие на Сахалине айны рассматривают медведя не как божественное существо, а как своего посла к божеству. Поручение, которое они дают ему перед смертью, подтверждает это предположение. Также и гиляки видят в медведе посланника, которого они, одаривая подарками, снова посылают к божеству гор. Они обращаются с животным как с существом, которое принадлежит к более высокому, чем человек, порядку; он для них – некое низшее божество, чье присутствие уже потому означает для деревни благословение, что он удерживает вдали всегда существующих злых духов».

Отдельный медведь, которого держат для жертвы, а потом убивают – конечно, «посланец» богов, ведь он лишь часть того всеобъемлющего существа, того «Медведя», о существовании и деяниях которого знают первобытные народы. Так же, как человеческая душа после смерти возвращается в высшие миры, так и душа жертвенного животного снова соединяется с Отцом и Матерью, то есть уходит на свою духовную роди-

---

<sup>44</sup> J. G. Frazer. The Golden Bough. Vol. VIII. Spirits of the Corn and of the Wild, Vol. II, London, 1936 – рус. Фрезер «Золотая ветвь», М., Политиздат 1980



ну.

И очень может быть, что такие народы, как ай-ны, тунгусы и гиляки, постоянно окруженные медведями – а каждую ночь, особенно зимой, почти в центре неба сияет над ними Большая Медведица – они чувствуют, что родина тех существ, которые скрываются среди них под медвежьим обликом, находится там, наверху.



Может быть, небезынтересно услышать, что «семь больших звезд, составляющих созвездие Большой Медведицы и не имеющих совершенно никакого сходства с медведем, все же почти во всем мире известны под этим именем, и даже у дикарей, рядом с которыми вовсе нет никаких медведей»<sup>45</sup>. Таким образом, не внешнее подобие заставляет «примитивных» людей называть созвездия определенными именами. Примитивный, одаренный сновидческим сознанием, созерцающий образы человек видит в небесной повозке лик медведя и называет звездное сочетание согласно внутреннему существу образа. Бейли прибавляет к этому: «Это созвездие называли раньше еще и как «хлев», «овчий двор», и с этим символом дело обстоит, по-видимому, так, что Большая Медведица рассматривалась, как знак «Великого Духа», «Троицы», «Света Мира», «Альфы и Омеги», «Христа Иисуса».

Может быть, этот образ можно понять из того, как он используется в X главе Евангелия от Иоанна. Вот слова Христа: «Истинно, истинно говорю вам: кто не дверью входит во двор овчий, но перелезает и нуде, тот вор и разбойник; а входящий дверью есть пастырь овцам. Ему придверник отворяет, и овцы слушаются голоса его, и он зовет своих овец по имени и выводит их».

Медведь вполне мог бы быть придверником этого овчего двора. А вдруг он вор и разбойник? Ведь в первой книге Самуила Давид говорит Саулу, испрашивая у него разрешения на бой с Голиафом: «Раб твой (Давид) пас овец у отца своего, и когда, бывало, приходил лев или медведь и уносил овцу из стада, то я гнался за ним и нападал на него и отнимал из пасти его; а если он бросался на меня, то я брал его за космы и поражал его... Господь, который избавлял меня от льва и медведя, избавит меня и от руки этого Филистимлянина»<sup>46</sup>.

Это те вопросы и догадки, которые здесь просто напрашиваются. И в Берне при входе в старый город сохраняется медвежья клетка, как у ай-нов или гиляков. Не напоминает ли образ клетки, куда в сказке ведьма усадила Ганса, чтобы там кормить его до тех пор, пока он не станет достаточно тучным для жертвы, те медвежьи узилища в Японии или

---

<sup>45</sup> H. Bayley: The Lost Language of Symbolism. Vol. I. London 1951.

<sup>46</sup> 1 Книга Царств, 17 глава.

## Швейцарии?

Медведь (нем. *Bag*) присутствует не только в именах многих городов (Берлин, Берн, Бернбург и т.д.), но и в гербах. Он воспринимается как страж живущего там человеческого сообщества, он часть того «Большого Медведя», который кружится вокруг Полярной Звезды и охраняет врата земного мира: земную ось.

Так возникают образы, которые постепенно складываются в единое целое. Например, гуцулы, живущие в Карпатах, чувствуют такое почтение к медведю, что не называют его собственным именем. Он называется у них «Меньшой дядюшка» или, совсем почтительно, «Старшой» («*der Große*»). И если лапландцы, охотясь, убивают медведя, то они должны считаться с целым рядом табу. Три дня охотники должны совершать определенные очистительные церемонии, лишь после этого они могут снова войти в женскую хижину. А оленя, который вез сани с убитым медведем, целый год не может касаться и кормить ни одна женщина<sup>47</sup>.

Спутницы богини Артемиды назывались *arktoi*, медведицы. Кереньи прибавляет к этому: «Считалось, что сама Артемида некогда была медведицей, или, в соответствии с более древним и южным животным миром Греции, львицей»<sup>48</sup>.

После этого рассказывается, что одна из подруг Артемиды, Каллисто, зачала от Зевса, который явился ей в облике медведя. Но она, как и все спутницы богини, клялась блюсти вечную девственность. Однажды Артемиде во время купания увидела большой живот подруги, разгневалась и превратила ее в медведицу. Такой она и родила своего сына, ставшего человеком по имени Аркас, родоначальником народа Аркадии. А она осталась медведицей и жила в дремучих лесах. Но однажды она встретила своего сына, ставшего тем временем великим охотником. «И мать узнает его, останавливается и хочет ласково приблизиться к своему сыну, но тот видит в ней лишь дикого зверя. Аркас поднял оружие и, конечно, убил бы ее – но тут Зевс развел их и поместил Каллисто неподалеку в виде созвездия, на самом красивом месте неба, совсем рядом с небесным полюсом»<sup>49</sup>. Не подобны ли мы все Аркасу, видящему в медведе только хищного зверя, а не мать, давшую ему жизнь?

Благодаря букве «В» слово «*Bag*» несет в себе нечто матерински облекающее, оберегающее. Фурман, размышляя дальше, заключает: «В теснейшем родстве со словами «*Bag*», «*Boog*», «*Björn*» стоит шведское слово «*Barn*», ребенок. Северный Полюс, всегда обозначаемый как исходная точка жизни, является также материнской точкой, и первое жи-

<sup>47</sup> Дж. Г. Фрезер, «Золотая ветвь».

<sup>48</sup> K. Kerényi: *Die Mythologie der Griechen*. Zürich 1951.

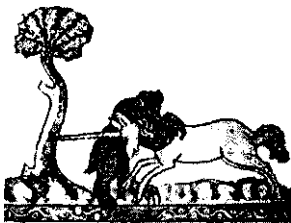
<sup>49</sup> W. Schadewaldt: «*Die Steinsagen der Griechen*. Fischer Bücherei Nr. 129.

вотное, которое выходит оттуда, вполне может быть названо ребенком. Но «Ваг» – это также «Абра», а именно отсутствующее солнце, и тем самым Север»<sup>50</sup>.

Не так-то легко решить, насколько оправданы такие толкования. Их результаты можно использовать только с большой осторожностью. Тем не менее интересно обнаружить один и тот же корень в словах, обозначающих в северных языках медведя (Bär) и ребенка (barne). С этим связаны также слова «Geburt» (рождение) и «Gebären» (роды), что подразумевает «вынашивать» и «выносить» (нем. tragen и ertragen).

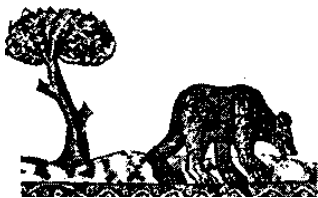
Но гораздо более важным, по-видимому, является слово «Arkas». Аркас – это сын той самой медведицы Каллисто; а в старых греческих сказаниях он появляется даже как сын самой Артемиды, когда она еще была в медвежьем обличье. Аркас был родоначальником народа, населявшего землю Аркадию на Пелопоннесе. Греки называли их «едящими желуди» и думали, что они «древнее, чем Луна»<sup>51</sup>. «Имя Аркас», – пишет Кереньи, – «связано с медведем, arkatos». Так что Аркас указывает не только на жителей Аркадии, но и на arkatos, медведей, сотворенных медведицей.

Но его имя имеет непосредственное сходство с названием, которое носил один из последних великих народов древней Атлантиды. Они звались аккадийцы и жили в северной части этого позднее затонувшего континента. Там они встречали последних древних гипербореев. Гипербореи – это еще едва ли ставшее земным человечество, действовавшее еще всецело в царстве душевного. Аккадийцы жили в тех областях, которые после погружения древней Атлантиды, то есть в конце ледникового периода, снова выступили над поверхностью океана как земли северной Канады, Гренландии, Скандинавии и Сибири. Это та самая область полярного круга, которую мы должны рассматривать как место появления медвежьего семейства.



<sup>50</sup> E. Fuhrmann: Das Tier in der Religion. München 1922.

<sup>51</sup> См. Karl Hoenn, Artemis, Zürich, 1946.



Не исполнен ли значения тот факт, что у греков Аполлон, брат Артемиды, каждый год возвращался в Гиперборею? И что мать их обоих, Лето, пришла из земли Гипербореи? Аполлон в своем существе и поступках воплотил основной характер аккадийского человечества, так описанный Рудольфом Штайнером: «Люди шестой подрасы (аккадийцы) еще дальше развивали силу мышления... Эта соображающая сила мышления искала нового как такового, она побуждала к деятельности и созиданию нового. Поэтому аккадийцы были предприимчивым народом, склонным к колонизации»<sup>52</sup>.

Быть может, это стремление к колонизации привело их на Пелопоннес, и так возникли аркадийцы. Тут, в Аркадии, живет Пан, названный Эврипидом близнецом Аркаса. Пан – это такое же промежуточное существо, как и медведь. Он добродушный и безобидный, но может стать диким и злобным, если его потревожить, особенно в обеденное время. Пан, появлявшийся в различных традициях как сын Кроноса, Зевса, Гелиоса, имел настоящие копыта и дикое, косматое лицо.

Эти связи являются лишь указаниями, а не объяснениями. Но они указывают направление, в котором можно отыскать еще много нитей, что бы конкретнее и по существу охватить то, чего мы лишь коснулись.

Необходимо обдумать два свойства медведей, поскольку они более определено, чем другие, указывают на близость с человеком. Медведь не является стадным животным. Он в одиночестве странствует по лесам и болотам; это скорее случайность, если несколько медведей встречаются в одном малиннике или на речке, полной лососей. В противоположность другим хищникам (львам или волкам) медведь – совершенно обособленное, одинокое существо. Он не держится за семью. Только летом, во время спаривания, его можно встретить с медведицей.

Позже он покидает ее, и осенью она одна находит берлогу, под пустым пнем или густой кучей листьев, чтобы там в декабре или январе родить детенышей. Такое поведение также указывает на совершенно интимную связь с человеком. Никакая телеология, никакие выдумки о приспособлении не могут найти разумного объяснения тому, что как раз в самое холодное время года появляются на свет такие маленькие голые и беспомощные медвежата. Это ведь полная противоположность «борьбе за существование». Ведь и медведя-отца в это время нет поблизости; как и медведица, ожидающая родов, он забрался в берлогу на зимний покой.

---

<sup>52</sup> Рудольф Штайнер «Из летописи мира».

Рудольф Штайнер указывал на то, что в древние времена человеческого развития, например, во времена Атлантиды, все роды происходили приблизительно во время зимнего солнцеворота. Однажды он сказал: «В ранние времена человеческого развития размножение человека еще было связано с годовым ритмом. Зачатие не могло тогда произойти иначе, чем весной, когда силы действовали так оживляюще, как я описал вам это сейчас (в докладе), и поэтому рождение не могло совершиться иначе, чем в конце года»<sup>53</sup>.

Это соотношение изменилось, поскольку человек постепенно выступил из этих связанных с природой закономерностей. Лишь у некоторых германских племен, например, ингвеонов, эта своеобразная черта сохранилась вплоть до 3-го тысячелетия до Р.Х.<sup>54</sup> И медведи остались верны этому. Они все еще рожают детенышей во время зимнего солнцеворота и тем самым несут в себе дочеловеческое бытие. Оно оказывается вовсе не приспособлением, а воспоминанием о временах, из которых они вышли.

Может быть, правы гуцулы, называя медведя «младшим дядюшкой» и тем самым считая его братом своих отцов? Или айны и тунгусы, устраивая медвежьи праздники и называя жертву посланником своего прародителя? Церемония «медвежьей трапезы» означает для них соединение с собственными предками. При этом совершается дохристианская жертва, и это тем более вероятно, что айны – это, видимо, остатки существовавших некогда аккадийцев. Их происхождение совершенно непонятно современной этнологии. Сначала их считали древнейшими жителями Японии, но это предположение не подтверждается. «Новейшие исследования сделали очевидным тот факт, что участие айнов в образовании японского народа и его культуры было очень небольшим (арктические элементы)... Особые телесные признаки айнов таковы: крепкое строение головы, густой волосяной покров (!) (особенно волосы и борода), широкое лицо, глубоко посаженные глаза с монгольским разрезом, широкий, плоский нос... Их язык нужно рассматривать как изолированный»<sup>55</sup>. Таким образом, здесь речь идет об очень обособленно стоящей, маленькой племенной группе, которая не являет ни монгольских, ни малайских, ни индо-германских черт. Это небольшие с виду, сильные, заросшие волосами люди, имеющие особо глубокое отношение к роду медведей, проявляющееся во время их праздников.

В некоторых немецких сказках выступает нечто подобное. В истории о «медвежьей шкуре» некий человек, заключивший союз с дьяволом, на

---

<sup>53</sup> Рудольф Штайнер, «Сопереживание кругооборота года» (Das Miteieben des Jahreslaufes in vier kosmischen Imaginationen, GA 229), 3-й доклад.

<sup>54</sup> См. доклад от 21 декабря 1916 г. в цикле «Weihnachten in Schicksalsschwerer Zeit».

<sup>55</sup> H.A. Bematzik. Die neue grosse Völkerkunde. Bd. II. Frankfurt a. M. 1954.

семь лет стал медведем. «Шерсть покрыла почти все его лицо, борода напоминала кусок войлока, на пальцах выросли когти». И в сказке о «Беляночке и Розочке» герой превращен в медведя до тех пор, пока через смерть карлика, заколдовавшего его, он не сможет вернуть себе прежнее обличье. В этой сказке действует отблеск того аркадийского мира и покоя, которые некогда существовали на земле Гипербореи – тех мирных сфер, куда каждый год весною возвращается Аполлон, чтобы потом снова появиться в Дельфах.

Так все эти свидетельства, одни более, а другие менее явно указывают на то, что некогда род медведей был человеческим родом. Вероятно, он был родственен аккадийцам, к началу наступления ледникового периода еще жившим на севере в древней Атлантиде. Время появления медведей (на это уже указывалось) современная палеонтология относит к концу третичного периода, приблизительно к миоцену. Эта эпоха соответствует последним фазам Атлантиды. Гляйх<sup>56</sup> пишет об этом: «Во второй половине атлантической эпохи влажный теплый климат эоцена и олигоцена (третичный период) все больше переходит в холодный, и в конце концов в очень холодный климат. Теодор Арлт так говорит об эпохе миоцена: «В Европе пальмы стали встречаться только южнее Альп. В Средней Европе дыхание мороза ощущалось даже тогда, когда здесь еще в основном царил мягкий и влажный климат. Особенно значительно температура упала в арктических областях. Таким образом, это было время, когда из-за смещения Северного Полюса из района Берингова пролива по направлению к Гренландии волны холода, обрушивавшиеся на Европу, уже возвестили о грядущем в далеком будущем оледенении».

Это было время, когда аккадийцы уходили на юг, восток и запад. А другие, не ощущавшие беспокойства, вызванного у их сородичей пробудившимся мышлением, остаются и готовятся к наступающей зиме ледникового периода. Это возникающие медведи. Они начинают расселяться вокруг полярного круга и вместе с распространяющимися на юг льдами идут в Европу, Азию и Америку, доходя до тропика Рака. У Северного полюса они становятся белыми медведями, южнее – бурыми, гризли и всеми остальными известными нам видами.

Медведь – зимний зверь! Он оделся в густой мех, перед наступающими холодами и снегопадами он прячется в берлогу. Но он может, как белый медведь, и принять бой с зимой. Потому-то он и любит мед, прекраснейший дар летнего солнца, чтобы благодаря действующей в нем силе противостоять ледяному морозу. В удивительной 46-й руне Калевалы – единственном повествовании о медведях – говорится: «Как мед-

---

<sup>56</sup> S. von Gleich: Der Mensch der Eiszeit und Atlantis. Stuttgart 1936.

ведь на свет родился, Как он рос с прекрасным мехом? На соломе ль он родился, В бане ль он, косматый, вырос?» Молвил старый Вяйнямёйнен, Сам сказав слова такие: «Он рожден не на соломе, Не в овине на мякине. Вот где он, медведь, родился, Где рожден с медовой лапой: Возле месяца и солнца И медведицы небесной, Около воздушной девы, Возле дочери творенья». (пер. Бельского)

Не в хлеву, не на соломе, как появляющиеся на свет малыши, рождается медведь. Он появляется высоко в зимнем, кристально ясном северном небе, на «плечах Большой Медведицы». Он неразрывен с зимней природой; он – зимний зверь, бывший некогда человеком и скрыто несущий в себе это человеческое.

Его спутники подались на юг. Там они стали панами, силенами и сатирами. Но Артемида и Аполлон, которым он некогда принадлежал, рассказали грекам и последующим поколениям о его судьбе. Это судьба ледникового времени, судьба погружения Атлантиды, судьба погружающегося в животность человеческого. И понятен призыв Рудольфа Штайнера: «Нет нужды рыться в геологических отложениях Земли, если хочешь узнать людей древности, имевших свою высшую телесность еще вне физического тела, это было бы абсурдно..., так не найдешь ничего, кроме упадочных продуктов доисторического человечества. Но в отложениях человеческой духовной жизни, именно в том духовно-геологическом слое, который сохранился в греческой мифологии, там мы находим, как панцири улиток и раковин в геологических отложениях Земли, нормального среднего атлантического человека. Если мы изучаем конфигурацию фавнов, панов и силенов, то мы получаем в руки те духовные геологические остатки, которые на самом деле ведут нас к прачеловечеству Земли»<sup>57</sup>.

Этой-то «духовной геологией» медведей мы и попытались заняться. Теперь мы можем почувствовать, откуда происходит род медведя. Еще должно пройти время, прежде чем на нем исполнятся слова апостола Павла, что тварь изнемогает и стенает об искуплении. А в Калевале этому медвежьему пути сопутствуют слова, которыми мы и завершим эту главу:

«Молвил старый Вяйнямёйнен, Говорил слова такие: «Отцо, милая пичужка, Красота с медовой лапой! По земле пройти ты должен Часть пути еще отмерить. Ты пройдишь там, золотой мой, По земле пройди ты, милый, Ты пройди в чулочках черных Ты пройди в штанах суконных».

---

<sup>57</sup> Рудольф Штайнер, «Мировые чудеса, испытания души и откровения духа» (Weiterwunder, Seelenprüfung, Geistesoffenbarungen. GA 129), 6-й доклад от 23 августа 1911.

# Лебеди и аисты

## Мир птиц



«Все птицы уже здесь, все птицы», – так пели мы детьми, и если раздавалась эта песня, значит пришла весна или мы очень хотели вызвать ее. Дальше пелось: «Дрозды, зяблики, скворцы, и весь птичий народ», – а солнце поднималось все выше, и в душе просыпалась радость. Прилетающие птицы приносили нам, детям, нарастающий свет. Они были неотделимы друг от друга, весна и пробуждение птичьего мира.

Что при этом появлялись и другие животные – если не считать бабочек, возвещавших нам о лете – было не так важно. Прилет же птиц означал приход весны. Издавна для человеческой души птицы и возвращение солнца были переплетены друг с другом: они приносили с собой усиливающийся свет и прибывающее тепло. Как рыбы включены в жизнь воды, так и птицы в жизнь, пронизанную светом и теплом воздуха. Это их царство. В нем они живут; вода и земля – лишь дополнение, лишь граница, на которую они, бывает, наталкиваются, но установить с ними связь они могут лишь изредка и с трудом. И здесь, как всюду в царстве живого, есть исключения; но они лишь подтверждают правило и подчеркивают господствующую закономерность.

Жизненная сфера птиц – воздух, свет и тепло. Там они живут своей собственной жизнью и проводят ее в единственной, всеохватывающей деятельности: в полете. Птица летает; ей не надо этому учиться. Птенцом она вначале не может подняться в воздух, но не из-за того, что не умеет, а либо потому, что еще нет крыльев, либо потому, что для маленьких крыльев тело пока слишком тяжелое. Но никогда растущей птице не надо учиться летать у своих родителей, как, например, маленькому тюленю, которого мать неделями подталкивает в воду, чтобы он попытался поплыть.

Птица летает также, как рыба плавает или четвероногое животное бежит и прыгает. У нее ведь есть перья, они несут ее по воздуху; чтобы



двигаться вперед, ей надо лишь отдалиться, довериться им. Именно эта отдача делает полет для птицы чем-то само собой разумеющимся. Оперенье накинута на ее тело подобно чудесному одеянию, несущему, как в сказках ковер-самолет, над морями и странами. Она не летит, а охвачена полетом, и ее деятельность состоит не в том, чтобы являть в полете свою волю, а в том, чтобы положиться на свои перья. Если бы птица попыталась сама управлять своими крыльями, у нее бы ничего не вышло. Ее задача – это включение себя в потоки воздуха и тепла, веющие над землей. Ее несут порывы ветра и столкновения воздушных течений. Она ощущает веянье ветра, движение тепла, колебание зноя, ее бытие соединено с ними, и это единство со стихией управляет полетом.

Мышцы на груди и крыльях удивительно малы по сравнению с той работой, которую они должны были бы совершать, если предположить, что именно мускульная сила осуществляет полет. Мускулы не работают, а лишь устанавливают крылья, раскрывают и сообщают, поднимают и опускают их. Они нужны для взлета и приземления. Но сам полет осуществляется опереньем. Это таинственное образование, возникающее лишь после того, как заканчиваются основные фазы эмбрионального развития. Оно как бы извне дается телу птицы, сообщает ему форму и облекает голое жалкое тело красотой и достоинством. Оперение – это словно мантия, сотканная из сил, но не воды и земли, а воздуха, света и тепла. Так нам становится понятным высказывание Рудольфа Штайнера, что птица переживает свои кости и органы подобно тому, как мы ощущаем какой-нибудь груз, например, чемодан или рюкзак, который нам приходится нести. «Вещи, упакованные в них, мы вовсе не ощущаем своим телом..., так и птица под собой подразумевает просто согретый ею воздух, а все остальное (кости и остальное тело) ощущает грузом, который она несет в земном существовании»<sup>58</sup>.

Птица, так сказать, отождествляет себя лишь с находящимся в ней и прогретым ею воздухом. Все остальное для нее чужое; это не ее собственное, это груз. Но эта «ноша» – птичье тело – имеет особое строение. Во всех своих частях оно как бы уплотнено и забито.

Все органы птицы втиснуты в маленькое пространство; они, если так можно выразиться, упакованы в «рюкзак» груди и живота. Сердце и желудок, легкие и кишечник, почки и органы размножения – все вместе. Это пространство едва ли можно назвать животом, поскольку оно почти полностью охвачено ребрами, а спереди запечатано мощной грудиной. Это «упаковка», которую птица несет в себе. Многое тут еще очень примитивно по расположению и строению. Еще нет никакого

---

<sup>58</sup> Рудольф Штайнер, *Der Mensch als Zusammenklang des Schaffenden, bildenden und gestaltenden Weltenwortes*. GA 230, доклады октября-ноября 1923.

мочевого пузыря; кал и моча выходят через общую клоаку. Нет толстой кишки, отсутствует перегородка между грудью и животом.

Зато голова посажена часто на очень длинную, а иногда, впрочем, и на короткую шею. Но это ни в коем случае не настоящая голова; скорее придаток, стебель с глазами, спереди уплотнившийся в клюв. Этот клюв определяет физиогномику отдельных семейств и родов; для птиц он то же, что для отдельного человека физиогномически нос. Птицу легко узнают по оперению; но чей это птенец – скажет лишь клюв.

Конечности – если они без перьев – производят жалкое впечатление. Так как ноги чаще всего остаются голыми, то их вид почти всегда разочаровывает своей убогостью. На наблюдателя они производят впечатление бедности, старости и беспомощности. Крылья без перьев можно рассматривать только как уродство. Напротив, в своем одеянии они свидетельствуют красоты, мощи и грации птицы. В крыльях раскрывается истинная сущность птичьего рода. Они несут его по воздуху; они дают ему жизнь в стихии тепла и света.

Поэтому Герлах с полным правом пишет в предисловии к своей прекрасной книге о птицах: «Птицы состоят из более легкого вещества, чем мы. Они не ходят по земле грубыми ногами. Большинство чуть касается поверхности кончиками пальцев в постоянной готовности взлететь. Воздух для них – это пространство неограниченного движения, не барьер, а мост ко всему желаемому. Быстро как мысли достигают птицы своих целей»<sup>59</sup>.

Но это «более легкое» вещество оказывается наиболее минерализованной субстанцией; к примеру, птица выделяет содержащие почти исключительно твердые соли экскременты. Все в ее теле как бы высушено. Кожа не имеет потовых желез, перья – минерализованные, безжизненные роговые образования, ноги и пальцы окостеневшие и склеротизированные.

Тело вплоть до головок длинных трубчатых костей пронизано системой воздушных карманов. Это превращает его в баллон, который можно легко поднять и удерживать парящим в воздухе. Но тем самым центром жизни птицы становится дыхание и связанные с ним органы.

Из такого строения вытекает и второе столь же обычное занятие птиц: пение. Никакое другое животное и близко не подходит к этой единственной в своем роде способности. Иногда птица доводит образование звуков до такой степени мастерства, что она не только поет, но некоторые виды – например, попугаи, вороны и скворцы – с таким совершенством подражают звуку человеческого голоса, что произносят отдельные словосочетания. Это не имеет ничего общего с речью, но ука-

---

<sup>59</sup> Richard Geilach: Die Gefiederten. Гамбург 1953.

зывает на способность интимного соприкосновения со всем звучащим. Эта способность присуща им потому, что воздух несет звучание также, как он несет птицу. Так звук и птица, тон и полет становятся выражением мира воздуха, в котором пульсирует ветер, тепло и свет.

В этом элементе разыгрывается жизнь птиц. Они окружают Землю пением и полетом. Атмосфера без птиц – это абстракция. Пение и крик, свист, карканье, крикание так же принадлежат воздуху, как и взмахи крыльев, порхание и парение. Птицы наполняют воздушное пространство нашей Земли.

## **Гнездари и выводковые**

Лишь в одном-единственном месте птица касается Земли. Вовсе не там, где ее касаются пальцы; это очень поверхностный и мимолетный контакт. Прятки, подскоки, маленькие семенящие шажки – это никак не касания. Это скорее следствия поиска пищи: этого требует не птица, а только ее клюв. Гнездо – вот что делает птицу земным животным. Она строит его из всевозможных материалов, и в гнезде, на короткий промежуток времени, становится жителем Земли. Гнездо сооружается из земли и ила, из веток и камешков, мха и листьев, навоза и песка. Структура и облик гнезда столь же многообразны, как многообразны семейства и виды птиц; каждый вид строит свое особенное гнездо.

Этому гнезду доверяется кладка (характерное для каждого вида число яиц) и затем начинается высиживание. Яйца окружаются тепловой оболочкой, так что в домике гнезда готовится как бы очаг, в тепле которого выпекается будущее потомство. Тут разыгрывается прообраз всякого «выпекания». То, что у рыб, рептилий и всех беспозвоночных еще совершают сами стихии, здесь выполняется отдельным животным.

Млекопитающие перенесли этот процесс вовнутрь женского организма. Рождающая мать стала живым гнездом. Птицы же строят себе особое сооружение, которое они на несколько недель в году превращают как бы в печку для вывода птенцов. Гнездо становится пуповиной, через которую отдельные птицы соприкасаются с земным царством. Теперь существо без родины становится оседлым и земным. Из яйца вылупляются птенцы двух видов. Одна группа нага и беспомощна. Другая покрыта пухом и перышками; птенцы рождаются нахальными, тотчас готовыми к жизни и действию. Следуя Лоренцу Окену, первую группу мы называем птенцовыми или гнездарицами, а вторую выводковыми. Окен подразделял весь класс птиц на две эти большие категории. Он писал об этом в своей грандиозной естественной истории: «Весь класс птиц делится на две большие группы, наземные и водоплавающие, среди кото-

рых выделяются, кроме того, птицы болот. Но тут возникает большая неравномерность, потому что число наземных птиц слишком велико.

Теперь обратимся к развитию птиц. Одни вылупляются из яйца нагими и слепыми, их еще долго нужно кормить. Я называю их гнездарями. К ним относятся все маленькие птицы, особенно певчие, лазающие, вороны, голуби, а также хищные птицы.

Другие вылупляются из яйца зрячими и оперившимися, они почти тотчас могут бегать и искать пищу. Я называю их выводковыми. Сюда относятся большие птицы, такие как куриные, цапли, гуси и другие.

Одни передвигаются прыжками, другие шагают; их можно было бы назвать прыгунами и ходоками. Одни стремятся вверх, их основная задача полет, другие всегда держатся земли и воды, и летят лишь тогда, когда это необходимо; их можно было бы назвать бегающими, а первых летающими»<sup>60</sup>.

Эти идеи и предложения Окена не соответствуют больше, современной систематике. Они не подходят, поскольку из выведенного здесь правила существует слишком много исключений. К примеру, аист и все примыкающие к нему виды и семейства: цапля, ибис и другие гнездары. А в смысле Окена они ходоки или бегуны. Кроме того, существует много переходов от одних к другим, так что предложенное более ста лет назад деление сегодня больше не может удовлетворять<sup>61</sup>.

Несмотря на это, в описании Окена заложен очень существенный принцип, который проявляется в двойственности гнездарей и выводковых. Нам нужно только попытаться научиться верным образом понимать его. Во многих видах и формах, через все классы животных проходит эта же двойственность: двоякий способ встречи новорожденного с миром. Тут можно вспомнить детеныша кенгуру, столь несамостоятельного, что он сидит в «сумке» матери и там сосет молоко; или хищников, рождающихся беспомощными и слепыми в противоположность бойким, быстро осваивающимся травоядным. Головастики, которые должны стать лягушками, гусеницы, которые сначала становятся куколками и лишь потом принимают свое земное обличье. Гнездары – птицы ли, или другие животные – это еще своего рода личинки, нуждающиеся в защите, чтобы постепенно принять завершённую форму.

У птиц это завершение происходит таким образом, что они получают оперение. Оно вырастает на маленьком, хрупком теле, все больше покрывая его, пока птичка не готова к полету. Гусята или утята, цыплята или маленькие лебеди сначала тоже не имеют настоящих крыльев и перьев; но они покрыты пухом и могут равным образом бегать, прыгать,

---

<sup>60</sup> Lorenz Oken: Allgemeine Naturgeschichte für alle Stände, т. 7 Штуттгарт 1837.

<sup>61</sup> См. также Wolfgang Makatsch: Die Vögel der Eide. Berlin 1954.

ходить и плавать.

Существует два вида перьев: нежный пух и жесткие, оформленные контурные перья. Пух – зыбкий, мягкий, бесформенный, это скорее пушок, который покрывает и греет. Это первая оболочка, окружающая новорожденного.

Контурные перья вырастают постепенно и они, собственно, и образуют оперенье. Например, известные страусовые перья – это пух, и поэтому они совершенно не приспособлены к полету; такие перья для их владельцев – нелепый, бесполезный придаток.

Но что отличает выводковых от гнездарей? Это не только очевидная способность или неспособность жить без особой защиты. Существует еще нечто иное, глубоко корнящееся в процессе развития отдельного вида.

Выводковые – это птицы, стоящие ближе к Земле, чем их братья гнездари. Птенцы не должны ждать, пока вырастет их оперенье, чтобы двигаться. Они вылупляются из яйца и начинают действовать. Цыплята

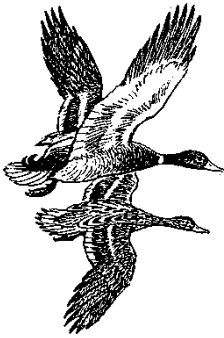


сразу же начинают семенить, клевать, без усталости пищат, и даже ведомые матерью, действуют уже как самостоятельные существа. Молодые утята идут к пруду, а маленькие лебеди настолько зрелы, что родители в первый же день могут вести их в воду. Способность летать – если до этого вообще доходит – развивается позже и тогда входит в жизнь птицы. Но это уже больше не является единственной, а

потому и совершенно необходимой формой присущего птице движения.

А гнездари остаются чуждыми Земле. Они появляются на свет как стуски плоти и жизни. Они остались бы беспомощными, если бы родители постоянно не помогали им, поддерживая жизнь и рост. Пищу нужно не только принести, но предварительно переварить и потом затолкать в открытый клюв. Образующиеся экскременты мать должна удалять из заднего прохода и выбрасывать из гнезда. В холодные дни и ночью печка снова начинает действовать и своим теплом согревает птенцов, поскольку сами они еще не способны производить свое собственное тепло. Только когда вырастет оперенье – маховые перья на крыльях и рулевые на хвосте – гнездарь становится птицей. Теперь он способен жить в своей стихии: в свете, воздухе и тепле.

Потому о выводковых можно говорить как о более приспособленных к земному существованию, более включенных в земной элемент. Гнездари остались, напротив, более космическими существами; они улетаю от Земли и желают быть связанными с ней только тогда, когда образует-



ся оперение.

Оперение – это словно мантия, постепенно набираемая на птицу, вылупившуюся из яйца. Перья возникают как бы извне, из окружения. Поэтому Рудольф Штайнер говорит очень определенно: «Перо может возникнуть только из-за того, что силы, действующие на Землю из мирового пространства и работающие над образованием перьев, оказываются сильнее, чем силы, исходящие из Земли. То, что лежит в основе пера, что можно назвать стволом пера, подчиняется определенным силам, исходящим из Земли. Но есть силы, действующие из просторов Вселенной, которые присоединяют то, что облекает этот стебель и образует внешнее оперение птицы»<sup>62</sup>.

Космические образующие силы, дающие птице оперение, происходят из тех же регионов, из которых еще не вполне выделились и сами сущности птиц. Ибо невозможно, чтобы птичий род когда-то поднялся с земли в воздух; то есть что он развился из примитивных рептилий за счет того, что долгие годы росли крылья, а затем птица научилась подниматься в воздух. Такое представление не только не биологично; оно – если верно взглянуть на вещи – совершенно несостоятельно. В ходе земной истории птицы развивались сверху, из сферы воздуха, вниз, к Земле. Они сошли с высот и в большей или меньшей степени связали себя с Землей. Археоптерикс никогда не был праптицей, он слишком глубоко падшая птица, приобретающая из-за этого черты рептилий. Здесь тупиковая ветвь эволюции, а не ее начало. Археоптерикс вымер, ибо он не мог дальше жить. Но птицы никогда не могли, как млекопитающие или человек, вполне ухватиться за землю и утвердиться на ней. Они должны были оставаться избавленными от земных лишений; они удержались от соединения с земной тяжестью и с земными мучениями.

На это хотел указать Рудольф Штайнер, говоря: «В птицах мы встречаем таких сущностей, которые не восприняли самых низших функций, которые как бы перепрыгнули через определенную точку. Они словно недостаточно глубоко спустились... И когда эволюция пошла дальше, они должны были уплотниться уже в силу внешних обстоятельств... Этой природе птицы как прообразы соответствуют те духовные сущности, которые также перешагнули выше определенной точки, которые удержались в слишком мягкой духовной субстанции и которые поэтому в своем движении словно взлетели над тем, чем они могли бы быть в определенный момент развития»<sup>63</sup>.

---

<sup>62</sup> Рудольф Штайнер: *Weltenwunder, Seelenprüfung und Geistesoffenbarungen*, 9 доклад.

<sup>63</sup> Рудольф Штайнер, «Евангелие от Иоанна», GA 103, июнь/июль 1909 г, 8 доклад.

Лишь теперь приоткрывается то, что является характерным для мира птиц. Это создания, приблизившиеся к бытию Земли в той степени, в которой оно является земным, твердым, минеральным, но которые не смогли его вполне достигнуть. Это существа, участвующие в эволюции животных, но не доведшие ее до земного завершения. Если бы они это сделали, тогда они сбросили бы крылья, как семь воронов и шесть лебедей в сказке.

У птицы сохранились перья, как у млекопитающих шерсть, а у рыб и рептилий чешуя. Они остались заколдованными. Одни – слишком высоко поднявшись, другие – слишком низко пав.

Выводковые были на пути к Земле; но они ее только искали, однако не достигли. Гнездари, напротив, боялись слишком сильного соединения с водным и земным элементом. Они должны беспомощными лежать в гнезде Земли, пока оперенье не поможет им подняться и полететь. Но зато они умеют петь и свистеть на самые разные лады. Они тоже – часть Творения.

## Лебедь

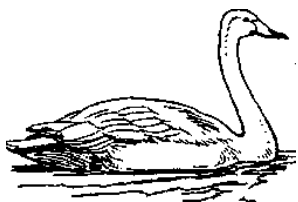
Большая семья лебедей, населяющих многие уголки земного шара, относится к широко распространенному отряду гусеобразных. Нам хорошо знакомы многие виды этого отряда, расселенного по всей Земле. Из Арктики через северные районы Азии, Европы и Америки они достигают экватора и южных континентов. Их не встречали только около южного полюса. Гаги и нырки, крохали, знакомые нам кряквы и домашние гуси, огари и пеганки – вот лишь несколько названий, указывающих на обилие видов, расцветок, повадок, которое можно найти среди этого отряда.



Нам известно поведение диких уток на озерах и прудах равнин и гор. Но они живут и в морских заливах и бухтах, а осенью многотысячными караванами летят на юг.

Их родная стихия – та граница между воздухом и водой, где воздух касается зеркальной поверхности озер, прудов, рек и морей. Все гусиные умеют плавать; почти все летают, хотя полет для них более труден, чем плаванье. С особым трудом даются им разбег и отрыв. Птица должна сильно работать крыльями и, скользя над водой, помогать себе ногами, пока не набрана определенная высота. А затем она движется легко и быстро вперед; вытянув шею и поджав ноги, спешит она вслед за стаей.

Клюв у них почти такой же большой, как и голова, он слегка расши-



ряется спереди (широконоска!), и верхняя сторона немного изогнута. Он покрыт мягкой кожей, содержащей множество осязательных телец и поэтому очень чувствительной. Ноги короткие, часто неуклюжие; у многих видов, например, у лебедей, они расположены далеко сзади, так что ходьба им дается с трудом и выходит часто как бы вразвалку. Четыре пальца связаны плавательной перепонкой, что придает ступне очень неуклюжий вид. Ходьба – это не их дело. Все они пловцы и ныряльщики, их жизнь протекает на поверхности воды.

Они выходят на берег лишь для высиживания и строительства гнезд; некоторые забираются даже в гущу ближних лесов и болот или в дупла деревьев. Потомство относится к выводковым. Через несколько часов после появления на свет они уже готовы вместе с родителями следовать к воде; они точно знают, как плавать и нырять.

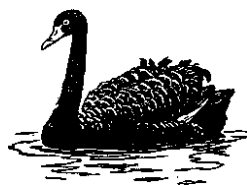
Один из членов этого отряда – лебедь. Он выглядит подобно всем остальным уткам и гусям, и все же отличается от них. Стоит только взглянуть на него, как сразу же возникает ощущение чего-то исключительного. И можно понять, почему в Великобритании, куда всегда прилетали и селились лебеди, они являются собственностью короны. Их владелец – монарх, у графов, баронов, горожан и крестьян они только в гостях. Они – королевские гости, посланцы вышних сил. Их посещение всеми ощущается как особая честь. Среди других утиных они выделяются благородством. В них есть что-то неприступное, когда в гордой красоте они скользят по водной глади. Тогда их тело, одетое в темные или белые перья, движется как челн, и впереди поднимается длинная, S-образная шея, переходящая, подобно фигуре на гальяуне, в голову и нос: гордый, часто внушительный вид, особенно когда крылья слегка расставлены и, как щит, скрывают ладью тела.

Лебеди – самые большие птицы своего отряда. Как правило, они моногамны; однажды образованные семьи сохраняются годами. Если осенью они пускаются в странствие (это случается только в северных областях Земли), то потом вместе возвращаются на старое гнездо, шесть-восемь недель высиживают яйца и затем выкармливают птенцов. После того как лебедята стали мало-мальски самостоятельными, родители покидают их, обращаются как с чужими. Чтобы осознать свое «дворянское происхождение», они должны отныне бороться в одиночестве.

О распространении лебедей на Земле Брем пишет следующее: «Лебеди, которых сейчас описано девять видов, населяют все районы Земли, за исключением тропиков, наиболее часто они встречаются в умеренных и холодных областях северного полушария. Область рас-



пространения каждого вида чрезвычайно обширна; они регулярно путешествуют на дальние расстояния. Странствуют все виды, но не при всех обстоятельствах; некоторые лебеди нередко проводят зиму на родине, переселяясь в пределах округа или чуть южнее».



Во-первых, нам знаком лебедь-шипун, живущий на наших прудах и речках. Часто большая группа этих птиц совместно владеет каким-либо участком. Они ищут соседства с человеческим жильем. Маленькие речки, протекающие мимо старых городских стен, пруды по соседству с монастырями, спокойные заводи в старых садах, отдаленные протоки с деревнями на берегу – это их родина. Белоснежное оперенье, красный клюв, у основания которого темный нарост, придают этому лебедю княжеский вид.

Дальше на севере живет лебедь-кликун. Он немного меньше, но относится к тому виду, о котором греки рассказывали, будто они каждый год прилетают вместе с Аполлоном с севера в Дельфы; на их крыльях прилетает бог, принося весть из Гипербореи. Многие очевидцы рассказывают о странном, иногда напоминающем колокол, голосе этих птиц; о них говорят также, что они поют перед смертью своего собрата. На зиму они перекочевывают со своей родины, Исландии и Скандинавии, в средневропейские области. Они живут также в России и Сибири.

В Южной Америке от Перу до Фолклендских островов и в Бразилии гнездятся черношейные лебеди. Их оперенье белое, но голова и шея покрыты черными перьями. Нарост у основания зеленовато-желтого носа красный, крылья короткие. Но летают они хорошо.

Черные лебеди живут в Южной Австралии и на Тасмании. Из-под черно-коричневого оперенья пробиваются белые маховые перья, напоминающая об их северных братьях.

Еще один редкий сородич, малый лебедь, живет на Севере. Он меньше других и едва отличим от лебедя-кликун.

Картина их расселения ясно показывает, что лебеди принадлежат северу Земли. Совсем высоко, в арктических областях живет лебедь-кликун. Южнее, в умеренной зоне, лебедь-шипун. В арктических областях Сибири – малый лебедь.

Тропические районы пропущены, на юге же гнездятся виды, населяющие Южную Америку и Австралию – это черношейный и черный лебеди. Такое распределение образует очень выразительную фигуру лебедя на Земле.

Хотя они и водоплавающие птицы, однако нуждаются в земле; тут на суше или в болоте они строят гнезда. Но с земли они никогда не взлетают, чтобы подняться в воздух, им нужна вода; садятся они также только

на воду, пусть даже совсем неглубокою.

Неудивительно, что эти дворяне в семействе гусей и уток были священные для человека и пробуждали в нем возвышенные чувства. Благородная красота и достоинство, исходящие от них, вызывают в человеке те первые ощущения, которые указывают ему на Высшее.

Но кротостью лебедь ни в коем случае не отличается. Он агрессивен, легко и быстро впадает в сильный гнев. Тогда он яростно бьет клювом и крыльями и вступает в поединок даже с диким и более сильным соперником. Так он обретает некий рыцарский облик. Белое оперение придает ему сиянье девственности и благородной строгости; его мужество превращает его в рыцаря.

Разве мы не ощущаем, глядя на него, что наряду с повседневностью существуют высшие душевные сферы? Здесь мы, с нашей глупостью и беззаботностью, радостью и болью, подобны гусям и уткам. Но надо всем этим в нас живет лебедь, величественная птица души, посещающая нас часто только как гость и улетающая дальше. Если бы мы захотели посвятить себя ему, то в средние века мы стали бы членами одного из многих рыцарских орденов лебедя. Их гербовая птица – белый лебедь, повелевавший рыцарям подниматься над бытием уток и гусей и жить в преданности и гордости.

## Аист



Совершенно другая атмосфера окружает аиста. Как отличаются спокойно скользящий лебедь и ступающий по болотистому лугу аист! Один скрывает свои некрасивые, короткие, неуклюжие ноги, способные только помогать при плавании. Другой стоит как бы на двух длинных палках, к тому же окрашенных в красный цвет, чтобы еще больше выделяться. Такой же длинный, как и ноги, у аиста клюв; сверхдлинный и часто такой большой и тяжелый (как у марабу), что тянет голову вниз.

Здесь словно указывается на общее правило в строении птиц: величина и форма клюва и ног соответствуют друг другу. Если клюв короткий, то и ноги, и ступни тоже короткие. Искривленный, твердый клюв хищников дает пальцам когти. Это созвучие двух бросающихся в глаза частей птицы особенно явно выступает у аиста.

Семейство аистов включено в необычный отряд. Его представителей объединяют термином голенастые (*Gressores*); уже это указывает на их особенность, ходьбу. Отряд включает четыре семейства: цапли, ибисы,

молотоглавы и аисты.



Уже имена позволяют увидеть характерные особенности этих групп. Всем свойственен общий тип строения: сравнительно длинные, тонкие ноги; чрезвычайно большой, остроканчивающийся клюв, сидящий на узкой голове как продолжение длинной шеи. Шея, голова и клюв все вместе превратились почти в конечность, которая постоянными быстрыми, пружинистыми движениями хватает пищу. Голенастые хищники. Они едят все, что движется вокруг них: лягушек и маленьких жаб, червяков, ящериц, жуков, улиток, рыб, даже маленьких птиц, зайчат, кротов, мышей. Удар или укол клювом, и убитая добыча исчезает. По внешнему виду не так-то просто заключить об их образе жизни; ведь они выглядят более смирными, чем на самом деле. Но красный цвет, проступающий у отдельных видов на самых разных частях тела, отчасти выдает воинственно-наступательный характер их темперамента. Их можно было бы назвать свирепыми меланхоликами. Мелкая вода – пруд ли это, озеро или речка – вот их охотничьи угодья. Они живут на берегу, между камышом и тростником, папирусом и ивой.

Гнезда, за редким исключением, они строят, наоборот, в кронах деревьев или на крышах, как это делают близкие человеку домашние аисты. Чтобы соорудить большое, почти круглое гнездо, собираются большие ветки и сучья. Перед началом высидивания, чтобы подготовить для кладки мягкую подстилку, гнездо набивается мхом и хламом, соломой и листьями. Все птенцы гнездары.

Первые недели они лежат совершенно беспомощные. Родители должны кормить их и чистить, а также оберегать от сильного холода и зноя. Благодаря очень подробным наблюдениям Хорста Сиверта над брачным периодом белых и черных аистов мы знакомы с этими процессами вплоть до мельчайших деталей<sup>64</sup>. Там описано, как переваренная в кишечнике рыба изрыгается в гнездо, раскладывается и измельченная заталкивается в открытые клювы птенцов. Также рассказано, как в холодные вечера отец и мать сидят над гнездом, чтобы согреть малышей; а в жаркие дни, когда лучи попадают прямо в гнездо, родители становятся так, чтобы беспомощные птенцы оказались в их тени.

Так продолжается много недель, пока не вырастут контурные перья, не окрепнут ноги и не будут сделаны первые шаги по краю гнезда. Неловкими взмахами перелетает молодой черный аист от сука к суку и быстро возвращается назад в гнездо. Наконец, в один прекрасный день чары спадают, и дети вместе с родителями летят на охоту.

---

<sup>64</sup> Horst Siewert: Störche. Erlebnisse mit dem Weißen und Schwarzen Storch. Gütersloh 1955.

Не так-то легко сказать, где же настоящая родина голенастых. На земле они всюду дома, за исключением крайнего севера. «Цапли населяют все области Земли, все широты и все страны, кроме самых северных.

Их очень много уже в умеренной зоне, а в тропиках они основная часть населения болот и водоемов. Некоторые виды, по-видимому, предпочитают море, другие реки, третьи болота; одним нравится равнина, другим лесная чаща или вообще леса»<sup>65</sup>. Во всех южных областях живут также ибисы (священный ибис египтян, каравайка, колпица и другие). На севере они встречаются вплоть до болот Дунай, но больше всего их в Африке, Южной Америке, Южной Азии и Австралии. Тут же в Африке, включая Южную часть Аравии и Мадагаскар, живет молотоголов.

Наибольшая плотность всех этих трех семейств голенастых приходится на тропическую и субтропическую зоны. Холодов и севера они избегают. Сфера их жизни – это всегда переходная пограничная область между землей и водой. Там, где мелководье, где образуются болота и болотца, где-встречаются земной и водный элементы, туда ступает нога аиста и проникает его клюв. Они, если так можно выразиться, опустились этажом ниже, чем утки – ведь те достигли только границы воды и воздуха.

Но туда, где встречаются друг с другом земля и вода, проникают лишь клюв и ноги голенастых; все остальное их тело вне этого слоя и связано только с воздухом. А при строительстве гнезда они и вовсе оставляют эту сферу, поднимаются вверх на кроны деревьев, чтобы там дожидаться и воспитать птенцов. Несмотря на то что они спускаются глубоко вниз, они все же остаются верны высям и избегают сродняться с землей. От нее они берут пищу, но саму ее оставляют там, где она есть; они ступают по ней ногами, но полностью не вступают никогда.

Аисты – единственное семейство из всего отряда, которое делает хотя бы попытку приблизиться к земле, пожелав – в лице белых аистов – встречи с человеком. Они гнездятся на крышах домов и хлевов, каждый год возвращаясь на старое место. Кроме того, они строят гнезда далеко на севере, как будто бы они хотели заселить места, куда никогда не проникали другие голенастые. Во всем облике белых аистов есть нечто, что привлекает к ним симпатию людей. Дети любят их и ждут, что они принесут им маленького братика или сестренку. Еще и сейчас они поют:



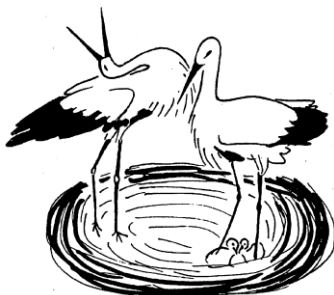
---

<sup>65</sup> Брем, «Жизнь животных».

*Aист, аист милый Братца принеси мне  
Aист, чудо-птица, Принеси сестрицу.  
Storch, Storch, guter, Bring mir einen Bruder,  
Storch, Storch, bester, Bring mir eine Schwester.*

А взрослые смеются над этим суеверием или осуждают, как бессмыслицу.

Может, высокомерие интеллекта виновато в том, что аист постепенно перестает посещать гнездовья в средней и северной Европе и все чаще покидает их? Мы хорошо знаем, что он не приносит наших детей, но что же многие столетия сообщало нам этот внутренний образ? Сиверт описывает переживание, которое могло бы навести нас на след ответа: «В одном городке в Померании аисты появились как раз тогда, когда в школе кончились занятия. Дети высыпали на улицу, и один карапуз, увидев огромных птиц, тут же закричал о своем открытии. Все глаза устремились вверх, и при виде белых аистов на фоне сияющего неба все засмеялись. Но радовались не только дети: взрослые выглядывали из тесных улочек и забывали, что еще позавчера падал снег, а воздух еще по-зимнему холодный. И хотя теперь люди, увидев аистов, не преклоняют колени в благоговении перед посланцами весны, как это было две тысячи лет назад, радость все же осталась и до сего дня; ведь эти странники, как и в старые времена, вместе с солнцем и южным теплом приносят весну, а долгая зима с ее страхами забывается».



Это описание помогает понять цель и задачу аистов. Сиверт совершенно прав, полагая, что на севере Европы они были посланцами весны. А две-три тысячи лет назад люди потому преклоняли колена при виде аистов, что они знали: вместе с ними к Земле приближаются души еще не рожденных младенцев, и начинается время свадеб. Рудольф Штайнер часто указывал нам на то, что у германских народов вплоть до первого тысячелетия до Р. Х. рождения регулировались таким образом, что преимущественно они приходились на Рождество<sup>66</sup>.

Белый аист, появлявшийся весной в северных странах, был герольдом еще не родившихся, посланцем к будущим матерям. Его щелканье как бы подгоняло время свадеб, и когда сегодня – в Страстную Пятницу – молодежь с трещетками идет по деревенским улицам, то это напоми-

<sup>66</sup> Рудольф Штайнер «Weihnachten in schicksalsschwerer Zeit», доклад от 21. 12. 1916 г, в GA 173.

нает нам о тех, уже прошедших временах.

Аисты строят гнезда на домах людей, тем самым напоминая: нерожденные души ожидают того, чтобы перенестись из небесных садов на Землю. Эта мифологическая истина последние столетия подкрашивалась и искажалась интеллектом, пока не возник глупый и смешной образ аиста, приносящего в клюве младенца. Но за этим скрывается истинное благовещение, которое некогда аист, как посланец весны, приносил жителю севера. Раньше – это наблюдается иногда и сегодня – белый аист сопровождался своим темным братом. Но черный лесной аист избегает людей. Он строит гнезда на самых высоких и выделяющихся деревьях в глубине леса. Там он воспитывает потомство, а осенью, как и белый брат, возвращается обратно в Африку.

Теперь странствия аиста хорошо изучены. Они движутся с севера на юг, огибая Средиземное море по двум основным направлениям. Восточный путь проходит над Бессарабией вдоль Черного моря Малой Азии. Дальше он продолжается над Сирией и Северной Аравией, через Красное Море к Судану, а оттуда через Восточную Африку и Родезию к различным провинциям Южной Африки. Западный путь ведет через юг Франции и Испании в Марокко и Алжир и дальше, видимо, через Сахару в Кению и Уганду.

Другие аисты не совершают таких длинных путешествий, охватывающих половину земного шара. Сибил суданцев и мощный седлоклюв, живущий на Белом и Голубом Ниле, не путешествуют. Также и зобастые аисты, как, например, марабу, остаются там, где живут, может быть, лишь немного пролетая в зависимости от времени года. Эта группа птиц, с голой шеей и большим зобом, питается в основном падалью. Как и грифы, которые тоже имеют голую шею, они ищут умершую или приконченную другими дичь. В Южной и Средней Африке живет аист-разиня и клювач. В Индии – индийский клювач.

Все эти живущие в Африке, Индии и Южной Америке аисты имеют довольно страшный вид. По сравнению с ними белый аист как бы дитя, еще не тронутое мраком и бедами Земли, но сохранившее изначально чистоту. Он больше похож на исходную форму групповой души аистов. Другие слишком сильно связались с земной грязью. Наиболее глубоко, по-видимому, погрузился род марабу. Поэтому они могут довольствоваться падалью, за что и названы гиенами среди аистов. Аист-разиня и клювач (уже имена говорят многое об их характере) оказались во власти тяжести и алчности клюва.

На их фоне отчетливо выделяется домашний аист. Каждый год он покидает богатую пищей землю Африки и отправляется на Север, чтобы принести людям свою весть.

Но с тех пор как человеческий род вступил на путь к свободе и дети

стали рождаться во все времена года, миссия белых аистов закончилась. С начала этого столетия он на глазах исчезает из Средней и Северной Европы. Он начал селиться в Южной Африке, и многие отдельные семьи аистов уже замечены там за строительством гнезд. Станет ли эта земля его родиной? Совсем ли он забудет Европу? Или, может быть, дело в том, что он сопровождает белых колонистов? Кто знает?.. Судьба групповой души столь же многообразна, как и судьба человеческой индивидуальности. Лишь иногда нам приоткрывается ее действительная задача.

## О душевном образе лебедей и аистов

Среди сказок братьев Гримм можно найти сказку о шести лебедях. Там рассказывается о короле, заблудившемся на охоте в глухом лесу, где он набрел на избушку, в которой его ждала прекрасная девушка. Но ее мать была ведьма, и она заставила короля взять в жены свою дочь; только тогда ему покажут выход из леса. Так и случилось: король взял прекрасную дочь в жены, а своих детей от первого брака – шестерых мальчиков и одну девочку – скрыл в уединенном замке, путь к замку ему показывал волшебный клубок, и с его помощью он мог навещать своих детей. Но злая женщина обманом завладела чудесной нитью и заколдовала шестерых мальчиков, встретившихся на пути к замку, превратив их в шесть лебедей. Девочка же, оставшись дома, избежала злых чар.

Это первая часть сказки, состоящей из двух переплетенных друг с другом историй. Первая история повествует о короле, человеке, запутавшемся в земном мире – глухом лесу – и тут принужденном обручиться с прекрасной видимостью, с дочерью первородного греха. Святые отпрыски первого, свободного от греха брака были сохранены в недоступном замке. Не был ли тот замок на крайнем севере, достижимый лишь с помощью волшебной нити, мифической землей Гипербореев? Правда, и туда смогли проникнуть чары и превратить детей в лебедей, но уничтожить их они не смогли. Шесть заколдованных братьев – это душевные силы, которые, хотя и скрыто, но все равно существуют и однажды должны быть снова освобождены. На этих душевных силах – на лебедях – каждый год с севера в Дельфы приходит Аполлон, чтобы принести людям силы обновления, внутренние солнечные силы.

Это те же силы, которые приобретают посвященные третьей ступени (третьего градуса), назы-





ваемые поэтому «лебедями». В одном неопубликованном докладе от 3. 12. 1905 г. Рудольф Штайнер говорил об этом: «Третья ступень посвящения – это ступень Лебедя. Лебедь – это тот, кто продвинулся так далеко, что все вещи говорят к нему, также тот, кто

имеет сознание на высших уровнях... Нужно подняться к высшим мирам, чтобы найти «Я», имя другого существа. Тут вещи высказывают свои имена... Лебедями были те, кто не желал больше носить свое имя, но кому открывал его имя весь мир». Это указание помогает понять вторую часть сказки. Ведь сестра шести лебедей поклялась шесть лет оставаться безмолвной, то есть за каждого брата по году молчания. За это время из «звездных цветов» она должна была сшить шесть сорочек. Девочка решает выполнить эту задачу. Она идет в лес, усаживается на высокое дерево и принимается за работу. Тут в лес приходит другой король со своими охотниками. Они находят девушку, и хотя она сопротивляется, они снимают ее с дерева; король усаживает ее на своего коня и делает своей женой. Но девушка остается безмолвной, несмотря на то что злая мать короля постоянно жалуется и клеветает на нее и похищает у нее новорожденных детей. Она остается верной своим лебедям. Наконец, когда она уже стоит на костре, приговоренная к сожжению, истекают шесть лет. Прилетают шесть лебедей, она бросает им шесть сорочек, и братья снова соединяются с сестрой. Теперь она может говорить и убедить супруга в своей невиновности. Судьба лебедей тем самым исполнилась.

Обет молчания присутствует и в сказании о Лознгрине. Там рассказывается о сыне Парсифаля, который, ведомый лебедем, пришел в землю Брант, чтобы учредить там мир. Он один из тех, кто принял на себя обет молчания, хотя у него это относилось лишь к умолчанию собственного имени.

Таким образом, в сказке о шести лебедях рассказаны две истории: одна о превращении, а другая об освобождении шестерых братьев. Превращение происходит из-за жены первого короля, освобождение – благодаря супруге второго. Но ведь она также дочь первого короля и сестра шести лебедей. Первая часть сказки – история дохристианского человека, здесь скрыто представлено сказание об Аполлоне. Вторая часть происходит уже в христианское время и на сказочном языке сообщает историю Лознгрини. В обеих таинственную роль играет лебедь. Существует указание Рудольфа Штайнера, в котором объясняется истинная подоплека средневековых орденов Лебедя. Там говорится, что в первые столетия христианского летоисчисления граница между живущими и



умершими была еще не столь непроницаема, какой она стала позже: «Мертвые оставались с живущими, и в особенности выдающиеся почитаемые личности первое время после смерти – то есть в первое время, когда они рождались для духовного мира – проходили своего рода послушание для достижения святости. И... некоторое количество людей – которые были живыми умершими – становилось, если они были особо избранными, стражами святого Грааля... Да, стражи святого Грааля – это не настоящие люди». И дальше поясняется, что здесь, на Земле, люди становились представителями этих стражей, и такие представители были объединены в различные ордена Лебеда. «Ордену Лебеда посвящали себя те, кто хотел, чтобы здесь, в физическом мире, через них могли действовать рыцари Грааля. И такого человека, через которого рыцари Грааля действовали в физическом мире, называли Лебедем»<sup>67</sup>.



Так образ лебеда возникает в связи с действием избранных умерших. В лебеде принимало форму, воплощалось «отошедшее», потустороннее. Его существо указывает поэтому на прошедшее, которое исчезло для земного человека. Душа ощущает, что в земном теле она превратилась в гуся и утку, а лебединое в ней исчезло, и ее задача – найти и освободить это. Она, душа, отождествляет себя с сестрой шести лебедей, и может по ее примеру найти силу, выстоять в земном мучении и в нужде, пока не явятся потерянные братья-лебеди. Так Лознгрин приехал к Эльзе Бранбургской и служил в армии императора Генриха I во время битвы с венграми. С тех пор многие рыцари Лебеда появлялись в годы нужды и печали как благие/ посланцы. А душа после этого может и дальше шить «сорочку из звездных цветов», чтобы в конце испытания масло в светильниках оказалось готово к небесной свадьбе.

В дохристианское время существовавшие некогда душевные силы были заколдованы. Они стали шестью лебедями и могли быть расколдованы только на третьей ступени древнего посвящения. А в христианское время людям, даже без внутреннего ученичества, удавалось сделаться носителями достигших высот умерших, и через это они становились посланцами ордена Лебеда.

В средневековом эпосе о Лознгрине есть место, очень ясно рассказывающее об этой христианской силе лебеда. Когда он несет своего господина в челне над морем, тот просит его о еде; лебедь опускает голову в волны.

Так, как будто он думал поймать рыб. Смотри, то была маленькая

---

<sup>67</sup> Рудольф Штайнер «Тайна Троицы» (Das Geheimnis der Trinitat. GA 214), доклады 23-30 июня 1922, 4-й доклад.

гостия Вынесена из потока к кустам, Однако рыцарь увидел ее сухой, и чистую Ее лебедь клювом передал герою. Тот взял ее с радостной поспешностью И съел половину, а другую дал лебедю; Ни князь, ни птица никогда так не ели: После этой трапезы лебедь начинает есть; и Лоэн-грину становится ясно: «Это поистине ангел чистый, плывущий по этой волне со мною».

Другой образ являет нам аист. Его почитаемый брат, ибис, был священным у древних египтян. Они так чтити его, что бальзамировали тела умерших ибисов и погребали их в особенных гробницах. Убийство ибиса, даже совершенное нечаянно, каралось смертью; убийцу линчевали или побивали камнями.



Дважды великий Тот, которого греки называли Гермесом Трисмегистом, часто изображался с головой ибиса. Его иероглифом был схематизированный ибис. На голове Тот-ибис нес лунную чашу, в которой парил солнечный диск. Тот был инициатором египетской культуры. Он был богом слова и письма и часто изображался с грифелем в руке.

Тем же, чем для египтян ибис, для северных народов был аист. Он был достаточно мудрым, чтобы известить их о приближении еще нерожденных душ, которые готовы к земной инкарнации. Хотя его одеяние было таким же белым, как у лебедя, он нес душе совсем иной образ. Ему были свойственны не силы сердца, но силы мудрости. Не вечно юным, как лебедь, но старым и мудрым, как повивальная бабка, являлся он душе.

Лебедь связан с умершим, аист – с нерожденным, еще непришедшим. Ибис и Тот были родственны Луне, лебедь – царству Солнца. Так с севера, из солнечных сфер Гипербореи прилетали лебеди Аполлона.

А аисты ежегодно прилетают из южных лунных сфер Лемурийской зоны на север Европы. Мудрость и смирение уравнивались в этих перелетах. Поднимающиеся в солнечное царство души умерших оказывались в стране, пронизанной духом лебедей. Вновь спускающиеся к Земле из лунной сферы души были родственны аистам.

Жертвенная сила лебедя помогла ему принять Землю; он стал водковой птицей. Рассудительность аиста удержала его от слишком сильного соединения с Землей. Он остался гнездарем.

Так обе птицы являются душе в своей противоположности и одновременно во взаимодействии. Они как живые образы-воспоминания прошедшей эпохи человечества. Некогда они были едины с человеческой душой. Они несли в себе стремление к Земле.

Однако земные субстанции были тяжелы и непроницаемы, лишь немногие человеческие души смогли овладеть своими телами, преобразо-

вав их. Тогда выступили птицы, и самое твердое, роговое кристаллизовалось на их эфирных крыльях, преобразовало их в земные органы и дало им возможность кружить над Землей. Несмотря на это, они остались соединенными с Солнцем, а через это с душевным человека.

По-разному складывалась с тех пор их судьба, разные выпали им задачи. Некоторые затерялись, другие стали певцами и свистунами, многие примкнули к человеку, как курица или голубь. А аист и лебедь остались связанными с высшей частью человеческой души. Они указывают ей на ее судьбу: родиться и умереть; быть мудрой, но в сердце нести смирение, чтобы когда-нибудь, возможно, стать рыцарем Лебедя. Тогда и аист будет освобожден.

## Голубь – священная птица



Всюду, где в человеческих поселениях остается свободное пространство, на улицах и площадях, во дворах и садах, живут домашние голуби. Они летают, прогуливаются и воркуют. На площади Сан-Марко в Венеции и вокруг колонны Нельсона на Трафальгарской площади в Лондоне, в Тюильри в Париже и на Ратушной площади в Вене. Но и каждая порядочная крестьянская усадьба имеет свою голубятню, ее можно найти и на ярмарке в маленьком городке, и на площади каждой деревни.

Так происходит не только в Европе, но и в Азии, Африке и Америке, всюду, где живут люди, где они обосновались надолго. Существует бесконечное многообразие пород домашних голубей, и они являются спутниками человека, по-видимому, уже многие тысячелетия. Их существование глубоко укоренилось в мифотворчестве, его можно проследить вплоть до истоков человеческого развития. В Ветхом Завете голубь появляется в связи с окончанием Всемирного Потопа; когда из воды показались первые вершины гор, и отлетел и прилетел ворон, выпустил Ной голубя; но он возвратился назад, ибо «... не нашел места покоя для ног своих...». И только спустя семь дней, когда вновь был послан голубь, он «возвратился к нему в вечернее время; и вот, свежий масличный лист во рту у него». Несмотря на это, Ной помедлил еще семь дней и в третий раз выпустил голубя, который уже не возвратился к нему. «И открыл Ной кровлю ковчега, и посмотрел, и вот, обсохла поверхность земли».

Позже голубь появляется в Песне Песней и в Псалмах. «О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные». И дальше в песне Соломона: «Голубица моя в ущелье скалы под кровом утеса! покажи мне лицо твое; дай мне услышать голос твой, потому что голос твой сладок и лицо твое приятно». Здесь голубица явлена как проникновенный символ той мировой души, которая как познающее понимание начинает сочетаться с бодрствующим «Я» человека. «Но единственная – она, голубица моя, чистая моя; единственная она у матери своей, отличенная у родительницы своей». За этими словами можно почувствовать божественную Натуру.

А в Псалмах можно прочесть: «... кто дал бы мне крылья, как у голубя? Я улетел бы и успокоился бы» (54. 7); или «Когда оно лежит между

плетней, то блестит как крыло голубя, мерцающее как серебро и золото». Здесь подъем души вверх; души, вылетающей из земной нужды и печали.

Голубь снова появляется у пророков. У Исайи можно прочесть: «Как журавль, как ласточка издавал я звуки, тосковал как голубь, уныло смотрели глаза мои к небу: Господи! тесно мне; спаси меня.» (38. 14) А Иеремия говорит: «Оставьте города и живите на скалах, жители Моавы, и будьте как голуби, которые делают гнезда во входе в пещеру.» (48. 28). Здесь голубь появляется как беглец, который возвращается из городов на скалы побережья, откуда он некогда прилетел к человеческим селениям.



В религиях Ближнего Востока голубь был священной птицей. Он был особенно связан с вавилонской богиней Иштар, голубей приносили ей в жертву. Голуби были также посвящены культу богини Астарты. Голуби везли колесницу Афродиты, и благодаря голубю Венера Анадиомена вышла из яйца. В святилище Зевса в Додоне, в Северной Греции, голуби жили на священных дубах и, как оракулы, сообщали ответы на вопросы верующих.

В финикийском языке для голубя и священника используется одно и то же слово; в еврейском слово «голубь» такое же, как «священник» в арабском. И когда Геродот рассказывает, что однажды финикийцы прислали в Додону жрицу из Фив, то он мог иметь в виду как жрицу, так и голубицу, ведь слово было одно и то же.

Подобным же образом жрицы Эфеса назывались пчелами, и пчелы почитались священными.

Кроме того, известно, что в празднества, посвященные Адонису, в честь бога сжигали голубей, и что Эней был приведен голубями к Золотой Ветви.

Из всех этих указаний можно увидеть, что род домашних голубей сопровождал человечество в его странствиях, что они почитались священными у людей из-за их жертвенного предназначения и были принадлежностью не только человеческих жилищ, но и храмов и святилищ мистерий.

Все домашние голуби произошли от одного-единственного вида, сизых голубей, *Columbia livia*. Он отличается от всех остальных видов своим образом жизни; ведь все дикие в действительность, подобная той, что описана для голубинового рода. Дикие лесные голуби – «туранцы», а «сизые» голуби, ставшие затем домашними – «иранцы». Если мы вспомним при этом о том, как в конце потопа Ной послал трех голубей, то перед нами образно встанет начало странствия человека на Восток; разделение на северную и южную группы представлено в разделении



двух основных групп голубей. Да, вполне можно предполагать, что лесные голуби сопровождали туранское, а сизые – иранское человечество в продвижении с Востока на Запад. При этом сизые голуби были приручены, стали домашними и поселились у осевших иранцев как в «светских», так и в «священных» местах. Так род голубей глубоко связан с человеческим существованием.

Оседлость иранцев пробудила в сопровождающих и живущих с ними домашних голубях особую черту: способность за сотни миль находить свое привычное место жительства. Многие птицы обладают такой способностью, но лишь тогда, когда они совершают свои долгие ежегодные перелеты. А голубь после небольшой выучки может совершать их в любое время. Уже в древности это привело к созданию голубиной почты, известной еще у египтян. При вступлении на престол Рамзеса III весть об этом была принесена голубями во все части Египта. Осажденные города использовали голубей-почтальонов для поддержания связи с внешним миром вплоть до начала нашего столетия, пока беспроводный телеграф не оттеснил эти полеты в область предания. Но еще во время осады Парижа в войне 1870/71 гг. тысячи новостей вносились и выносились из города голубями.

Эта передача вестей благодаря особому чувству родины, так глубоко укоренившемуся в голубях, что они находят обратный путь на огромном расстоянии, через ночь и совершенно неизвестные им края – очень примечательное свойство. С этим связана и их миролюбивая сущность, их кротость и часто упоминаемая семейственность. Из-за недостаточно определенных наблюдений трудно сказать, действительно ли голубиная пара из года в год неразрывно связана друг с другом.

Но одно несомненно: среди всех птиц голуби обладают одной способностью, присущей только им. Они выкармливают птенцов похожим на молоко соком, вырабатываемым их телом; приблизительно также, как большинство млекопитающих, и прежде всего человек, голуби выкармливают новорожденных сначала собственной субстанцией, молоком. Только у голубей эту субстанцию образует не одна мать, а оба родителя – голубь, как и голубица, также вырабатывает этот молочный сок. Никакая другая птица не получила этой способности.

Некоторые птицы также обладают тем органом, так называемым зобом, где образуется голубиное молоко, но только одни голуби могут его вырабатывать. Зоб – это значительное расширение пищевода, примерно там, где шея соединяется с грудью. У других птиц, а также и у голубей, он используется для того, чтобы собирать съеденную пищу или уже

начинать ее слегка переваривать. У голубей в середине периода высиживания зоб начинает набухать и увеличиваться. Постепенно слой слизистой оболочки зоба становится таким толстым, что она начинает отслаиваться, и во внутреннем пространстве зоба эта клеточная масса постепенно растворяется и становится чем-то вроде беловатой кашицы; ей-то и кормят птенцов. Это «молоко» богато жирами и углеводами, и почти три недели оно служит единственной пищей голубятам; лишь после этого они будут в состоянии питаться семенами.

Легко можно возразить, что здесь речь идет не о настоящем молоке, а просто народный язык назвал так эту субстанцию. Но против этого говорит один очень важный факт. Молоко млекопитающих и человека, образующееся в грудных железах, очень явно связано с неким гормоном, вырабатываемым в мозговом придатке гипофизе. Этот гормон, пролактин, обладает свойством очень сильно возбуждать образование молока; так что его приток делает молочные железы способными к выработке молока. Но это же вещество может воздействовать голуби живут в лесах, на деревьях, и их область обитания простирается по всей Земле, где она покрыта лесными участками. На севере за полярным кругом, там, где расстилается тундра, голубей нет. Их нет и в горах выше границы лесов. За исключением этого, вся земля – их дом. Известно более пятисот разновидностей.

Одни только сизые голуби не нуждаются в лесе. Они живут на скалах и утесах, в разрушенных зданиях, так, как о них говорит пророк. В Европе их можно встретить на некоторых островах Британии. Так, они особенно многочисленны в графстве Донегал в Ирландии, населяют все западное побережье Шотландии, Гебриды, Оркнейские, Шетландские и Фарерские острова и маленький скалистый островок Ренезё недалеко от города Ставангера в Норвегии.

Они живут на всех скалах и утесах Средиземного моря; в Греции, Италии и Испании, Франции и Северной Африке, населяют Палестину и Сирию, Малую Азию и Персию, достигая Индийских Гималаев. Если взглянуть на области их распространения, то обнаружится, что сизый голубь как бы придерживается путей странствий человека. От Индии через Персию к Малой Азии и дальше вдоль Средиземноморского побережья – всюду можно найти эту птицу. Так же в смене тысячелетий двигались с Востока на Запад и послеатлантические культуры. А сизые голуби, встречающиеся тут – очень часто бывшие домашние голуби, вернувшиеся из человеческих поселений к более свободной жизни. У Брема можно прочесть: «В Египте я видел их на скалистых стенах, около порогов у речных стремнин. В Индии они принадлежат к самым обычным и наиболее часто встречающимся пти-



цам, птенцов высидывают в углублениях и нишах на скалах, насколько это возможно, около воды. Здесь, как и в Египте, они живут в полудиком состоянии и населяют все старые тихие здания, городские стены, пагоды, скальные храмы и подобные сооружения».

Из этого описания становится очевидным, что границы между сизым и домашними голубями подвижны, и что прирученные птицы могут легко переходить в дикое или полу-дикое состояние. Во всяком случае, все голуби делятся не на диких и домашних, а на живущих в лесах и на скалах и на переселившихся к людям.

Рудольф Штайнер часто указывал на то, что после погружения Атлантиды двигавшееся на Восток человечество, разделившись, двумя большими потоками пересекло Европу и Азию. Позже, во времена древнеперсидской цивилизации, из этого возникли два различных, населяющих весьма обширные области народных образования: иранцы на юге, туранцы на севере. «Так возникла великая и важная полярность, относящаяся, может быть, к важнейшему в послеатлантическом развитии: полярность между более северными народами и иранцами. У иранцев развивалось страстное стремление включиться в происходящее вокруг них, осесть на одном месте, трудом завоевать то, что положено людям как людям и как человечеству, то есть посредством духовных сил человека действительно преобразовать природу. Тогда это было величайшее стремление человека. И, непосредственно гранича с ними, на север двигался тот народ, который вглядывался в духовный мир, который, так сказать, был «на ты» с духовными сущностями, но который не очень-то охотно работал, не стремился осесть на одном месте и не интересовался тем, чтобы развивать культурную работу в физическом мире»<sup>68</sup>. Здесь перед нами полярность, подобная той, что описана для голубинового рода. Дикие лесные голуби – «туранцы», а «сизые» голуби, ставшие затем домашними – «иранцы». Если мы вспомним при этом о том, как в конце потопа Ной послал трех голубей, то перед нами образно встанет начало странствия человека на Восток; разделение на северную и южную группы представлено в разделении двух основных групп голубей. Да, вполне можно предполагать, что лесные голуби сопровождали туранское, а сизые – иранское человечество в продвижении с Востока на Запад. При этом сизые голуби были приручены, стали домашними и поселились у осевших иранцев как в «светских», так и в «священных» местах. Так род голубей глубоко связан с человеческим существованием.

Оседлость иранцев пробудила в сопровождающих и живущих с ними домашних голубях особую черту: способность за сотни миль находить свое привычное место жительства. Многие птицы обладают такой спо-

---

<sup>68</sup> Рудольф Штайнер, «Евангелие от Матфея», GA 123, 1-й доклад.



собностью, но лишь тогда, когда они совершают свои долгие ежегодные перелеты. А голубь после небольшой выучки может совершать их в любое время. Уже в древности это привело к созданию голубиной почты, известной еще у египтян. При вступлении на престол Рамзеса III весть об этом была принесена голубями во все части Египта. Осажденные города использовали голубей-почтальонов для поддержания связи с внешним миром вплоть до начала нашего столетия, пока беспроволочный телеграф не оттеснил эти полеты в область предания. Но ещё во время осады Парижа в войне 1870/71 гг. тысячи новостей вносились и выносились из города голубями.

Эта передача вестей благодаря особому чувству родины, так глубоко укоренившемуся в голубях, что они находят обратный путь на огромном расстоянии, через ночь и совершенно неизвестные им края – очень примечательное свойство. С этим связана и их миролюбивая сущность, их кротость и часто упоминаемая семейственность. Из-за недостаточно определенных наблюдений трудно сказать, действительно ли голубиная пара из года в год неразрывно связана друг с другом.

Но одно несомненно: среди всех птиц голуби обладают одной способностью, присущей только им. Они выкармливают птенцов похожим на молоко соком, вырабатываемым их телом; приблизительно также, как большинство млекопитающих, и прежде всего человек, голуби выкармливают новорожденных сначала собственной субстанцией, молоком. Только у голубей эту субстанцию образует не одна мать, а оба родителя – голубь, как и голубица, также вырабатывает этот молочный сок. Никакая другая птица не получила этой способности.

Некоторые птицы также обладают тем органом, так называемым зобом, где образуется голубиное молоко, но только одни голуби могут его вырабатывать. Зоб – это значительное расширение пищевода, примерно там, где шея соединяется с грудью. У других птиц, а также и у голубей, он используется для того, чтобы собирать съеденную пищу или уже начинать ее слегка переваривать. У голубей в середине периода высиживания зоб начинает набухать и увеличиваться. Постепенно слой слизистой оболочки зоба становится таким толстым, что она начинает отслаиваться, и во внутреннем пространстве зоба эта клеточная масса постепенно растворяется и становится чем-то вроде беловатой кашицы; ей-то и кормят птенцов. Это «молоко» богато жирами и углеводами, и почти три недели оно служит единственной пищей голубятам; лишь после этого они будут в состоянии питаться семенами.

Легко можно возразить, что здесь речь идет не о настоящем молоке, а просто народный язык назвал так эту субстанцию. Но против этого говорит один очень важный факт. Молоко млекопитающих и человека, образующееся в грудных железах, очень явно связано с неким гормо-

ном, вырабатываемым в мозговом придатке гипофизе. Этот гормон, пролактин, обладает свойством очень сильно возбуждать образование молока; так что его приток делает молочные железы способными к выработке молока. Но это же вещество может воздействовать отлетать и на голубиный зоб, побуждая его к образованию голубиного молока, и это происходит столь правильно и определенно, что это обстоятельство используется сейчас для количественного анализа на пролактин; образование голубиного молока под влиянием пролактина стало органическим тестом.

Поэтому не может быть никакого сомнения в том, что голубиное молоко не только по названию, но и по сути является субстанцией, подобной молоку млекопитающих, это действительно «молоко». И можно предположить, что тесные семейные узы голубей, жизнь на одном месте, их миролюбие связаны с этим образованием молока. Здесь молодой голубь принимает чисто родовую пищу, которая гораздо сильнее привязывает его к гнезду и семье, чем это бывает у других птиц.

Несколько недель птенцы получают немного родительской телесности, и благодаря этому образуется очень глубокая кровная связь со всем родом. Это молоко – как бы живая нить, которая внутреннейшим образом скрепляет в смене поколений существо рода. Поэтому-то так легко могут переходить друг в друга домашние и сизые голуби.

В древности голубей называли «гостями богов». Места для гнезд чаще всего они выбирали на храмах и около святилищ мистерий. Всюду в Азии, Европе и Северной Африке, где находились храмы, их непременно окружали голуби. Серо-голубые и отливающие зеленым сизые голуби превратились постепенно в белых храмовых голубей, которые использовались для жертвоприношений в различных культах. Об этом говорится и в Новом Завете.

Таким образом, голуби стали не только спутниками человека, но и почувствовали тягу к священнодействиям, которые могли устраивать люди. Они гнездились в священных рощах и населяли храмы мистерий.

Голуби служили посланниками и переносили на большие расстояния вести, которые хотели сообщить друг другу люди; но они считались способными на это, поскольку воспринимались не только как гости, но и как «послания богов». И поскольку они несли вести от богов к людям, люди взяли их и для того, чтобы передавать вести друг другу.

Однажды Рудольф Штайнер, рассказывая о задачах всего птичьего рода, указал на то, что космическим призванием птиц является одухотворение земной материи. «Когда однажды Земля подойдет к концу своего существования,



можно будет сказать: эта земная материя одухотворена, и птичий род присутствовал среди всего земного хозяйства, чтобы возвратить одухотворенную земную материю в страну духа»<sup>69</sup>.

Если это является общим делом птиц, то отдельные роды имеют отдельные задачи в плане перенесения специальных форм земной материи в царство духа. Не может ли случиться так, что у голубей здесь своя особая миссия? Они – спутники людских селений, и тем самым соучаствуют в наших зданиях и постройках. То есть они связаны с преобразованной человеком земной субстанцией. Ибо дерево, камни, глина и весь остальной используемый при строительстве материал изменен благодаря практической деятельности.

Все эти строения пронизаны человеческим словом; внутри и вокруг домов и храмов, гробниц и дворцов звучит и соединяется с камнем человеческая речь. И голуби становятся теми посланниками, которые постепенно освобождают человеческое слово, бесконечно многообразными способами заключенное в материю, и снова приобщают его к духовной субстанции Вселенной.

Все, что произнесли люди, чему они позволили выйти из своих уст, добро и зло в одеянии слова будет снова возвращено Вселенной благодаря деятельности голубей. Посланничество это только земное отражение истинной космической миссии голубей. Они – носители слова, и подготавливаются к этому с детства. Молоко, которое дают им отец и мать, включает их в эту совершающуюся работу. Ведь голубиный зоб расположен на том же месте, где и человеческая гортань; только в гортани образуется слово, а в зобу молоко.

Молоко млекопитающих имеет совершенно определенную задачу; оно делает новорожденного способным правильно образовать костную субстанцию; ибо молоко – это не только общее питание, оно совершенно особо подготавливает к тому, чтобы овеществить скелет. Благодаря тому, что ребенок сосет молоко, он становится гражданином Земли; благодаря молоку минеральная основа его костей укрепляется и становится опорой его бытия.

Молоко нужно голубям для того, чтобы скрепить их миссию в царстве человеческого слова. Но скелет и речь внутренне связаны друг с другом; ведь только человеческий род, чей скелет стал отражением всего мира, может говорить. Его голова круглая, как небо над ним, облик ребер подобен пути солнца и других планет, его ноги, как колонны, пронизаны земными силами. Это совершенство строения делает возможным образование гортани, которая может стать колыбелью звучащего слова.

---

<sup>69</sup> Доклад от 27. 10. 23.

Молоко человека, возникающее в грудных железах, дает субстанцию, на которой образуются кости, являющиеся отражением всего мира. Это материя, подчинившаяся космическим силам и служащая им. Только благодаря этому может прозвучать в человеке слово.

Голубиное молоко, образующееся в области гортани, где у птиц зоб, способствует освобождению произнесенного слова, связанного с измененной человеческими руками материей. Голубь освобождает слово человека из гробницы материи.

Человек и голубь становятся спутниками, которые вместе идут по Земле, чтобы стать служителями Слова. Поэтому и являются голуби «гостями богов». И поэтому в некоторых языках одним и тем же словом называются священник и голубь. Поэтому послал Ной из ковчега голубя, чтобы узнать, «окостенела» ли уже Земля, может ли ступить на нее нога человека. Поэтому, как поет о голубице Песнь Песней, «единственная она у матери своей, отличенная у родительницы своей».

Голубь появился над головой Иисуса из Назарета, когда Иоанн крестил его в Иордане. Об этом Рудольф Штайнер говорит следующее: «В то время как при физическом воплощении духовное сходит из высших миров и соединяется с физическим, над головой Иисуса из Назарета в виде белого голубя появляется то, что в этом случае было пожертвовано для принятия Христова Духа. Появляется духовное в тот момент, когда оно отделилось от физического. И немного истины в словах, будто бы эта картина просто аллегория или символ. Это реальный ясновидческий духовный факт, действительно имевший место на астральном плане. Как физическое рождение – это вхождение духовного, так это рождение было жертвой, отдачей. Тем самым стало возможным, чтобы Дух, который «парил над водами» в начале нашего земного развития, соединился с трехчленной оболочкой Иисуса из Назарета и настолько пронизал ее, что она могла властвовать над телом вплоть до костной системы»<sup>70</sup>.

Голубь появляется здесь как результат жертвы, благодаря которой Логос, «Дух, паривший над водами», смог войти в человеческое тело. Также и здесь голубь становится помощником «Слова». Логос пронизывает тело «вплоть до костной системы», вплоть до земной субстанции, которая подготовлена молоком. У священного места человеческого развития, при крещении в Иордане, открывается истинная сущность голубиной групповой души. Благодаря жертве она подготовила место, которое должно было занять само мировое Слово. До той поры она была гостем и посланцем Богов; но теперь она отказалась от своего места, чтобы на него вступил сам Логос. Может быть, с тех времен, как люди

---

<sup>70</sup> Рудольф Штайнер, «Евангелие от Иоанна по отношению к трем другим Евангелиям», GA 112, 10-й доклад.

строили Вавилонскую башню и их древний язык разделился, голуби готовились к тому, чтобы вернуть расколотое и распавшееся человеческое Слово туда, откуда оно однажды пришло. Затем сам Логос пришел в земной мир и благодаря этому была исполнена задача голубей; их священничество свершилось, и их миссия была осуществлена.

Сегодня голуби стали чем-то обычным. Храмы мистерий разрушены, и они живут на площадях и ярмарках как символ того, что слово извращено и обесценено. Как и некогда, они еще собирают слова, храня их и снова возвращая в духовный мир. Теперь они стали посланниками людей. Мы называем их голубями<sup>71</sup>. Этимология не соотносит это слово с близким по написанию «taub» – глухой, застывший, бесплодный, но объясняет его как подражание голубиному крику. Но как бы то ни было, голуби сегодня – что-то вроде юродивых, ведь их истинная природа и сущность не могут быть больше узнаны.

Но в будущем их свет засияет вновь и будет светить там, где жертва и преданное служение значат больше, чем господствующий блеск. Слово, которое говорит Судия: «Я был наг и вы одели меня», – сказано голубиному времени. Они вернули свой долг, службу Слову, Тому, Кто как Логос вошел в Свои владения; голуби приняли Его.

---

<sup>71</sup> нем. Taube

# Воробьи земли

## О жизни воробьев

У них много имен, ведь всюду, где бы ни жили и. ни селились люди – везде дом воробья. Его называют домовым, дворовым, дымовым воробьем, воришкой, а также домашним и навозным зябликом. В этих именах звучит как симпатия, так и легкое пренебрежение, с каким смотрят на него люди. Немногие действительно дружелюбны к нему. Его воспринимают, как нечто привычное: еще думать о каких-то воробьях!? Они так многочисленны, знакомы и привычны, что их едва замечают, И все же они – наши спутники, и селятся там, где обосновались мы, люди.

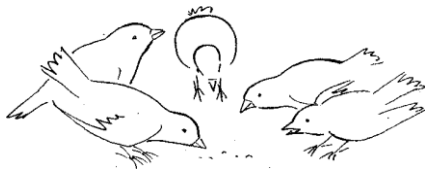
Нет ни одного деревенского дома, ни села, ни ярмарочной площади или пригородной улицы, которые не имели бы своих воробьев. И чем больше людей живет в одном месте, тем громче там возится воробьиная мелюзга. Они «дома» в центре больших городов, на асфальтовых улицах, в сквериках, садах и маленьких парках.

Это одна из характернейших и примечательных черт их жизни: там, где толкаются люди, где играют дети, грохочут повозки и обнимаются влюбленные, где жизнь и смерть постоянно протягивают друг другу руки – там же щебечут и воробьи.

Они небольшого росточка и неприметной расцветки. Оперенье серое, почти пепельное. Вокруг глаз и клюва оно немножко темнее, от глаз по обеим сторонам головы к затылку идут буроватые полосы. Крылья сверху коричневые и темные, внизу почти черно-коричневые. Ничего желтого и красного, ничего голубого, только несколько белых пятен украшают маленькую птичку. Она действительно «обыкновенная», без особых примет.

Но если узнаешь ее поближе и сдружишься с ее обликом, привычками и особенностями, с ее привязанностями и поступками, тогда она становится милой, очень дружелюбной и привлекательной. Ибо воробей знает жизнь и требует от нее не больше, чем ему позволяют обстоятельства. Своим гнездом он владеет один – здесь никто не может идти ему

наперекор. Но он не имеет ничего против, если другой воробей строит рядом свой домик. Муж и жена верны друг другу и живут вместе – если доживают – часто долгие годы; ведь они



остаются у гнезда, которое сами себе устроили или нашли. Гнездо – это родина, уверенность и собственность.

Так же сильно, как и собственное гнездо, они любят прогулки и путешествия в обществе других воробьев. Редко увидишь одного воробья. Где бы они ни были, они всегда появляются стайкой. Они так похожи друг на друга, что трудно их различить. И их игры, реакция, движения также почти одинаковы. Они охотно спорят, болтают друг с другом, прыгают, валяются в песке и уличной пыли, скачут по лестницам и неожиданно взлетают назад к гнезду, чтобы тут же снова встретиться со своими братьями и сестрами.

Столь же обыденно, подстать расцветке, проходит и вся их птичья жизнь. Они не совершают никаких «больших скачков». Они умеют чирикать и немножко щебетать, но петь им не дано. Их пение не поднимается над обычной повседневностью. Домовые воробьи не совершают никаких больших странствий. Осенью они остаются у своих гнезд; беспокойство и лихорадка перелета им чужды. В начале августа или чуть позже они отправляются – всегда вдвоем – на каникулы; не очень далеко от дома, но все же на несколько недель «за город». Чаще всего на зреющие поблизости хлебные поля, лежащие не слишком далеко от города, в котором они живут... Летним домиком им становится живая изгородь, окружающая иоле – там они играют, едят, купаются и снят. На несколько дней пара возвращается к гнезду – посмотреть, все ли в порядке, но скоро снова появляется на поле.

Если гостей слишком много, то крестьянину стоит немало труда собрать весь урожай, ведь летний аппетит нешуточный, и воробей способен есть не отрываясь... Если же зерна уродилось мало, то поедаются жуки, саранча, гусеницы и червяки. Но мясную пищу любят только самые молодые воробьи, взрослые же предпочитают зерно и семена.

Когда приходит осень, все снова прилетают в город. Гнездо уже ждет, оно заново выложено и утеплено к зиме. Редко в это время бывают свадьбы и высиживание яиц. Только в совсем теплые осенние недели случается еще одна «весна любви». Но птенцы при этом почти никогда не появляются. Воробьи, если ничего не случается, могут жить долго. Их средняя продолжительность жизни от семи до восьми лет, некоторые доживают до одиннадцати-двенадцати<sup>72</sup>. Но гнездо переживает воробья. Он строит его не только для себя, но и для следующих поколений; не только для своих собственных детей, но и для других самок и самцов, находящихся друг друга, когда один из супругов умирает. Это вечная кадрили жизни, в которой поколения соприкасаются и протягивают друг

---

<sup>72</sup> Эти и многие другие сведения я позаимствовал из книги D. Summers-Smith: *The Hoesie Sparrow*, London 1963.

другу руки. Но центр – это гнездо, земной дом воробья. Эти птицы, поселившиеся в жизненном пространстве людей и нашедшие себе нечто на Земле, годы и даже десятилетия живут в сменяющемся единстве, центр которого – это гнезда, вокруг которых все вертится.

## **О гнезде и жизненном пространстве воробьев**

У Бахеларда можно прочесть: «Когда мы рассматриваем гнездо, мы находимся у истоков доверия к миру, мы встречаем исходную точку доверия, мы чувствуем, что столкнулись с призывом к космическому доверию. Разве стала бы птица строить гнездо, если бы она не имела инстинктивного доверия к миру? Когда мы слышим этот призыв, когда из хрупкого приюта, который предлагает нам гнездо..., мы создаем абсолютную защищенность, тогда мы возвращаемся к истокам мечты о Доме (Доме, о котором мечтают и которого страстно желают все люди). Наш дом, в его скрытом облике – это гнездо. Мы живем внутри него с врожденным доверием, если действительно имеем в наших гнездах надежность древнейшего жилища. Чтобы пережить это доверие,... для этого не к чему перечислять материальные основания»<sup>73</sup>.

Ибо дело едва ли в них. То, о чем идет речь – у человека ли, у птицы – основывается на этом «космическом доверии», которое все снова и снова берется создавать гнездо, жилище, дом, где ищут и находят защиту. Чувство безопасности, самозащищенности – одно из самых глубоких желаний человека на Земле. Его же разделяют и многие птицы.

Но это не влечение – как полагают иные психолога – которое хочет заставить нас вернуться в теплую сокровенность материнского тепла, оберегающего нас перед рождением. Это было бы не доверие, а страх. Он тоже есть; но он не строит ни гнезд, ни домов, а постоянно спасается в бегстве. Он ищет нору, укрытие, убежище. Строящий гнездо не имеет страха, он исполнен доверия. Он не стремится назад в прошедшее, но вперед, в будущее своей земной судьбы.

Птица не ищет убежища. Она строит гнездо – с доверием к будущим поколениям, которые дальше понесут то, что она им протягивает.

Гнездо птицы едва ли можно сравнивать с ямами и норами, дающими приют другим животным. Ибо птица строит свое гнездо; она формирует и обставляет его. Материалом служат перья, сучки, трава, ветки, камешки, глина, солома. Есть птицы, которые ткут свои гнезда, другие скрепляют их слюной, которая на воздухе становится подобной цементу.

---

<sup>73</sup> Guston Bachelard: *Poetik des Raumes (Liteiatur als Kunst. Eine Schriftenreihe*, изд. K. May и W. Hoüeier. München 1960.)



На деревьях и кустах, в глине и песке, на траве и скалах строятся птичьи гнезда. Они всегда отданы земному царству. Ведь только в гнезде птица касается земного бытия. Для нее это поддержка, опора, основание, на котором зиждется ее существование. Без гнезда она улетела бы в воздушные дали. Но дом привязывает ее к Земле; это плацента, благодаря которой она продолжает жить в земной сфере. Способность строить гнездо – это одновременно и пуповина, соединяющая птицу с Землей.

Для других животных гнездо – это убежище и укрытие от негостеприимности жизни. За немногими исключениями (некоторые рыбы, бобры и т.д.) гнездо не строят, а находят. Оно может быть вырыто, выкопано. Но это в некотором роде вычитание, ибо нечто устраняется. Птица же строит гнездо в творческом избытке доверия. Она не в бегстве, она на пути.

Воробьи дали имя – (или те сами его себе взяли?) – самому большому отряду птичьего мира. Их около 5000 видов. «Воробьиные распространены по всей земле и населяют леса, поля, болота, тундру, высокогорье, степи, пустыни, тростниковые заросли и открытые, окруженные деревьями участки... По происхождению они древесные или кустарниковые птицы, и по большей части остались таковыми, однако есть несколько семейств, которые совершенно приспособились к жизни на земле, как, например, жаворонки или каменки. Некоторые виды... почти не способны летать»<sup>74</sup>.

И у Брема находим о них: «Они дети Земли. Всюду, где появляются растения, простирается сфера их обитания. В лесах они встречаются чаще, чем на безлесных участках... Многие виды живут почти исключительно на земле, а большинству это по крайней мере не чуждо. Близости человека избегают лишь очень немногие; многие, напротив, оказываются в гостях у повелителя Земли, доверчиво посещая его дом и усадьбу, фруктовые сады и цветники».

Таким образом, этот многообразный и всеохватывающий отряд являет собой «земную» птицу. Ни выси орла, ни морские просторы пингвина, ни реки утки, ни моря альбатросов и чаек не являются их средой, их стихией. Они принадлежат земле, деревьям и кустам, домам и хижинам, садам и полям человека.

Вороны, галки и сороки, зяблики и снегири, жаворонки и синицы, камышовки и пеночки, дрозды, корольки, соловьи, ласточки и славки – вот представители этого отряда. Все они близкие нам, людям, птицы.

Но особый вид среди них образуют воробьи – может быть, глубже всего находящиеся во власти Земли и человека. Ибо ни одна из птиц не подходит столь близко к человеку, как они. Так и хочется сказать, что

---

<sup>74</sup> Wolfgang Makatsch: Die Vögel der Erde. Berlin 1954.

подобно другим домашним животным они отчуждаются от природы, чтобы прилепиться к царству человека. Но это не совсем корректно описывало бы их жизнь. Ведь воробей остается верным себе; он не отказывается от своего облика, как собака, которая может подражать всем возможным и невозможным формам. Он не теряет себя в какой-нибудь специализации, как куры и коровы, производящие яйца и молоко. Воробей – не домашнее животное, и все же он живет так близко от людей, как мало кто еще. Прежде всего он заселяет жилища человека. Гильдия архитекторов должна была бы поместить его на гербе.

Так его естественным окружением стали улицы и площади, дворы и полисадники. Воробьи строят гнезда там, где селятся люди. Их можно найти у конька крыши, под водосточной трубой, с подветренной стороны дымоходов по краям слуховых окон. Но гнезда сооружаются также и на ветвях деревьев и кустов, если они близко от домов.

Когда в середине прошлого столетия воробьи попали в Америку, было сделано следующее наблюдение: «Сначала они появились в самых больших, затем в маленьких городах, потом в деревнях и поселках и, наконец, у отдельных ферм. А если их привозили в места, еще не очень густо населенные ими, на ферму около большого поселка, то они не оставались там, а улетали в поселок».

Да, они действительно ищут близости человеческих жилищ. Они там, где собирается всякая пыль и мусор. Из соломы и бумаги, сена и пуха, шерсти и волос, веток и травинки строят они свои гнезда. Это не особенно искусное жилище; снаружи оно часто выглядит растрепанным и беспорядочным. Но внутри оно гладкое, сухое и теплое. Над ним всегда сделана крыша, так что получается настоящая хижина. Крыша отсутствует только тогда, когда используется дупло или скворечник.

Материал для строительства собирается всюду. Прежде всего на обозрение гнезда идет лыко с веток. Один исследователь рассказывал, как воробьи нападали на голубей, чтобы выпить у них перья для своего гнезда. Что же удивляться, что одно из их имен – «вор» и «разбойник».

Некогда построенное гнездо обживается и защищается многие десятилетия, исключая время каникул. Никакой другой воробей не может к нему приблизиться; самки отгоняют самок, а самцы самцов. Вряд ли какое-то семейство рискнет приблизиться к другому – это строго соблюдаемое табу.

Спаривание, откладывание яиц и высиживание птенцов происходит весной и летом. Примерно на Пасху самка каждое утро целую неделю откладывает по яйцу. Кладка составляет, в зависимости от возраста родителей и погоды, от двух до восьми яиц.

Среднее время высиживания двенадцать дней, но наблюдались как

более длинные, так и более короткие периоды. Как и у всех воробьиных, вылупившиеся воробьята – голые и совершенно беспомощные гнездачи. Родители должны их греть и кормить. Но процесс взросления проходит быстро, и меньше чем через три недели они вырастают в маленьких воробьев, оставляют гнездо и начинают сами о себе заботиться. После этого родители больше не думают о них; они запрещают им даже влезать в старое гнездо.



А там, у родителей, наступают заботы уже о новом поколении. Так каждая воробьиная пара приносит потомство по меньшей мере дважды в год, а некоторые даже трижды или четырежды, так что быстрое увеличение воробьиного племени легко объяснить.

Пока птенцы еще маленькие, родители с трогательной самоотверженностью заботятся о еде, тепле и воспитании. Каждое нападение на малышей они отражают вплоть до самопожертвования. Есть много наблюдений, подтверждающих это.

Но как только птенцы начнут летать, родители не хотят о них больше знать. На очереди следующее поколение, и все внимание отдается ему. Так одной парой за весну воспитывается от десяти до двадцати птенцов.

Только после того, как около Иоаннова дня выкормлено третье или даже четвертое поколение, родители отправляются на летний отдых. Они исполнили свою работу и могут теперь насладиться жизнью и ее радостями. Так же поступают и другие родители, а молодой начинает шнырять между старшими и требовать для себя собственного жизненного пространства. Скоро они принимаются искать себе гнезда, устраивать их к зиме и обзаводиться спутником. И ближайшей весной начинают растить птенцов.

Как быстро все это происходит! Только что было яйцо, и вот уже птенец, он начинает летать, оставляет родителей и становится самостоятельным. И скоро сам будет откладывать яйца, высиживать, выкармливать птенцов, а остаток года играть и болтать. И тем не менее все определено и упорядочено, и происходит так, как сказано в Евангелии: «Не покупают ли двух воробьев на один грош? И между тем ни один не падает на землю без (ведома) Отца вашего».

## **Воробьи и человек**

Поразителен завоевательный поход воробьев по Земле, предпринятый ими в последние сто лет. Еще в середине прошлого столетия они были неизвестны в Северной Америке. Приблизительно в конце шестидесятых годов они попали в различные города восточного побережья

(НьюЙорк, Бостон, Филадельфию и Балтимор) и за несколько десятилетий распространились почти по всему континенту. В конце столетия они достигли Сан-Франциско. Уже в 1889 г. Барроу писал: «Удивительная скорость умножения численности воробьев, ни с чем не сравнимая скорость их распространения и постоянно растущая площадь районов их обитания с 1875 г. до сегодняшнего дня не имеют аналогов в истории орнитологии»<sup>75</sup>. Да, с востока на запад Америки воробыный народ прошел победным маршем.

На рубеже столетия подобным же образом воробьями была завоевана и Южная Америка – особенно Аргентина, Чили, Перу и Боливия. Приблизительно в то же время воробьями всех видов были заселены прибрежные районы Австралии и Новой Зеландии. Так что сегодня с полным правом можно сказать, что все континенты и, за малым исключением, все страны и регионы густо населены домовыми воробьями и их родственниками.

Умение приспосабливаться у воробьев удивительное. Они, и отличие от многих других птиц, не связаны с определенными климатическими и элементарными условиями окружающего мира. С тем же успехом они могут держаться как субарктических областей, так и районов тропиков и сухих пустынь. Холод они переносят так же, как и жару, и кажется, будто они независимы от внешних обстоятельств.

В Кируне в северной Швеции они чувствуют себя так же хорошо, как и в Куябе, столице провинции Мату-Гросу в Центральной Бразилии. Но они живут и гнездятся и в сухом Адене, и в тропической Бирме.

Определенно существует интимная связь между воробьями и человеческими поселениями. Уже при расселении в Америке можно было наблюдать, что они продвигаются – вместе с людьми – вдоль возникающих железнодорожных линий, от одного поселка к другому. Они всегда предпочитали те селения, где были не одинокие дома, а целые улицы и площади.

Даже если свободным и подходящим для строительства гнезда оказывался нежилой дом, они предпочитали не использовать представившуюся возможность, «ибо домовый воробей селится в нежилых домах только в том случае, когда они расположены вблизи от жилых».



Во время второй мировой войны воробьи прошли с восьмой английской армией через североафриканские пустыни и жили на лагерных стоянках. Из Нортумберленда в Англии в 1956 году пришло сообщение, что целая колония воробьев поселилась глубоко под землей, в одной из та-

---

<sup>75</sup> Цитируется по книге Summers-Smith.

мошних угольных шахт, и подкармливается угольщиками.

Но было бы не вполне оправданно предполагать, что эта внутренняя связь, существующая между воробьями и людьми, является безусловной; она вовсе не обязательна. Ибо воробьев можно обнаружить и на необитаемых островах вокруг Новой Зеландии, и в безлюдных высокогорьях Северной Индии.

Несмотря на эти исключения – хотелось бы сказать, именно поэтому – связь этой птицы с человеческим родом столь удивительна и совершенно особого рода. Что привязывает воробья к людям? Сам ли человек, или что-то другое, что с ним связано?

По отношению к человеку воробьи всегда остаются настороженными и пугливыми. Очень редко бывает, чтобы они стали доверчивыми и ручными, и едва ли действительно удавалось успешно держать и разводить их в неволе. Они откладывают тогда лишь небольшое число яиц и выкармливают птенцов без всякой радости.

Они могут быть дерзкими и смело проникать в кухни и жилые комнаты, чтобы достать подходящую еду. Они подлетают к обеденному столу, но останавливаются только на секунду, улетаая так же быстро, как и появились. Они живут при нас, но ни в коем случае не с нами.

Точнее, они держатся как бы в тени нашей деятельности. Там, где мы, люди, строили и действовали, где простирается область наших дел и стоят построенные нами дома. Где движутся и стучат машины – в вокзальных залах и на фабриках, на улицах и в жилых домах – там охотно живут воробьи. Они находят соответствующий себе мир в отходах от наших дел, там, где превращенный нами материал начинает снова распадаться – в пыли и копоти, дыме и песке.

Так не могло быть всегда. Ибо лишь последние сто лет произошла эта индустриализация человеческой жизни. Где были воробьи раньше? Их история и развитие едва ли ясны. Некоторые считают, что они шаг за шагом проникали в Европу из Азии, другие, напротив, полагают, что их родину нужно искать в Африке, и что они пробрались вдоль Нила на север. Различные виды воробьев (каменные воробьи, полевые воробьи, итальянские и испанские воробьи), смешиваясь в различных частях Земли, набросили густой покров на свою историю.

Но одно ясно точно: постепенное распространение воробьев в предыдущие тысячелетия происходило вдоль путей земледельческих народов. Там, где оставался и селился человек, чтобы возделывать поле, там его сопровождал и был рядом с ним воробей. Он был его спутником, хотя никогда не подходил слишком близко.

Может быть, мы можем – с некоторой осторожностью – нарисовать себе следующую картину становления воробьиного рода на Земле: сначала они путешествовали с земледельцами, двигаясь за дарами хлебного

зерна. Затем они последовали за человеком в города и поселки. И наконец – с прошлого столетия – они сделали с ним следующий шаг и проникли в технический мир, который человек создал как окружение своей жизни.

Если верно приведенное выше сообщение из Нортумберленда, этот путь становится очень ясным. Домовые воробьи, сопровождая человека, нырнули в глубины земного вещества. Но, несмотря на это, они остались независимым от человека родом, не потерявшим свою радостную естественность, стремление к веселью и игре, болтливость и безграничное доверие к миру.

Внеся свою птичью жизнь в глубины Земли, они, тем не менее, остались верны себе.

## Рождественское посланничество воробьев

Когда-то воробьи были, как и все, лесными птицами. Они строили гнезда на кустах и деревьях, жили в свободном мире лугов и степей, в горах и на равнинах, где текли ручьи и речки. Тогда они, может быть, еще могли петь, их голоса – как у жаворонков и зябликов, синиц и скворцов – звенели над всей Землей. Это было тогда, когда они еще отправлялись в дальние путешествия, осенью улетаая на юг, а весной снова возвращаясь на север.

Еще и сегодня воробьиный молодежь питается прежде всего насекомыми, и лишь немного зерном. Старшие же совсем оставили мясную пищу, предпочитая ей зернышки. Это ясно указывает на то, что произошло постепенное изменение вкусов. Тогда, когда воробьи были еще гордым и свободным родом, они ели то, что предлагала им природа: жуков и пауков, саранчу, гусениц и другую мелкую живность.

Но шаг за шагом они отказывались от дикой свободы. Пение превратилось в чириканье, щебетание и болтливость. Большие путешествия кончились, поскольку люди стали расселяться по Земле. Люди взялись за плуг, распахали землю и засеяли ее превращенными в зерно семенами трав. Тогда прилетели разные дикие воробьи, взглянули на дело человеческих рук и почувствовали, что оно доброе и правильное.

Увиденное они рассказывают высоким воробьиным духам, а те относят это еще выше. Так узнали ангелы, что случилось на Земле. Небесные водители подняли эту весть еще выше и ее восприняли хоры Иерархий: «Человек обрабатывает земную почву, – так это звучало. – Он сеет, собирает урожай и готовит себе хлеб».



Чудесная песня раздавалась на небесах.

Чуть позже к высоким духам воробьев возвратился призыв, чтобы их создания сопровождали людей в их работе. «Оставьте яркий наряд, откажитесь от пения и поселитесь у сынов человеческих. Пусть вашей пищей будет зерно, вашими гнездами – крыши людских жилищ». Приблизительно такой была эта весть.

Воробьи на Земле услышали поручение, их сердце застучало сильнее оттого, что они поняли всю строгость известия. «О, как это необходимо», – щебетали одни. – «Какая радость», – пищали другие. «Да, мы хотим справиться и исполнить это».

С тех пор-то и бьется воробьиное сердце в десять раз быстрее человеческого; 800 раз в минуту, 48000 в час, больше миллиона в день. Да и дыхание у них быстрое: двести вдохов в минуту, когда они прыгают и летают, или когда снаружи очень жарко. Их собственная температура тоже много выше, чем у человека, даже если у него жар. Такие вот они, эти маленькие птички – неприметные, но горячие, их сердечко стучит так быстро, что мы, люди, не способны различить отдельные удары или сосчитать их. Для нас это как легкое, боязливо/г трепетание.

А для воробьев это радость, ведь они приняли поручение высоких воробьиных духов, которые слышали его от небесного хора. Но скрытой в словах была тайная весть, которую не смогли понять ни воробьи, ни высокие воробьиные духи. Она звучит приблизительно так: «Когда люди из зерна станут молоть муку – когда они из муки, воды, закваски и соли станут печь хлеб и есть его – когда земля изменится под тяжестью растущих колосьев – тогда должен родиться Младенец, который понесет Подателя Света. Ему должны служить твои создания, птицы».

И хотя весть богов не была понята, она была услышана. И высокие воробьиные духи принесли эти слова к Земле и запечатлели их в сердцах, клювах и крыльях своих созданий. С тех пор воробьи летят туда, куда стремятся люди: в земную тьму и в царство распадающейся материи и субстанции, в пыль и тлен.

А вместе с ними идет нежный, едва уловимый луч света; только дети в Рождественский Вечер иногда могут его увидеть. Воробьи стали нищими, их платье серо, как бедность, и коричневое, как простой земной хлеб. Но в этом платье скромности живет безоблачность маленькой радости и блаженство доверия.

«Что может причинить нам тьма?» – так бьется воробьиное сердце. «Весть исполнилась, родился Младенец, и Свет пронзил земную тьму. Он достиг самых глубин, вплоть до пыли и праха, и мы, – так щебечут воробьи, – чувствуем его сияние».

Рождественскими посланниками являются воробьи. Они сопровождают человека и тем не менее остаются ему чужими. Но однажды, когда

и в его сердце воссияет Рождественский Свет, они станут ручными. Тогда настанет время, что они усядутся ему на плечи и будут склевывать крошки с его рук. А некоторые, держа крошки в клювах, приблизятся прямо к лицу человека и будут вкладывать в уста детей крошки радости. Это будет радостной вестью для сонма ангелов на небесах.



# Дельфины – дети моря

## I

В последние годы повсеместно пробудился интерес к причудливой жизни дельфинов. О них пишут в газетах и журналах, целый ряд книг посвящен описанию дельфинов и их особенностей.

Всеобщая любознательность пробудилась прежде всего из-за того, что ряд американских исследователей – «Марине-ланд-институт» в Майами, а также «Сент-Томас» на Виргинских островах и другие – занялись глубоким изучением одного из видов дельфинов, *Tursiops truncatus*. По их мнению, у этих чрезвычайно умных животных можно до некоторой степени развить понимание человеческой речи.



Эти исследования, особенно проводимые Джоном Лилли и его сотрудниками, щедро поддерживаются государством, поскольку благодаря им надеются найти основания для будущего понимания тех существ, которые, возможно, встретятся в будущих экспедициях на другие планеты.

Это странное смешение утопичных надежд и научных устремлений все вновь подогревается особым очарованием, исходящим от этих животных. Тот, кто видел и наблюдал дельфинов, с трудом может избежать их чар. Они наполняют сердце ощущением удовлетворения и радости жизни.

Например, с некоторых пор в Опонони, небольшом местечке на северном острове Новой Зеландии, появился дельфин и завел дружбу с живущими там рыбаками и детьми. Скоро тысячи туристов стали приезжать, чтобы взглянуть на игры этого дружелюбного животного.

«Некоторые иностранцы были так взволнованы, увидев Опо (так его звали), что они прямо в одежде бросались в море, только чтобы коснуться его... А вечером, когда дельфин уплывал, или когда холод не позволял находиться в воде, все говорили о нем. В своих палатках люди обменивались переживаниями, вспоминая это чудо, и все это очень тихо, шепотом, когда дети уже спали. Они навещали друг друга, и незнакомые люди становились друзьями – все из-за дельфина. Возникла волна очень теплого чувства, так что могло показаться, будто толпа состоит из

людей, исполненных чувством взаимного прощения и благодарности...»<sup>76</sup>

Подобные же истории известны из древности. Геродот, Плиний, Плутарх и многие другие греческие писатели рассказывают о примечательных встречах и переживаниях, связанных с дельфинами: об их дружбе с детьми и юношами; об их готовности помочь и даже пожертвовать собою, когда надо спасти тонущих<sup>77</sup>.

Вся мифология греков и римлян пронизана историями про дельфинов. Они изображены на монетах, кубках, чашах, глиняных плитах и мозаиках. Ни до, ни после античности они не жили так отчетливо в сознании людей<sup>78</sup>.

В «Естественной истории животных» Аристотель много пишет о дельфинах; в 35-й главе девятой книги говорится:

«Что касается морских животных, то особенно много примеров рассказывают о добродушии и кротости дельфинов. Так, в Таренто и на побережье Карий дельфины снискали особую любовь и симпатию юношей-подростков. Когда однажды у Карий поймали и ранили одного дельфина, на его крик в гавань пришла целая стая и оставалась до тех пор, пока рыбак не отпустил животное; затем все сразу удалились. Маленького дельфина всегда сопровождает в качестве стража старший. Однажды видели вместе целую стаю больших и маленьких дельфинов. Сзади, невдалеке от них, появились еще два, спинами поддерживающие на поверхности воды молодого мертвого дельфина».

Похожие наблюдения были сделаны и подробно описаны в последние десятилетия (Alpers, Slijper и другие). Из них можно видеть, что у этих животных не только особое отношение к человеку, но они также живут в тесно взаимосвязанных стаях и взаимно друг другу помогают. Видимо, характерной чертой их существа является готовность помочь другому: поведение, чрезвычайно редко встречающееся у животных и поэтому заслуживающее особенного внимания. Кто же такие дельфины и откуда они происходят?

---

<sup>76</sup> Antony Alpers: Delphini (dtv-Taschenbuch).

<sup>77</sup> Только в прошлом году четыре японских рыбака, оказавшиеся после крушения в тридцати милях от ближайшего берега, были спасены дельфинами. Они принесли на спине по два человека к спасительной суше. Эта история потому заслуживает доверия, что была рассказана самими рыбаками. (Журнал «Das Tier», Nr. 1, 1964)

<sup>78</sup> См. Melitta Rabinovitch: Der Delphin in Sage und Mythos der Griechen (Dornach-Basel 1947) и Hildegard Urner Der Delphin als religionsund kunstgeschichtliches, Motiv (Neue Zürcher Zeitung 3. 10. 1959)

## II

Все они – дельфины или афалины – относятся к большой группе млекопитающих, населяющих моря и некоторые реки Земли, и образующих отряд китов (Cetacea). Различают два подотряда: зубатые китообразные (Odontoceti) и усатые киты (Mysticeti). Первые, на что указывает уже их имя, обладают развитой челюстью. Усатые же киты все беззубы; в пасти у них огромная «цедилка», на которой задерживаются маленькие животные, служащие китам пищей.

Усатые киты вообще самые большие животные из ныне живущих, например, синий кит и финвал, которых преследуют и добывают в морях Арктики и Антарктики. Это таинственные существа, поведение и образ жизни которых почти не изучены. Об их странствиях, погружениях и выныриваниях известно очень немного. Уже не одну сотню лет человек охотится на них, но их тайна все еще не раскрыта. История Моби Дика рассказывает о попытках снять эти чары, которыми по-прежнему окутаны киты.

Зубатые киты совсем другие. И среди них есть гиганты, как кашалот и белуха, оба считаются желанной добычей, ведь они зачастую не меньше взрослых усатых китов. Но у них у всех есть зубы; правда, у кашалота только на нижней челюсти. Есть к тому же необычная группа – нарвал или морской единорог – у которого один огромный зуб в верхней челюсти, выпирающий вперед на два или три метра подобно витому копыю.

Многие зубатые киты являются яростными хищниками, рвущими и убивающими все живое, что бы им ни встретилось. Ужасна касатка, чей спинной плавник высится вверх, как огромный кинжал. В прошлом столетии датский исследователь Eschricht нашел в одном добытом экземпляре этого семейства еще свежие тела 13 дельфинов и 14 тюленей. 15-й тюлень находился в пасти этого гиганта, им он и подавился<sup>79</sup>.

Маленький дельфин, морская свинья, живет в основном в северных районах Атлантического океана и иногда поднимается в большие реки – в Рейн, Эльбу и Темзу. Для зубатых китов, по-видимому, не составляет труда перейти из соленой в пресную воду. Косаток тоже часто встречают в реках и охотятся там на них. Собственно дельфины населяют в основном моря северного полушария, но их встречают и у побережья Австралии и Новой Зеландии; там живут афалины (бутылконосы), над которыми проводят исследования в Аме-



<sup>79</sup> E. T. Slijper: Riesen des Meeres. Göttingen, 1962.

рике.

Этот краткий и, конечно же, полный пробелов обзор все же дает первое представление обо всем отряде. По-видимому, вполне оправдано – на уровне современных исследований – представление, что жизнь усатых китов проходит в основном в арктических и антарктических областях. А чем ближе мы подходим к экватору, тем чаще встречаем зубатых китов. Речные дельфины, рыло которых вытянуто подобно клюву, живут в основном в экваториальных районах в Ганге и Брахмапутре, а их родственники в Амазонке и Ориноко.

Только зубатые киты живут в реках, и как раз в умеренных и экваториальных областях. Наоборот, усатые киты населяют моря вокруг северного и южного полярного круга. Исторически более древние усатые киты живут ближе к полярным зонам, появившиеся позже зубатые киты сдвинулись ближе к экватору. Жизненные сферы обоих подотрядов сильно пересекаются; но, несмотря на это, общая схема расселения, кажется, ясна.

### III

Обеим группам присущ один основной признак: они совершенно отделились жизни в воде. Тюлени (*Pinnipedia*) по крайней мере выходят из моря на сушу и снова возвращаются в воду. Рождение и воспитание потомства происходит на твердой земле; малыши должны еще научиться плавать и охотиться в воде. Киты, напротив, всецело предназначены для жизни в воде. Ни на мгновение они не выходят на сушу. Только когда море выбрасывает их на берег и из-за отлива или раны они не могут уже вернуться в море, только тогда киты вступают в соприкосновение с землей, но при этом она становится их могилой.

Итак, они куда больше, чем тюлени, являются водными обитателями; будучи млекопитающими, они тем не менее окончательно оставили сушу. Пастбищами для них стали моря и реки Земли. Их тела еще сильнее приспособлены к жизни в воде, чем тела тюленей. Например, у них нет задних ног. Существование в прошлом задних конечностей показывают сохранившиеся рудиментарные остатки костей таза. Руки тоже уменьшены и превратились в два парных плавника, которые служат для управления, а не для движения вперед. У большинства зубатых китов развились мощные спинные плавники, отсутствующие у тюленей. Таким образом, они проявляют множество признаков, которые роднят их с рыбами. Глубокое различие проявляется только в строении хвостового плавника; он используется животными как пропеллер, но расположен не вертикально – как у настоящих рыб – а горизонтально, немного уда-

лен от тела и более свободен; это позволяет совершать быстрые и сильные движения вверх-вниз. Силой таких толчков осуществляется продвижение вперед. Дельфины легко достигают скорости 20 узлов.

Эти животные очень искусны в движении. Они не только стремительные пловцы, способные соревноваться с любым океанским пароходом, но и прекрасные прыгуны и ныряльщики, часто перепрыгивающие через маленькие яхты, как бы подшучивая над сидящими там людьми. Они могут выскочить из воды на несколько метров и столь же легко и грациозно снова нырнуть. Их быстрые игры многообразны и гораздо изящнее, чем у неповоротливых тюленей.

Играя, они могут удерживать на носу мячики, бросать обручи и подхватывать различные предметы. В «Marine-Station» в Майами можно наблюдать дельфинов, играющих с пухом морских птиц; они позволяют ветру отогнать пух, затем догоняют его и снова хватают. Они умеют возить людей верхом по воде и тем самым доказывают быстроту, а также устойчивость и уравновешенность своей моторики. Этого не может ни одна рыба. Все дельфины живут в стаях; их крайне редко можно встретить в одиночестве; даже присоединяясь к человеку, они часто плывут в компании со вторым дельфином. Уже упоминалось, что они помогают друг другу, когда один из них ранен или попал в беду.

Альперс описывает случай, как несколько лет назад семь дельфинов выбросились на побережье небольшого острова на севере Новой Зеландии. Это были большие животные от двух до трех метров, и отдыхающие – друзья Альперса, которые и рассказали ему эту историю – всеми силами старались столкнуть их назад в море. Но вся эта энергичная деятельность разбивалась о чувство группового единства: как только один из семи оказывался в воде, он всячески старался вернуться к выброшенным товарищам. Никто не хотел оставить друзей в беде. После нескольких часов трудов и усилий удалось спасти двух дельфинов; остальные умерли на берегу. Чувство стадной общности не позволило им сохранить собственную жизнь, когда другие погибали.

Такое поведение встречается, кроме этого, у птиц и млекопитающих в период, когда у них появляются детеныши. Тогда матери жертвуют собой, чтобы сохранить жизнь потомству. Но распространение подобного отношения на каждого в стае – это в своем роде единственный случай.

На уже упоминавшейся «Marine-Station» наблюдали такой случай: «Дельфин, помещенный в океанариум, так сильно ударился носом о стенку бассейна, что без сознания пошел ко дну. Подплыли два других дельфина, вытолкнули его на поверхность и держали наверху, пока он

не начал дышать»<sup>80</sup>.

Существует множество подобных наблюдений. И дельфиних-матери держат новорожденного у поверхности воды, пока он не сделает первый вдох. Ведь рождение, как и спаривание, происходит в воде.

Таким образом, мы имеем здесь дело с млекопитающими, которые полностью отделились жизни в воде, но которые постоянно должны подниматься к поверхности, чтобы добыть себе необходимый для дыхания воздух. Все киты, неважно, усатые или чубатые, могут жить в воде только тогда, когда у них есть постоянная возможность менять воздух для дыхания. Это происходит с совершенно различными интервалами и в самых разных условиях. Уже говорилось, что почти все дельфины ныривают через 4-5 минут, чтобы выпустить использованный воздух и вдохнуть свежий. Тогда они быстро выдыхают и вдыхают, каждый раз обменивая пять-десять литров воздуха.

Из этого описания очевидно, что орган, принимающий и отдающий воздух, должен быть жизненным центром китов и дельфинов. Его средоточием является дыхало, расположенное у дельфина на самом верху головы – маленькое отверстие, которое может открываться и закрываться. Мускулы этого сложного аппарата работают таким образом, что открытие активно, а закрытие пассивно. Это отверстие подобно воздушному зрачку, оно активно открывается над поверхностью воды, а при погружении пассивно сжимается.

Этот расположенный на голове центр не следует отождествлять с макушкой человека, поскольку лишь за дыхательным отверстием начинается костная капсула черепа, в которой покоится мозг. Мы могли бы сравнить это место только с областью основания носа. На самом деле у дельфина вообще нет внешне проявляющегося носа, в области дыхательного отверстия сохранился только остаток внутреннего носового пространства. То, что кажется носом – это наполненная маслом и жиром верхняя челюсть. Приведенный на стр. 188 схематический рисунок дает приблизительную картину существующих морфологических соотношений.

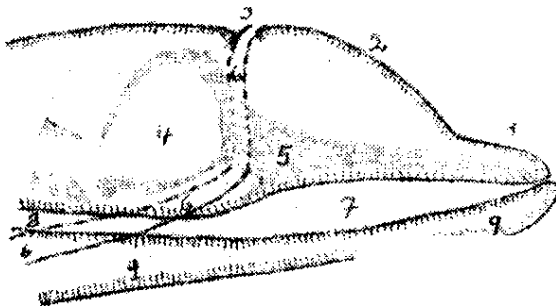
Из этого рисунка видно, что от дыхательного отверстия вниз перпендикулярно верхней губе отходит трубка, воздушный канал, и впадает в сложно устроенную гортань. Отсюда воспринятый воздух проникает через короткую воздушную трубку в сильно разветвленные бронхи легких. Запирающий аппарат воздушного отверстия, дыхала, и примыкающего к этому воздушного канала – это система клапанов и колец, расположенных в различных местах; они могут открываться и закрываться

---

<sup>80</sup> John C. Lilly: Man and Dolphin (London 1962).

как вместе, так и независимо друг от друга<sup>81</sup>.

Прямо под дыхалом воздушный канал расширяется на две больших и две маленьких пазухи, расположенных парами. Эти воздушные пазухи (мешки), расположенные вокруг канала и опутанные густой сетью мускулов служат дельфину для образования звуков. Звукообразование может происходить как в воде, так и на воздухе. И гортань регулирует не только воздушный поток, но, видимо, способна производить под водой звуки. Ныне твердо установлено, что дельфины объясняются друг с другом различными звуками. Это глухой треск, переходящий в хрюканье и свист, и дальше в неслышные для нас тона, ультразвук. Последние появляются, когда существует опасность и дельфин зовет собратьев на помощь. (Те семь выброшенных на берег дельфинов, о которых мы уже рассказывали, объяснялись друг с другом с помощью этих высокочастотных колебаний).



Продольное сечение средней плоскости головы дельфина (*Tursiops trunc.*) – Воспроизведено из упомянутой книги L. C. Lully.

1. Верхняя часть рта
2. Верхняя челюсть
3. Дыхательное отверстие
4. Черепная коробка
5. Верхняя челюсть (скелет черепа)
6. Воздушный канал
7. Пасть
8. Пищевой канал
9. Нижняя губа и нижняя челюсть

Кроме этого, дельфины производят еще один вид ультразвуковых колебаний, действующих по принципу эхолота.

Плотные предметы – отдельные рыбы, косяки, корабли и скалы –

---

<sup>81</sup> Эти и последующие указания взяты из упомянутых трудов Слайера и Лилли.

пеленгуются посланными колебаниями, они отражают их и воспринимаются дельфинами как чувственные впечатления. Отдельные подробности этого явления еще неизвестны<sup>82</sup>. Ультразвуковые волны испускаются пучками и в различных ритмах.

«Видимо, они могут использоваться таким образом, что дают не только направление и расстояние до объекта, но и его форму; с помощью этой техники дельфины могут выделить рыбу, которую они хотят съесть, и отличить ее от других предметов»<sup>83</sup>.

Вероятно, дело обстоит таким образом, что вся поверхность тела восприимчива к этим отраженным звуковым волнам. Ведь кожа очень нежная и гладкая, и несмотря на это неуязвимая. Когда возникает повреждение, то из нижнего жирового слоя в рану выступает масло, оставляющее кровь, а также заклеивающее и закрывающее открытое место.

На коже дельфина не найти ни единого волоса, а на морде ни устика, ни щетинки. Все гладкое и блестящее, что делает насколько возможно отчетливым восприятие отраженных волн.

Из-за особого положения дыхательного отверстия и канала нос укорочен. С этим связана полная потеря органов обоняния и обоих обонятельных нервов. Нужно представить себе, что вдыхая на поверхности воды, дельфин не ощущает никаких запахов. Вызывает сомнение, есть ли у него чувство вкуса.

Зато один орган развит особенно сильно: это ухо. Хотя внешне оно еле заметно – только узкое отверстие за глазом указывает на его местонахождение – и хотя внешний ушной канал очень длинный и узкий, S-образной формы, среднее и внутреннее ухо развиты сильно. Кость, в которую они заключены, особенно тверда – это самая твердая кость, вообще найденная среди животных. Она не срослась, как у человека и большинства млекопитающих, со скелетом черепа, но соединена с ним только связками и мускулами. Из-за этого ушная кость (*Petrosum*) подвижна во многих направлениях и может настраиваться на нужный звук.

Собственно внутреннее ухо – *Cochlea* или улитка – у дельфина гораздо больше, чем у человека. Она имеет два витка и особенно хорошо развита в нижней части, связанной с восприятием высоких тонов. Слуховые нервы, соединенные с этим органом, также развиты гораздо сильнее, чем у человека. Если вспомнить, что способность восприятия высоких и высших тонов у дельфина гораздо больше, чем у других млекопитающих, включая человека, тогда может стать понятным особенное разви-

---

<sup>82</sup> См. Norris, Prescolt и др.: An Ixperimental Demonstration of Echo-Location Bchuvuour in the Poipoise, *Tursiops tnmcatu*s (The Biological Bulletin, April, 1961).

<sup>83</sup> Lilly.



тие всего ушного аппарата.

Мы, люди, можем воспринимать тона, лежащие в интервале от 20 до 20000 Гц<sup>84</sup>. У китов и дельфинов, особенно у последних, чувствительность достигает 140000 Гц. Дельфины – и, вероятно, большинство других китообразных – раскрываются перед нами как животные, слух которых развит до невероятной степени. Окружающий мир они воспринимают прежде всего через звучание – тона и шорохи. Не звучащий воздух – звучащая вода образует их жизненное пространство. Они дышат воздухом, но ощущают окружающую их воду, ощущают как звучание и журчание, как шум и шелест волн. Стоит ли удивляться, что греки помещали дельфина в общество Диониса или Аполлона? Что играющие дельфины подслушивали у них звуки игры?

## V

Следующая совершенно особая черта всех дельфинов и других китообразных – необыкновенное развитие мозга. Никакое другое млекопитающее, даже антропоидные обезьяны, не может сравниться с ними в этом. По абсолютному и относительному размеру мозга зубатые киты – единственные из млекопитающих – стоят очень близко к человеку.

Что такое большое животное, как голубой кит, должно иметь огромную мозговую массу, не удивительно. Мозг этих животных весит от 15 до 16 фунтов. Но дельфины и афалины, которые по размерам немногим больше человека, приближаются к нему по величине мозга. Это удивительный феномен!

Прибавьте к этому, что форма, структура и количество извилин дельфиньего мозга чрезвычайно близки к человеческому. Он выглядит как бы сжатым спереди назад, а по строению и структуре почти подобен нашему. Извилины и складки очень многочисленны; новейшие исследования показали, что по количеству нервных клеток он не уступает коре человеческого мозга.

То же самое можно во всех отношениях отнести и к мозжечку. И он не только достаточно велик, но и хорошо развит и совершенно подобен человеческому.

Из мозговых нервов отсутствует обонятельный нерв; рудиментарно он сохранился только у некоторых усатых китов. Слабо развит также зрительный нерв. Выдающимся по величине является только слуховой нерв. Он развит намного сильнее других и в связи с этим особенно развиты те части большого мозга, которые связаны со слухом. В этом от-

---

<sup>84</sup> 1 Гц = 1 колебание в секунду.

крывается глубокая связь природы дельфина с тоном и звуком.

Но почему мозг развит так сильно и так «по-человечески»? Это был жгучий вопрос для всех, кто этим занимался. В последние годы Дж. Лилли и другие исследователи в Северной Америке даже выбрали дельфинов для опытов, поскольку они полагали, что именно величина мозга должна служить основой для способности языкового общения. Лилли, например, убежден, что способность говорить связана с определенными размерами мозга, и что растущий ребенок только тогда обретает способность пользоваться речью, когда приблизительно на втором году жизни достигается необходимая для этого величина мозга.

К таким рассуждениям, являющимся по сути лишь интеллектуальными схемами, совершенно оправданно относятся скептически. Но вопрос, почему у дельфинов и других зубатых китов так сильно развит мозг, остается. Некоторые исследователи связывают это с гибкой моторикой этих животных, другие полагают, что причина здесь в очень активном обмене веществ. Но где много всевозможных объяснений, там еще нет ответа.

В этой связи можно вспомнить удивительно богатые социальные отношения и поведение дельфинов, на которые мы уже указывали: сильная связь друг с другом и миролюбие по отношению к человеку. При этом нужно напомнить, что, например, по отношению к рыбам дельфины ведут себя совсем иначе. Известно, что в самых разных местах рыбаки ловят рыбу с помощью дельфинов. Особым свистом они созывают дельфинов, и те гонят косяки к лодкам, подобно тому как охотничьи собаки загоняют дичь прямо на охотников. Такое поведение описывает Плиний, а также Оппиан, большой почитатель дельфинов. В новейшее время также сообщают о подобных наблюдениях (Слайпер и др.).

Особенно враждебно относятся дельфины к акулам. Они атакуют, ударяя сомкнутой пастью в тело акулы, а затем раздирая рану острыми зубами. В распоряжении дельфина 88 зубов. Но не было ни одного случая нападения на человека.

Важно свидетельство Лилли, что он никогда не видел спящего дельфина. Он пишет: «Поскольку они не должны постоянно, как мы, бороться с силой тяжести, им не нужен сон. По нашим наблюдениям, они просто не могут позволить себе впасть в состояние бессознательности — наступает ли оно через обезболивающее средство, эпилептический удар или рану головы; ведь бессознательность влечет за собой немедленную смерть».

Это становится понятным, если вспомнить, что все китообразные для дыхания должны рано или поздно выныривать. Если этого не происходит, то они неизбежно погибают. Может быть, потому мозг дельфинов такой большой, что он препятствует засыпанию? Чтобы все время могли

функционировать разные части коры, пока другие, не работающие, отдыхают?

Как же иначе могло бы достигаться такое непрерывное сознание? Здесь еще много загадок, ожидающих ответа. Но не вносит ли непрерывно бодрствующий дельфин в мир морских глубин некий элемент, который можно ощутить как просветление воды?

Сознание рыб смутное и сновидческое. А киты несут в океанские бездны непрерывное дневное сознание, и тем самым достигают просветления тьмы, царящей там.

## VI

Если попытаться свести отдельные феномены к единой ясной картине, в которой раскрылось бы существо дельфина и его становление, то это оказалось бы трудной задачей. И возможно ли вообще сегодня для нас предчувствовать или даже познать разгадку?

Вот океаны, населенные странствующими тушами гигантских китов; подобно памятникам далекого прошлого, бороздят они воды полярных морей и пасут биллионы мельчайших существ, служащих им пищей. Ближе к тропикам к ним присоединяются зубатые киты, от гиганта кашалота до хищной касатки и дельфиновых стай.

Всем им – хотя и млекопитающим – судьбой предназначена жизнь в воде. Они постоянно должны выныривать из глубин, чтобы дышать, и это требует непрерывного бодрствования, сон и любая другая форма потери сознания означает смерть. Поэтому их мозг очень велик и подобно человеческому развит во всех частностях. Нос у них обращен кверху, так что носовое отверстие, превратившись в дыхало, переместилось в верхнюю часть головы.

Благодаря такому строению рот и нос, у всех млекопитающих тесно связанные, тут анатомически разделены. Между ними осталось незанятое пространство, определяющее странную форму морды всех китов, но особенно дельфинов. Широко расставленные глаза обозревают это пустое пространство верхней губы. Высоко над всем этим происходит собственно вдох и выдох. Резкое разделение между питанием и дыханием – особая черта китообразных. Из-за обращенного наверх дыхала у них и самому дыханию отводится особое место. Для них это приблизительно то же, что для человека представление. Ведь у китов в отличие от большинства других животных нет ритмического дыхания, оно у них зависит от сознания, от обстоятельств, от борьбы и превратностей жизни.

Вдобавок они лишились чувства обоняния. Но если сфера обоняния отходит на задний план, то она превращается в другую силу. Рудольф

Штайнер сказал однажды, что у человека потеря чувства обоняния, столь сильно развитого у животного, приводит к раскрытию интеллектуальности. Поэтому лицо человека больше не вытянуто вперед, как у большинства жвачных, хищников и обезьян, но выдается вверх и вниз, предоставляя место лбу и подбородку.

А куда ушло преобразованное обоняние дельфинов? Оно метаморфизировалось в сильно развитый слух, открывающийся навстречу бесконечному царству звуковых волн – в воздухе и воде. Дельфин – это животное, вслушивающееся в мир; наглядный образ мира он формирует из царства слуховых восприятий. Посредством дыхания тона, звуки и шорохи превращаются в осознанные переживания, которые, видимо, становятся затем воспоминаниями.

Одного лишь человека дельфин воспринимает глазами: это отчетливо видно из многочисленных описаний, приводимых Джоном Лилли и его коллегами. Когда в дельфиньи глаза заглядывает и смотрит на него через них человеческое «Я», тогда дельфин становится ручным и доверчивым. Не вспыхивает ли в нем в этот миг воспоминание о древних минувших эпохах, когда и сам он еще был на пути к человеческому бытию? Не вспыхивают ли в этот «миг»<sup>85</sup> в сознании образы его становления? Катая на спине детей и юношей, неся их по волнам, он тем самым как бы дает понять, что некогда он хотел стать таким же, как они теперь, и радостно уступает им их человеческое? Все это живет во взгляде дельфина.

Но своим слухом он живет в царстве природного, а не человеческого. Там он охотится на рыб, стремительно проносясь по волнам, и бьется со своим извечным врагом, акулой. Но как только появляются рыбаки и моряки, лодки и ялики, он становится миролюбивым, радостным и ручным. Тут в его сознание вступает мир зрения со светом и воздухом.

Таким образом, дельфин живет как бы в поделенном надвое мире: в высотах воздуха и света и в глубинах звука и воды. В одном, приносящем ему дыхание, его встречает человек. В другом – там, где он ищет себе пропитание и поддерживает свое животное начало – там он встречает других животных, своих врагов или друзей.

Существенными являются важные сообщения Слайпера о звуковых восприятиях дельфинов: «В Мерилендском аквариуме дельфины пугались, услышав тона, частота которых колеблется от 100 до 400 Гц (примерно между нижним С и верхним А); звуки более высокие побуждали их быстро уплыть».

Из таких наблюдений становится ясно, что способность слышанья у людей и дельфинов имеет противоположную чувственную подоплеку:

---

<sup>85</sup> Нем. «Augen-Blick» – букв. «взгляд глаз».

их пугает и гонит то, что для нас является музыкой; а то, что у нас вызывает боль, как, например, высокий гул сирены, их привлекает.

Таким образом, они далеки от нас и все же имеют с нами нечто общее. Но как же случилось, что устранившись от развития к человеческому, они пожелали выбрать не твердую землю, а глубины моря? Одно греческое сказание повествует о молодом Дионисе, «как он, стоя на берегу и глядя вдаль, был похищен подплывшими пиратами этрусками. Они привязали его к корабельной мачте, но оковы упали с его рук и ног. Он сидел, и смех светился в его темных глазах. Сильная виноградная лоза обвилась вокруг парусов и мачты, и сладкий запах чудесного вина наполнил весь корабль и опьянил капитана и команду. Только штурман остался трезвым и понял, что с ними на корабле был бог. А Дионис принял облик льва, угрожавшего морякам; объятые ужасом и страхом, они попрыгали в море и превратились в дельфинов, окруживших корабль. Один только штурман избежал этого превращения. Ему бог открылся как сын Зевса и Семелы»<sup>86</sup>.



Для греков происхождение дельфинов было связано с деяниями молодого Диониса. Тот, кто не мог устоять перед ароматом и силой вина – так могли они думать – тот превращался в дельфина. А кто, как штурман, оставался стойким в полном сознании, мог пребывать в области человеческого. Однажды Рудольф Штайнер сказал о Дионисе следующее<sup>87</sup>: «Ведь сегодняшнее «Я»-сознание с его интеллектуальной культурой, со всем, что исходит от нашего рассудка, вообще от нашего «Я», оно имеет макроскопическое отражение во втором Дионисе...», сыне Зевса и Семелы. И он указывает на другое сказание, повествующее о путешествии Диониса в Азию, когда «он повсюду учил людей наукам, хлебопашеству, виноделию и тому подобному... Все, что составляет интеллектуальную культуру, связано с путешествием молодого Диониса».

Тот, кто не мог сделать этого шага к «Я»-сознанию, отстал и превратился в дельфина. Это, хотя и заключенный в образы мифов, все же ключ к разгадке природы дельфина.

Но приобретенное «Я»-сознание человека может развиваться только благодаря тому, что мозг становится зеркалом мыслей и представлений. На это Рудольф Штайнер указывал в том же курсе. Он описывает созидательные силы, действовавшие тут:

«То, что, исходя от Земли... участвовало в построении мозга, древний

<sup>86</sup> Karl Kerényi: Die Mythologie der Griechen. Zürich 1951.

<sup>87</sup> Рудольф Штайнер «Мировые чудеса, испытания души и откровения духа» (Weltenwunder, Seelenprüfungen und Geistesoffenbarungen. GA 129).

грек, направляя свое чувство на микрокосм, на человека, называл дионисийским принципом; так что в нас, превращая нашу телесную организацию в зеркало нашей духовной жизни, действует Дионис».

Тут может ясно обнаружиться историческая жертва дельфина. Он падает в море с корабля человеческого развития, стоящего под водительством Диониса. Он покидает путь развивающегося интеллекта, чтобы взять с собой животные силы, которые иначе препятствовали бы превращению тела в зеркало человеческой мыслительной жизни. Истинные дети Диониса остаются наверху в свете; а глубинные силы, которые бог вызывает только в определенные моменты года, когда празднуются дионисийские торжества, Дионисии, остаются у китов, некогда освободивших от них людей.

Когда звучала Эолова арфа, когда Марсий поднимался против Аполлона, и противоборствующие дионисийские силы освобождались от оков, тогда действовали те власти, которых в Греции обозначали словом «delphos». В переводе это означает "материнская утроба" и «матка». Это те же самые силы, которые, как знал грек, скованы силой Аполлона в центральном святилище – в Дельфах, носящих то же имя.

Среди множества рассказов об основании храма известны два сказания; в обоих участвует дельфин. Одно приписывает устройство оракула сыну Аполлона, Евкадио. Вместе со своей спутницей, нимфой Ликией, он потерпел кораблекрушение. В этой беде им помог дельфин: приплыв к ним, он взял их обоих на спину и принес к подножию Парнаса. Тут Евкадио основал своему отцу дельфийское святилище.

А о самом Аполлоне рассказывается, что однажды он принял облик дельфина, опустившегося на палубу критского корабля, плывущего в Грецию. Его могущественное присутствие вынудило корабль повернуть на Кризу, гавань Дельф. Там он пристал; Аполлон спрыгнул, «подобный звезде среди дня», на землю. «Полетело множество искр, к небу поднялось световое сияние»<sup>88</sup>. А удивленным и ошеломленным критянам он предстал как юноша, повел их к святилищу и посвятил их в своих первых дельфийских жрецов.

В обоих мифах к основанию дельфийского оракула привел дельфин. Это место потому стало особенно священным, что там, скованные и преодоленные, царили власти глубин, воплощенные в пифии и действовавшие через жрицу. Не те ли это силы, которые некогда были преодолены Дионисом? Или это были еще более могущественные силы тьмы?

Один еще более древний миф рассказывает о двух драконах, живших у подножия Парнаса: один мужского рода, Тифон, а другое чудище, Дельфиний, женского. Это был настоящий враг Аполлона. В этого-то

---

<sup>88</sup> Melitta Rabinovitch

дракона, повелевавшего рождающими, вечно и слепо воспроизводящими самих себя силами природы (delphos = материнская утроба), должен был превратиться Аполлон, чтобы достичь власти над ним. Подобно звезде, он вышел из этого дельфина и стал его господином. Поистине, через пифию говорили бывшие сначала необузданными порождающие силы женской природы, побежденные затем солнечным богом. С тех пор в сознании греков и живших следом за ними народов его образ запечатлелся как победитель дракона.

На это Рудольф Штайнер в одном из докладов указал следующими словами: «И греки представляли Аполлона убивающим своим копьем дракона, который подобно густому дыму поднимался из земных недр. Тут в греческом Аполлоне выступает перед нами в земном отражении Святой Георгий, посылающий копье в змея. И когда он победил его, дракона Пифона, то на этом месте был воздвигнут храм, и вместо Пифона мы видим, как дым поднимается в душе пифии, и как греки представляют себе, что теперь в диких драконьих дымах живет Аполлон, мудро вещающий им через оракула устами пифии»<sup>89</sup>.

Аполлон должен был превратиться в Дельфиния. Это дало ему силу для преодоления Пифона. После этого в дымах стала действовать его сущность. Поэтому – помимо всех остальных имен – он носил имя дельфина: его называли *Apollo delphiaios*.

В связи с этим обликом солнечного бога перед нами выступает иминация дельфина в его макрокосмической сущности. Это те древние власти становления, которые были побеждены Аполлоном. А сопровождающие юного Диониса дельфины изображают те же силы в человеческом, микрокосмическом уровне. В мировых просторах творения бог света Аполлон побеждает темные силы глубин. Во внутреннем человеческой души дельфина преодолевает Дионис, и это позволяет пробудиться интеллектуальному сознанию.

Тем самым указано на два греческих пути посвящения: первый вел вовне, в природу; другой в глубины человеческого бытия<sup>90</sup>. А в Дельфах оба эти пути соединялись. Весной приходил с севера Аполлон и девять месяцев пребывал в святилище. Зимой его место заступал Дионис. Оба они были стражами подземных дельфийских сил неукротимого бытия и природного становления.

Тут мы оказываемся в самом центре загадки дельфиньей судьбы, разрешить которую мы стремились. Могучие усатые киты кажутся творением аполлонического, а южные зубатые киты – результатом диони-

---

<sup>89</sup> Р. Штайнер, «Христос и духовный мир» (Christus und die geistige Welt. GA 149), 3-й доклад, 13/14 г.

<sup>90</sup> См. 5-й и 6-й доклады в цикле докладов Рудольфа Штайнера «Восток в свете Запада» (Der Orient im Lichte des Okzidents. GA 113), 1909.

сийского воздействия в мире и в человеке.

А теперь мы можем задаться вопросом и о внешней эволюции обоих семейств. Известно ли что-нибудь об этом? Киты имеют общих предков с хищниками и копытными. Древние киты (*Archaeocetes*) имели еще типичную челюсть хищника. Но в высшей степени интересно, что серологические исследования дают еще более тесное родство с парнокопытными<sup>91</sup>. Как предполагают, эти большие семейства произошли от общей древней формы, которую сегодня считают примитивным сухопутным видом.

Неуклюжие тела древних китов – некоторые весьма впечатляющих размеров – развивались как бы в жидком элементе. Возможно, не лишено основания предположение, что некогда, словно драконоподобные существа, они жили в болотах: иначе почему бы уменьшились их конечности? Развивавшиеся до археокетиса формы бродили по воде; вместо того, чтобы бегать, они пресмыкались. Постепенно отверждение Земли все сильнее отдаляло их от тех групп, которые оформились в копытных и хищников. Из неуклюжего археокетиса и его ранних форм произошли киты, сошедшие в реки и моря. Это случилось в атлантическую эпоху. Это «превращение дракона» – совсем иной процесс, чем тот, который в конце Лемурийской эпохи привел к вымиранию гигантских ящеров. Поскольку тут дракон – низшая природа мира и человека – превратился в высших сущностей. Силы света и солнца – деяния и страдания Аполлона – преодолели его. Это развитие завершилось, по-видимому, в конце Атлантиды.

Но на это же время приходится событие, описываемое духовной наукой как третье доземное деяние Христа<sup>92</sup>. Действовавшая в надземных сферах сущность Христа совершила гармонизацию трех душевных сил человека; мышление, чувствование и воление были приведены во взаимное равновесие. Рудольф Штайнер говорит, «что сущность Христа должна была удалить из мышления, чувствования и воления человека то, что подобно дракону бушевало в них и ввергало их в хаос. Воспоминание об этом живет во всех образах, влиявших на человеческую культуру подобно Святому Георгию, побеждающему дракона».

И греки видели в таком же образе своего аполлона.

А достигнутая при этом гармония позволила созреть одному чудесному явлению. «Отблеском этого является мусическое искусство, в особенности аполлоническое искусство, например, та музыка, которая из-

---

<sup>91</sup> Boyden und Generoy, 1950, см. упомянутую книгу Слайпера. Примечательно, что один из первых экземпляров археокетиса немецкого собирателя Альберта Коха демонстрировался в 1845 г. в «Камере Аполлона» на Бродвее в Нью-Йорке как вымерший «морской змей».

<sup>92</sup> Рудольф Штайнер «Vorstufen zum Mysterium von Golgatha», GA 152, 1913/14.



ливается в звучании струн»<sup>93</sup>.

Тут снова выступает нам навстречу образ, действовавший сквозь многие мифы: Арион, певец и арфист, несомый дельфинами, возвращается на свою родину, Лесбос, в то место, где родился Аполлон. Человек получает мусическое искусство благодаря жертве, некогда принесенной дельфинами. В глубины океана они унесли с собой силы дракона; но тем самым было спасено другое.

Человек поднялся вверх, его сопровождало семейство парнокопытных. Болотистая почва, которую они оставили, отвердела под их ногами: стопы превратились в копыта. Так они смогли вступить на твердую землю образующихся степей и пустынь и развились в стадных животных. На груди и животе выросли соски, они стали дарить молоко человеку и животным. На лбу же у них, подобно новым, доселе неизвестным знакам судьбы, выросли рога и отростки. Они подняли их вверх, в воздушную сферу, как прообразы тех музыкальных инструментов, которые дали человеку искусство струнной игры. Как продолжение лба, на голове у них в прекрасном совершенстве появились лира и кифара. То, что киты прячут внутри черепа, огромная мозговая масса, тут открывается в форме рогов и костных отростков. Ставшее здесь формой и массой, у человека это превратилось в силу мышления. У него одухотворено то, что тут еще должно оставаться субстанцией и обликом.

И в тот момент, когда мы смотрим на кита и дельфина, быка и овцу или антилопу, наше сердце, словно бесконечный поток смирения, должна пронизывать благодарность за то, что это могло так произойти. Потому-то и оказался бык среди тех, кто первыми приветствовали в яслях младенца Христа. Он лежал там, как олицетворение всех парнокопытных и китов Земли — в обители самой святой нищеты.

---

<sup>93</sup> Рудольф Штайнер «Христос и духовный мир», доклад от 30 декабря 1913.

# Пес и кошка – спутники человека

## Природа собачьих и кошачьих

Уже с незапамятных времен пес является спутником человека. Они столь тесно связаны друг с другом, что возникает оправданный вопрос, было ли когда-нибудь иначе, можно ли указать на такие времена, когда человек и собака жили порознь. Ответ найти нелегко, ведь палеонтологическая история собачьих задает сегодня одни загадки; она столь многослойна и многообразна, что кажется едва ли возможным найти одно-значное решение.

Все еще ищут ту единственную форму, из которой должны были, посредством скрещивания и разведения, возникнуть почти бесчисленные разновидности собачьих пород, живших как прежде, так и в наши дни. Но все, что дошло до нас в изображениях – на египетских ли табличках, вавилонских печатях или греческих вазах – все это показывает нам либо уже различных известных, либо не столь известных собак, больших и маленьких, шпицев и пинчеров, однотонных и разноцветных, пятнистых, с короткой или длинной шерстью, с большими или маленькими ушами. Таким образом мы, видимо, уже тогда, две, три и более тысяч лет назад, знали шпицев и сеттеров, овчарок и борзых, мопсов и спаниелей.

Столь же многообразны и палеонтологические находки, позволяющие предполагать, что все виды собак существовали уже в начале каменного века. Особенно значительны в этой области исследования Теофила Штудерса<sup>94</sup>. Он попытался упорядочить материал, накопившийся к концу прошлого столетия. И если сегодня часть его выводов подвергается сомнению, то все же главные результаты остаются основополагающими. Он различал две основные формы: северный, палеарктический тип, и южный, распространившийся до Индии и Австралии. Обе формы сопутствуют человеку и никогда не выступают как дикие. Сегодня убеждены в том, что постоянные спаривания собак с волками и собак с шакалами привели к многочисленным формам живущих по всей Земле собачьих пород. Вообще



<sup>94</sup> См. Martin Wilkens: Grundzuge der Naturgeschichte der Haustiere.



В%

отличительная черта собак и волков состоит в том, что они имеют удивительно пластичное тело, способное очень быстро приспосабливаться к условиям жизни. Например, волчата, которых приручали с самого детства, вырастают с мордой и черепом короче, чем у их свободных братьев. Да и удивительная изменчивость самой собаки – от крохотных пекинесов до гигантских волкодавов – выявляет пластичность ее облика. Нет другого зверя, равного в этом собаке.

Ее называют «древнейшим домашним животным», поскольку уже на заре человеческого развития она была связана с хозяином. В одной из древнеперсидских книг можно прочесть, что мир существует единственно благодаря разуму пса<sup>95</sup>. От небес и до ада простерта его деятельность. Ведь внизу, в царстве теней, он в облике Цербера охраняет вход в подземный мир. Индийцы почитают Яму, бога мертвых. Он «для них первый человек, в смерти нашедший для многих рожденных позже путь к светлым высотам, и правящий там, соединяя людей. Его псы охраняют вход на небо»<sup>96</sup>. Так стоит пес у порога смерти, который должен переступить человек. Из этого может возникнуть понимание того, почему на многих английских и французских гробницах умершие рыцари изображаются со ступнями, покоящимися на теле пса.

Но оправдано ли с такой легкостью называть собаку домашним животным? И тем самым помещать ее в один ряд с коровой, овцой, курицей, свиньей и лошадью? Не занимает ли она совсем другое положение? Для всех остальных домашних животных мы строим загоны, ухаживаем за лугами и пастбищами для них, держим их неподалеку от себя. Пес же (как и кошка) разделяет с нами, людьми, дом и жилье, даже если иной раз мы строим для них конуру или устраиваем «место». Эти оба животных, пес и кошка, гораздо ближе к человеку, чем когда-либо были корова или овца. Лошади отводится совершенно особое положение, и здесь не время обсуждать его.

Собаки и кошки с самого начала сопровождают человека столь интимным образом, что их невозможно сравнить ни с каким другим животным. Существует множество близких к людям животных, едва ли способных жить без него. Многие птицы: вороны и вороны, голуби и ласточки, совы, лебеди и аисты, и прежде всего воробьи – ищут соседства человека. Близ него живут медведи и слоны, гиены и буйволы. Но все они сохранили свою собственную жизненную сферу, они живут рядом с человеком, но не вместе с ним. Власть природы и времени года

<sup>95</sup> Leipzig 1905.

<sup>96</sup> Ludwig Reinhardt: Kulturgeschichte der Nutztiere, München 1912. \*\*\* Julius Schwabe: Archetyp und Tierkreis. Basel 1951.

глубоко связана с их существом. Животное и мир подходят друг к другу, как ключ к замку. У домашних животных это иначе: из-за одомашнивания они лишились природных связей. Им нужны загоны и хлева, луга и пастбища; своими собственными силами они больше не способны добыть себе пищу и кров. Борьба, радость жизни и охота преобразились в служение, покорность и защищенность. Почти независимо от времени года доится молоко, несутся яйца и отдается шерсть. Из близких к человеку животные превратились в служащих ему.

Но кошки и собаки – не служители; поэтому их нельзя по-настоящему причислить к домашним животным, хотя собственно значение этого слова подходит лишь для них. Они единственные, кто делит с нами дом; они сидят у каминов и печек. Они пользуются нашими комнатами и устраиваются на нашем месте<sup>97</sup>.

Были ли они некогда выдрессированы нами? Или подобное представление – лишь предрассудок, возникший из дарвинизма? Когда приручают сокола и дрессируют диких животных, то это несравнимо с теми мерами, которые, как обычно полагают, привели к одомашниванию. Ведь никогда потомство прирученных зверей не станет ручным только из-за того, что их родители научились подчиняться. Они останутся дикими. То, что когда-то должно было случиться – если сегодняшние представления о приручении верны – это вмешательство, так изменившее все существо животного, что оно перенесло приобретенные обычаи и привычки на потомство. Уже одну эту мысль трудно понять или экспериментально доказать.

Не гораздо ли естественнее представить, что некогда животные и человек были в таком тесном родстве друг с другом, что жили совсем рядом? Все животные были, так сказать, «при человеке». И лишь постепенно, отвернувшись от человека и его окружения, отдалившись от него и войдя в природную, чуждую человеку среду, образовывались дикие



формы. То есть не домашние животные были выведены из диких, а наоборот, шло одичание. Так что должны быть прослежены два пути: один, позволивший из близких к человеку животных возникнуть диким формам, и другой, гораздо более короткий, на котором корова и свинья, овца и коза стали служить человеку и приносить ему свои дары.

Но тем самым может возникнуть новая картина эволюции собак и кошек, с помощью которой гораздо более непосредственным образом будет понято их

---

<sup>97</sup> На это нельзя возразить, что, мол, попугаи, сороки и канарейки тоже живут у нас. Да, это так, но они пленники, их нужно держать в клетке. Кошки же и собаки убегают очень редко.

развитие рядом с человеком. Они подобны вечным прообразам своих групп, что всегда жили с человеком. Из них же образовались львы и тигры, пантеры, пумы и леопарды; а также волки и лисы, шакалы и динго. Таким образом, мы должны пробиться к новому представлению. В центре его – человек, сопровождаемый псом и кошкой. Конечно, мы не должны представлять себе, что уже тогда они выглядели так, как сегодня. Они были ближе к своему прообразу, изменчивы и не так специализированы. Но все же современные собаки и кошки ближе к своим первоначальным братьям и сестрам, чем дикие формы наших дней. Последние возникли из того «всеобщего» пса и той «неспециализированной» кошки, которые в седой древности появились рядом с человеком на горизонте истории. Они оба, пес и кошка, заняли особое место в земном развитии человека. Они присущи ему, как смех и слезы. И теперь нужно более подробно описать их как главных представителей хищников.

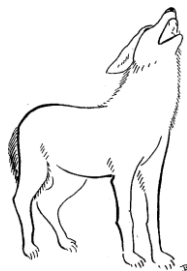
## Признаки собак и кошек

Не очень-то просто установить существенные отличительные признаки кошачьего и собачьего семейств. Тем не менее различия столь отчетливы, что лишь в редких случаях действительно возникает сомнение в семейной принадлежности того или иного животного. Но где же лежат эти различия? Они определяются не только анатомией, но относятся ко всему поведению, темпераменту и способу реагирования обеих групп.

Собственно, в строении тела не существует каких-либо радикальных различий. Оба семейства – это типичные хищники: быстрые, подвижные, с сильными лапами, приспособленные специально к преследованию и нападению вплоть до строения челюстей. Ноги быстро несут относительно легкое и часто вытянутое тело; организация груди и живота ни тяжестью, ни бесформенностью не мешает бегу и лазанию.

Но уже здесь выступает первое отличие кошек и собак. Собачьи имеют более длинные лапы, тело благодаря этому выше поднято над землей, чем у кошек. Ноги собак не только длиннее, но и более сухопарые, больше отданные бегу. Лишь немногие из собачьих могут лазить по деревьям, а для большинства кошек дерево или куст не составляют препятствия. Ягуар и леопард прыгают на жертву с ветки и затаскивают добычу обратно в крону дерева, чтобы там спрятать.

У собак нет таких когтей, как у кошек, поэтому вряд



ли какая-нибудь собака ударит жертву передней лапой; вряд ли так поступит волк, шакал или лиса. Напротив, домашние кошки, а также львы и тигры бьют передней лапой, и часто первое нападение на жертву заключается именно в ударе лапы. Только после этого вступает в дело пасть. Собаки же при нападении действуют только пастью и зубами. Они загоняют жертву, изматывают ее, а потом забивают с помощью челюстей. А кошки подкрадываются к жертве, бросаются на нее прыжком и сбивают ее лапой. Конечно, есть гепарды, которые могут охотиться «в собачьем стиле». Хильцхаймер пишет о них, что «они своеобразно соединяют в себе кошачью форму с собачьим поведением... Они приспособились к быстрому бегу, и поэтому тело на бегу довольно высоко поднято над землей; и вообще стали в некотором роде подобны собакам»<sup>98</sup>.

С этим различием поведения связаны еще два признака. Когти у кошек подвижны, при беге они втянуты, а при ударе выпущены и превращаются в оружие. А у собаки они тупые и неподвижные, но зато ее пасть гораздо длиннее и вмещает больше зубов, чем кошачья. Чаще всего у кошек 30 зубов по сравнению с 42-мя собачьими. Расположение зубов у обоих семейств следующее:

1 3 1 3		3 1 3 1		2 4 1 3		3 1 4 2
1 2 1 3		3 1 2 1		3 4 1 3		3 1 4 3
кошки				собаки		

Таким образом, у собак удлиняется рот и соответственно в нем больше зубов. Но зато передние лапы потеряли способность бить и рвать. Напротив, у кошек пасть заметно короче, но вместо этого передние конечности свободнее в движении и менее зависимы от земной тяжести. То, что у собаки заключено во рту, у кошки распространено по всему телу. Нападает весь зверь, а у собаки это делает только пасть и зубы.

Поэтому собачья пасть становится также своего рода органом удаления воздуха. Если из-за бега или работы наступает чрезмерный перегрев, то животное начинает характерно дышать, «выпихивает» горячий воздух и быстро втягивает поток холодного. Легкие, так сказать, распространяются вплоть до самой пасти.

Кроме этого, у собаки особенно сильно развиты нос и чувство обоняния. В пространстве запахов она «узнает» и «помнит». Там для нее главнейшее поле восприятия и ориентации. Кажется, что горячая привязанность, которую собака испытывает к некоторым людям, коренится в чувстве обоняния. Хильцхаймер пишет, что при разрушении обонятельного нерва или утрате обоняния теряется и эта привязанность.



<sup>98</sup> М. Hiltzheimer в книге «Жизнь животных» Брема.

Кошки в целом гораздо более независимы от человека, чем собаки. Они живут рядом, но больше пребывают в своем собственном мире, даже деля с нами дом. Им дана определенная самостоятельность и замкнутость. Там, где они живут, они несут с собой собственный ритм и собственную жизнь. Не обращая внимания на происходящее, они умываются и чистятся, если им что-нибудь мешает – отступают, их мало что задает. А собака – это как бы часть окружающего мира. Она живет взглядом и жестом хозяина; мир, и особенно человек – ее учителя.

Это описание выявляет нечто из основ характера обоих существ. У собаки бытие концентрируется в голове. Пасть, зубы и нос чрезвычайно внимательны и восприимчивы. Тотчас приподнимаются уши, рот слегка приоткрыт, глаза направляются туда, откуда появляются звук или запах. Рывком поднимается голова и тянет за собою тело.

Кошки проявляют более рассредоточенную восприимчивость. Их мех чрезвычайно чувствителен, а волоски вокруг рта и носа, на ушах и передних лапах предоставляют им огромные возможности. Осязание здесь столь утончено, что замечается легчайшее дуновение, не ощущаемое другими животными. Поэтому все кошки так не любят, когда их мех мокрый. Из-за этого он теряет восприимчивость, а этого они не могут вынести. Поэтому большинство членов кошачьего семейства чрезвычайно боятся воды. Напротив, большинство представителей собачьего рода охотно лезут в воду и от природы являются хорошими пловцами.

Так возникает следующее очень четкое разграничение. Чувственное восприятие, концентрирующееся у собак в голове, у кошек распределено по всему телу. Тут появляется особенно тонко развитое чувство осязания; там – тонкое обоняние. Тут существование как бы погружено в движение наполненного солнцем и тенью воздуха, там более значим холодный водный элемент. Не потому ли у всех собак – пока они здоровы – холодный и влажный нос?

Общее впечатление таково, что у кошек все формы более округлены. А у собак созданы вытянутыми и заостренными. Насколько тяжел и угловат их бег по сравнению с округлыми, мягкими, крадущимися движениями кошек! Пес бросается вперед, поворачивается, мчит назад, чтобы тотчас снова начать охоту. Прыжок, походка и бег кошек сдержанны и замкнуты в себе. Каждое движение у них нацелено, размерено и гармонично. Шаг больших кошек внятен и скоординирован.

Если попытаться облечь это различие в формулу, то, пожалуй, можно было бы сказать, что моторика кошек контролируется из области сердца, собаки же больше живут во власти внешних чувств, их движения подчиняются постоянно меняющимся впечатле-



ниям и ощущениям. Поэтому на собак больше влияет поток дыхания, кошки же покоятся в правильном сердечном ритме, и потому они «самодовольны».

Обе группы глубоко определяются ритмической организацией. Но ритм пса – это дыхание, это отдача и принятие, это непрерывное общение с миром. Его голова – страж, который управляет вдохом и выдохом, вызывает их или препятствует им. Ноги длинные, поскольку поток дыхания входит в них и удлиняет, вытягивает. При беге и погоне дыхание определяет моторные функции.

У кошек сердце задает такт и одновременно основной тон основных двигательных мелодий. Сердце – вот что звучит в крови; но даже в страсти они проявляют сдержанность. Большие хищники из этого семейства бьют жертву лапой, задирают и пьют кровь, но большую часть оставляют другим. Остатки доедают гиены и коршуны, шакалы и дикие собаки. Пронизанный солнцем воздух, тепло, сверкающие волны сухой атмосферы, просвеченной до корней деревьев в дремучих лесах; высушенные колючие кусты, короткая трава, песок, послеобеденный покой и вечерний отдых – вот мир кошачьих. Тогда окрашивается мех, становится желтым и коричневым, с полосами, крапинками, редкими пятнами, появившимися так, как будто они нарисованы игрой света и тени.

Собаčky проводят свою жизнь больше в бледной ночной и вечерней серости, в тумане и поднимающейся сырости, в норах и ямах, в глубоких чащах леса, там, где мир требует постоянной осмотрительности и бодрствования. Лисы и волки появляются лишь в сумерках. Во время охоты они рыскают туда-сюда в беспокойстве и страхе; волки, и изредка лисы, сбиваются в стаи и наполняют темноту воем. Мех у них длинный, но одноцветный, неяркий. Они следуют своему обонянию и живут в мире разных слегка влажных испарений других существ. Видов у них меньше, чем у кошек. Но за это – ведь они ближе к воде – они сохранили чрезвычайную пластичность и изменчивость облика в рамках прообраза.

## **Львиная грива, собачья шкура, узоры и рисунки кошек**

Если сделанная здесь попытка описать прообраз собак и кошек в какой-то мере удалась, то из этих набросков должно было бы возникнуть понимание различных видов этих животных групп. И живущие сегодня роды могли бы предстать как вариации главных свойств основного типа, ибо подобные различия – это лишь более яркое проявление того или другого из существующих признаков. Все кошки обладают присущими им особенностями, но отдельные группы односторонним образом раз-



вивают из всего этого один какой-то признак либо целую серию внутренне связанных между собой признаков. Это и придает соответствующий склад их индивидуальному характеру.

Например, у львов особо выделяющейся чертой является различие полов. Большинство самцов африканских, переднеазиатских и индийских львов носят гриву, которая им очень идет. Она состоит из пышного ореола волос, окружающего могучую шею, обрамляющего морду и часто продолжающегося на спину или на брюхо.

«Ни у одной другой большой кошки, – пишет Гуттисберг, – мы не находим столь ярко выраженного различия между полами, как у львов. Любой ребенок с первого взгляда отличит льва от львицы; у тигров, ягуаров и леопардов различить пол при беглом взгляде уже труднее»<sup>99</sup>.

У них нет столь красноречивого полового признака, как грива льва. Зато шкура остальных больших кошек разукрашена своеобразными узорами, которых нет у львов. Львиная шкура однообразно песочно-го. цвета, без пятен и полос. Нельзя ли рассматривать эту противоположность как внутренне связанную полярность? Что означают те редкостные рисунки, которыми покрыты шкуры остальных больших хищников, а также маленьких лесных и домашних кошек? Темные полосы тигра, кольца и крапинки ягуара и покрывающие все тело светлые и темные пятна леопарда?

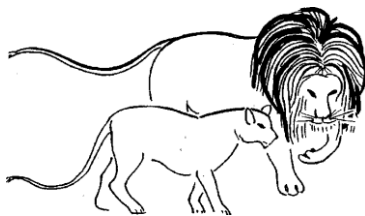
И нее маленькие кошки обладают каждая характерным для своего вида узором. Пятна, крапины, полосы и кольца меняются по цвету и рисунку. Дымчатая пантера, оцелот, дикие кошки и многие другие виды носят подобные наряды.

Что же здесь выявляется? У Новалиса в «Учениках из Саиса» написано: «Различными путями идут люди. Кто проследит эти пути, увидит, что возникают удивительные фигуры; они, несомненно, также принадлежат к той величественной тайнописи, что видима всюду: на крыльях, скорлупках яиц, в облаках и в снегу».

Не эту ли «тайнопись» мы видим и на шкуре кошачьих?

Портманн проводит очень удачное сравнение, указывая на то, что одно лишь морфологическое или биохимическое исследование такого пигментирования не многое нам может дать. Ведь эти рисунки и узоры подобны неизвестным для нас письмам.

«Теперь возникает вопрос о смысле, о значении слова, и я должен решать его совсем иными средствами... Значение рисунков не зависит от материала, на кото-



<sup>99</sup> C. A. W. Guggisberg: Simba. Eine Löwenmonographie. Bern 1960.



ром они начертаны. Также и в вопросе о значении узоров на голове животного – не имеет большого значения, как образуется рисунок; напротив, большую роль играет его общий характер. Для ответа на этот вопрос нужно выбирать способ исследования совсем иного, рода, чем тот метод, следуя которому идут физиология и генетика»<sup>100</sup>.

Подобные «исследования совсем иного рода» должны быть предприняты, чтобы постепенно понять рунические знаки рисунков на шкуре, колючках, мехе, крыльях и перьях. Это та «тайнопись», на которую указывает Новалис и которую нужно расшифровать.

Может быть, следует начать с кошек и за исходный пункт принять противопоставление «грива – узоры на шкуре»? Грива, обычно наиболее темная на львиной шкуре часть, не только обрамляет его морду, но и морфологически отделяет голову от остального тела. Получается фигура, о которой я слышал, как Еуген Колиско однажды сказал с усмешкой: «Лев сзади не оправдывает того, что обещает спереди». Этим точно описано впечатление.

Если гривы нет, то голова гармонически соединяется с телом, и поскольку нет гривы-перегородки, на шкуре появляются узоры и орнаменты. Здесь мы встречаемся с правилом, на которое, в смысле сущностной закономерности, указывал еще Гете. Он обратил внимание на ту идею «экономной потери и приобретения», которая царит в природе. «При таком рассмотрении тотчас выступает закон, что нельзя где-то что-то прибавить, не отняв чего-то в другом месте»<sup>101</sup>. И что у львов-самцов приводит к огромной гриве, у остальных кошек, как маленьких, так и больших, выражается в цвете и форме.

Не взаимное ли проникновение головной и телесной организации открывается в этих рисунках? Не потому ли тело жирафа, от длинющей шеи до самых копыт, покрыто коричневыми многоугольными пятнами? Не оттого ли темные полосы у зебры, что у нее особенно сильная шея? Не попали ли мы здесь на след некоторого образующего закона?

Наблюдая больших кошек, мы невольно обращаем внимание на то, что рисунок на шкуре тигра повторяет направление ребер. Черные полосы подобно обручам облегают грудь и живот, и также продолжают на хвост и задние ноги. А сервал и оцелот наделены полосообразной системой пятен и розеток; направление этих полос идет вдоль позво-

<sup>100</sup> Adolf Portmann: Die Tiergestalt. 7 глава «Von Mustern und Zeichnungen».

<sup>101</sup> Goethes naturwissenschaftliche Schriften. Издатель Рудольф Штайнер. Т. 1 «Erster Entwurf einer allgemeinen Einleitung in die vergleichende Anatomie von der Osteologie».

ночника, конечностей и хвоста. У дымчатой пантеры, как и у жирафа, шкура равномерно покрыта темными пятнами. Таким образом, мы можем различить три типа рисунка:

Кольцеобразные полосы, облегающие тело и конечности. Примеры: тигр, дикие кошки, полосатая гиена, зебра, окапи, бонго, тасманийский сумчатый волк и т.д. Продольные ряды пятен, крапин и розеток, идущие параллельно позвоночнику и длинным трубчатым костям конечностей. Примеры: оцелот, сервал, рысь, генета.

Образующая равномерный рисунок и покрывающая все тело сеть круглых и угловатых пятен: гепард, дымчатая пантера, жираф и т.д. Леопард и ягуар находятся посередине второй и третьей групп.

Не возникает ли из этой системы намек на значение этих трояких рунических письмен? Мы не слишком ошибемся, если представим себе, что сила ритмического течения крови и дыхания – это тот художник, который выводит узоры. Дыхание, струящееся внутрь и наружу, рисует на тигре и зебре темные кольца вокруг тела и ног. Втекающая и вытекающая из сердца кровь, соединяющая тело и голову, рисует на шкуре продольные пятна и крапины. А сетка пятен, покрывающая ягуара и жирафа, это проявленный изнутри наружу образ покрывающих поверхность тела капиллярных потоков.

Таким образом, ритмическая организация кровообращения и дыхания, особенно сильно развитая у хищников, могла бы быть тем, что открывается вовне как рисунки и узоры. Будущая психология животных должна будет разобраться в этом вопросе, ведь поведение тигра, леопарда и ягуара различается в соответствии с существом этих письмен.

Но почему же лев носит гриву и однотонную окраску? И почему эта грива – мужской признак, тогда как у львиц нет ни гривы, ни узора? Среди всех больших кошек только львицы одноцветны. В этом они общи со всеми собаками. Ни лисы, ни волки, ни шакалы не носят таких живых и многообразных узоров, которые характерны для больших и малых кошек. Но здесь, как и всюду, есть исключения. Так, у камы, маленькой южноафриканской лисы, есть намек на кольца. У волка на севере вокруг шеи есть что-то вроде светлого кольца. А некоторые виды домашних собак – немецкие доги, некоторые боксеры, немецкие легавые – покрыты узором. Но все дикие формы одноцветны. Их шкура в общем длиннее и гуще, чем у кошек, и ближе к гриве.

Не значит ли это, что лев некоторым образом уподобляется собачьим? Но вряд ли есть другой, столь же типический вид кошек! Или он достигает своего «королевского» положения только потому, что он единственный среди всех кошек, кто открывается в своей мужественности? Не оправдано ли в этой связи, что гений языка говорит «пес» и

«кошка»?<sup>102</sup>

Начинаешь предчувствовать, что здесь выражаются образующие тенденции, указывающие на «экономический закон», о котором говорил Гете. Когда на шкуре появляются полосы, кольца и другие узоры, исчезает грива и длинный мех. И наоборот, однотонность возникает там, где сильно растут мех и грива.

Возможно, дело обстоит так, что все цвета, пятна и рисунки – вместе с коротким ворсом – у млекопитающих являются женской чертой. Напротив, длинный волосяной покров, грива и неяркие цвета, без узоров и рисунков – больше мужские признаки. Грива, светлый воротник на шее у волка отделяют голову от остального тела. И это характеристика мужского. Тогда как единство головы и туловища, взаимослияние обеих частей, это больше женское.

Таким образом – сначала в качестве догадки – мы можем сказать: кошачьи виды по своим телесным признакам имеют больше женскую натуру. А собаки проявляют больше мужские черты. Лишь лев выделяется из этого ряда и является «мужчиной» в царстве кошек. Своей гривой он дает нам ключ к пониманию хищников.

## **«Мужественные» псы и «женственные» кошки**

Рассуждая таким образом, мы получили еще один важный признак кошек и собак: скромная простая окраска собак в противоположность бросающейся в глаза, претенциозной расцветке кошек – у всех, кроме льва. Теперь мы попытаемся привести в созвучие с этим качеством представленные во второй главе признаки.

Замкнутый в себе, округлый облик как больших, так и малых кошек соединен со значительной агрессивностью: приручить тигра, ягуара или пантеру удастся лишь с большим трудом. Маленькие кошки тоже кровожадны, дики и воинственны. Напротив, львы, особенно самцы, ленивы, медлительны, с неким часто как бы апатичным превосходством.

И у собак отсутствует эта непосредственная дикость. Ни лиса, ни шакал, ни волк не нападают без нужды. Они берут себе то, что им надлежит, не больше. Именно современные исследования заново открыли эту сторону жизни волков. Переживания, описанные супругами Крислер<sup>103</sup> во время их жизни среди молодых волков на



<sup>102</sup> В нем. языке der Hund (пес, собака) грамматически мужского рода, die Katze (кошка) – женского.

<sup>103</sup> Lois Crisler: Wir heulten mit den Wölfen. Wiesbaden 1961.

Аляске, пронизаны трогательным пониманием этих животных. У ставшего доверчивым волка открываются удивительные очарование, сочувствие и привязанность. И здесь может неожиданно прорываться агрессивность, но по сравнению с кошками она не так захватывает и не так продолжительна.

Поэтому мы можем указать на параллель, существующую между украшающим мех рисунком и характером поведения этих животных. Для диких агрессивных кошек характерен пестрый, часто ярко разрисованный мех. Наоборот, собаки, которые гораздо более миролюбивы, обнаруживают более простую и однотонную расцветку. Единственные пятнистые собаки, гиены, являются крайне агрессивными хищниками. Поэтому можно предположить, что у хищников более сильная внутренняя возбудимость открывается в цвете и рисунке шкуры.

Сухантке<sup>104</sup> указал на подобное же явление в царстве птиц. И там обнаруживается явная связь между рисунком, цветом, «выставлением напоказ» – и эмоциональностью поведения. Чем проще и беднее оперение, тем красноречивее проявляется способность заботиться о потомстве.

Но если мы обратимся теперь к принципу, формирующему тело кошек и собак, то не так-то легко будет понять взаимодействие телесного строения и характера. Ведь округлость и большая замкнутость кошачьего тела должны бы свидетельствовать о большей мягкости. Тогда как угловатые формы волка и лисы, развитая пасть, большое число зубов, резкость движений должны бы указывать больше на дикость и агрессивность. Нет ли здесь противоречия? Или существует противоположное сочетание формы и цвета, облика и рисунка? Здесь мы встречаемся с особой проблемой, выступающей уже в языке. Как само собой разумеющееся мы произносим слово «der Hund» с мужским артиклем, а «die Katze» – с женским, и тем самым ставим их обоих в определенное положение. Здесь мудрость языка выражает нечто, что полусознательно вы-



ступает навстречу нашему непосредственному ощущению. Мы не можем не переживать кошку «женственной», а пса – «мужественным». Тем самым мы можем говорить об округло-женских формах кошек и угловато-заостренных мужских формах у собак. Но это находится в явном

<sup>104</sup> Andreas Suchanlke: Was spricht sich in den Prachtkleidern der Vögel aus? «Die Drei», 4/1964.

противоречии с характером поведения.

Это противоречие может быть снято, только если принять во внимание указания Рудольфа Штайнера, сделанные им в отношении двух полов у человека. В докладе «Мужчина и женщина в свете духовной науки»<sup>105</sup> он показал, сколь противоположно и несовместимо характеризовали оба пола на рубеже столетия.

«Одни находили, что основной чертой женщины является, например, вспыльчивость и гневливость, другие преобладающим качеством считали покорность и смирение. И снова другой исследователь... приходит к выводу, что сущность женщины лучше всего выражается в чувстве преданности, а еще один – во властолюбии, третий – в консерватизме, а четвертый находит, что женщина как раз и есть революционное начало в мире».

Получаются те же противоречия, что и встретившиеся нам при рассмотрении кошек и собак. Рудольф Штайнер принимает эти противоположности и показывает, что их существование вполне оправдано, только мы должны учиться смотреть сквозь выступающие здесь антиномии.

Прежде всего он указывает на четырехчастное деление человека, который наряду с физическим телом скрыто несет в себе также эфирное тело, или тело образующих сил. Кроме того, душевное тело и «Я». Он говорит: «Прежде всего мы коснемся здесь физического и эфирного тел. И здесь скрывается также разрешение загадки поведения полов... Человек по своей сущности является примечательным организмом; а именно, его эфирное тело лишь частично является оттиском физического тела. В отношении пола все обстоит иначе. У мужчины эфирное тело женское, а у женщины мужское. Пусть это и покажется сначала несколько странным, но более глубокое рассмотрение должно привести к тому, чтобы увидеть этот чрезвычайно значительный факт: в сокровенном каждого человека присутствует нечто от другого пола».

Это описание приподнимает завесу над одной частью тайны, окружающей кошачьих и собачьих. Мы начинаем понимать их «значение». Собаки являют миру мужское тело. Но в нем живет женское эфирное тело; оно определяет характер всего собачьего отряда. Эти животные – безропотные, преданные своему господину и миролюбивые. А мужское физическое тело делает их борцами и защитниками. В диком рыскачем волке на передний план выступают «физические» свойства, также и в мудрой, часто хитрой лисе. А у шакала, и в первую очередь у связанной с человеком домашней собаки сильнее выступают женско-эфирные признаки.

---

<sup>105</sup> Рудольф Штайнер «Mann und Weib im Lichte der Geisteswissenschaft», доклад от 18 марта 1908 г. в Мюнхене, напечатан в GA 56 (Die Erkenntnis der Seele und des Geistes).

Наоборот, у кошек мы находим преимущественно развитым женское физическое тело. Они внешне мягкие, любят умыться и прихорашиваться, и вообще им присущи качества, которые мы должны назвать женскими. Но за этим скрывается мужское эфирное тело, оно-то и расцветает шкуру. Оно же – носитель дикого характера хищника, его агрессивности.



Рудольф Штайнер добавляет к этому еще следующую характеристику: «Женщина во внутреннем несет мужские качества, а мужчина женские. И если мужчина становится борцом в силу своей внешней телесности, поскольку храбрость связана с внешней организацией его тела, то женщина обладает внутренней храбростью, способностью жертвенной отдачи».

Последнее как раз и является физически обусловленным качеством пса; напротив, воинственное поведение прорывается из мужского эфирного тела кошки.

«Мужчина, – продолжает Рудольф Штайнер, – созидая, поглощен тем, что находится вовне. Женщина действует в мире с жертвенным смирением и пассивностью».

Мы можем добавить: то, что у женщины, обусловленное физически, становится беззаветной жертвенностью, проявляется, действуя эфирно, в семействе собак. Таким же образом обусловленная физическим активностью мужчины превращается во взрывную неуравновешенность кошек, коренящуюся в эфирном.

Если мы чуть дальше проследим это рассмотрение, то выявится коренное различие между человеком и хищниками. Разделение полов в человечестве, повлекшее за собой глубокое разделение на мужчину и женщину, выступает в описанном только что царстве кошек и собак не только как разделение на самок и самцов, но пронизывает целые группы животных. Все собаки, самцы ли, самки ли, почти без различий проявляют одни общие черты характера, которыми в роде *Homo sapiens* может обладать только мужчина. И подобным же образом у всех кошек, за исключением только львов, обнаруживаются качества-женщины.

Мы начинаем понимать, что значение полов у человека и у хищников совершенно различно. У человека при разделении на мужчину и женщину возникает столь глубокое различие, что – если перенести его на животных, – оно приводит к двум различным отрядам. Эту тенденцию можно проследить сквозь все семейство млекопитающих. Всюду как раз близко стоящие к человеку животные по сравнению с ним самим проявляют лишь незначительные различия между самками и самцами. Даже там, где к мужским признакам прибавляются рога, различие в физиче-

ском строении и поведении обоих полов относительно невелико.

Только у человека оно проникает так глубоко в телесную организацию и поведение индивидуальности, что возникает почти что два различных биологических вида. Мужчина много мужественнее любого животного-самца, а женщина, даже при всех отклонениях, более женственна, чем любая животная самка. Ибо в человеческом роде разделение на мужчину и женщину происходило таким образом, что этим было охвачено все физически-эфирное тело. Из-за того, что мужчина носит мужское физическое и женское эфирное тела, а женщина, наоборот, женское физическое и мужское эфирное, разделение стало полным. Здесь противостоят друг другу две огромные полярности. Мужчина и женщина – это выражение двух исконных противоположностей.

У животных это не так. Даже если у многих птиц самки и самцы заметно отличаются по расцветке, рисунку перьев и поведению, все же и здесь, по сравнению с человеком, разница минимальна. А там, где эта разница выражена очень сильно – как, например, у насекомых (достаточно вспомнить трутней и пчелиных цариц, или гигантских самок термитов, или огромное различие самок и самцов у пауков) – все дело скорее не в половом диморфизме, а в получившем телесное выражение процессе разделения труда. Трутни заботятся об оплодотворении, на пчелиную царицу возложена «задача» откладывания яиц. Но это лишь внешне связано с полярностью «мужское – женское».

Только выяснив это, мы начинаем прикасаться к двойственности собак и кошек. В них, воплощен образ мужского и женского человеческого тела. Пес – это изображение мужчины, кошка – изображение женщины, если принимать во внимание эфирно-физическую природу человека. Именно поэтому столь особенно положение обеих этих групп по отношению к человеку.

Одно арабское предание из Палестины гласит: «Некогда, когда мир еще был юн и нов, каждому животному была дана одному ему определенная задача. А кошка и пес были освобождены от всякой низкой работы. Пса освободила от всяких обязанностей его верность, а кошку – чистоплотность и опрятность. Им был выдан письменный документ, подтверждающий это решение. Пес забрал грамоту себе и закопал ее там, где обычно прятал старые кости. Но в лошади, осле и воле пробудилась такая ревность, что они подкупили крысу найти это подземное захоронение и уничтожить документ. Так и случилось, и с тех пор пес за свою небрежность был посажен хозяином на цепь, а кошка так его никогда и не простила»<sup>106</sup>. В завуалированной форме сквозь эту историю звучит рассказ о грехопадении. Многие другие легенды и сказки, рассказыва-

---

<sup>106</sup> См. Edward C. Ash: Dogs; Their History and Development. 2 тт. Лондон 1927.



ющие о кошках и собаках, подобным же образом указывают на эту тайну. Например, она затрагивается в различных переложениях сказки о «Бременских музыкантах». Ибо осел представляет физическое тело, пес и кошка эфирное, а кукарекающий, хлопающий крыльями петух – образ души. Только все четверо вместе могут действовать, как один человек.

Трехчленность человеческого организма и полярность кошек и собак.

Если мы снова возвратимся ко второй главе этого описания и еще раз проведем перед глазами морфологические различия между кошками и собаками, то мы сможем теперь это сделать, принимая во внимание различия между мужчиной и женщиной.

Мы указывали, что у собак лучше, чем у кошек проработаны органы чувств и конечности. У кошек, наоборот, сильнее развита нервная система и система обмена веществ. Мы нашли, что собаки больше живут в дыхании, а жизнь кошек определяется больше кровообращением и сердечной деятельностью. Если мы сопоставим эти различия, то получится следующее:

<i>Собачьи</i>	<i>Кошачьи</i>
<i>Органы чувств</i>	<i>Нервная система</i>
<i>Легкие и дыхание</i>	<i>Сердце и кровообращение</i>
<i>Конечности</i>	<i>Обмен веществ</i>

При взгляде на это становится очевидным, что тут представлена как бы разделенная на две части та трехчленность человеческой организации, которую с самых разных точек зрения описывал Рудольф Штайнер, начиная с 1916 г. У собак особенно выделяется система ощущений, дыхание и строение конечностей. Эта сторона открывает, так сказать, «мужской» характер этой группы. И мужчина в среднем больше, чем женщина; ноги и руки у него длиннее и лучше проработаны, чувства острее, его жизнь определяется больше дыханием. Грудная клетка у него больше, плечи шире и дыхание глубже, чем у женщины.

Напротив, женский организм – как и у кошек – сильнее пронизан обменом веществ. С этим связаны регулы, а также возможность забеременеть и приносить развивающемуся плоду необходимое питание. На время беременности изменяется и вся система циркуляции, и сердце испытывает увеличение нагрузки. Не умом, позволяющим мужчине погрузиться в то, «что живет вовне» – но в беззаветном смирении пассивности действует женщина в мире. Это позволяет ей большая проработанность нервной системы.

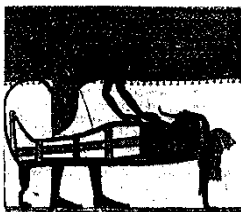
Но теперь еще яснее становится то, что собака физически определяется своими мужскими чертами, тогда как в



ее характере запечатлены женско-эфирные силы. А кошка физически представляет собой отражение женского организма; ее поведение, напротив, находится во власти мужских эфирных сил. У человека здесь происходит обратное. Женское эфирное тело действует определяюще на мужское физическое тело. А мужской характер определяется мужским физическим телом. Наоборот, мужское эфирное тело образует женскую конституцию, тогда как женское физическое тело строит женский характер. Но этих сложных связей здесь можно лишь коснуться. Кто пытается, наблюдая и размышляя, вжиться в эти представления, тот быстро научится понимать особое положение собак и кошек. Они являются выражением действующей во всем творении полярности между мужским и женским. Оба, где и когда они бы не появлялись, несут в себе обе стороны.

Мужественный пес женскую отдачу, женственная кошка мужскую агрессивность. Поэтому Иштар – Венера ассирио-вавилонской мифологии – проявляет как женские, так и мужские черты. Как вечерняя звезда, она являлась олицетворением великой любви и самоотвержен; но-сти. Как утренняя звезда, она являла первозданно мужскую силу и мощь. На ассирийских изображениях она носит большую бороду, и тем самым – подобно богу Ассуру – приоткрывает свою львиную природу<sup>107</sup>.

Тут увидена сущность «царя зверей». Та мужская сила, которая у всех остальных больших и маленьких кошек выражена в агрессивности, прорывается здесь в физическое формообразование. Возникает грива и делает королевского льва – утреннюю звезду – признанным властелином. Он, единственный среди всех кошек, получает мужское тело, хотя и принадлежит женскому роду. В этом двойственность его природы.



В иной форме эго проявляется в культах древнего Египта. Там были две богини, обе имевшие человеческий облик и носившие львиную гриву. Сахмет, «могучая», почиталась в Мемфисе. «Она, богиня войны – как первозданная змея фараона – извергающая огонь»<sup>108</sup>. Ее обратной стороной была богиня Бастет, кроткая и миролюбивая. В руке она носила трещотку танцовщицы и корзину. Египтяне переживали обеих, как «единое». Они говорили об одной личности, которая миролюбива как Бастет и ужасна, как Сахмет. Тем самым они указывали на тайну, что Сахмет представляет мужское эфирное, а Бастет, наоборот, женское физическое тело кошки.

А боги с собачьими и шакальими головами были у египтян мужской

<sup>107</sup> См. Julius Schwabe: Archetyp und Tierkreis. Basel 1951.

<sup>108</sup> Adolf Erman: Die Religion der Ägypter. Berlin 1934

природы. Это были либо боги умерших (Анубис), либо же те, чьи изображения выносились перед сражением. «Открывающие путь» шли перед Озирисом и были его сподвижниками. В качестве атрибутов они носили палицу и лук. Они указывали на физически-мужскую природу пса, и их головы больше были похожи на головы волков. А Анубис, с головой пса, служил умершим, которых он вел к посмертному просветлению. Здесь почиталась и образно изображалась верность и сила самоотдачи эфирной природы собак.

В этих мифологических образах открывается тайна, которую несут с собой собаки и кошки: их мужская и женская организация, сделавшая их с древнейших времен спутниками человека, которому они, однако, предшествовали в своей высшей сущности как групповые души.

## К предыстории кошек и собак

Как теория происхождения, так и палеонтология хищников пока что окутаны мраком. Мы знаем только, что самые древние находки относятся к началу третичного периода, указывая тем самым, что хищники, как и большинство млекопитающих, лишь относительно поздно выступили в земной истории.

У Рудольфа Штайнера есть одно действительно точное указание о времени появления хищников. Там говорится: Что касается сородичей льва, то они начали действовать на Земле только во времена Атлантиды,... как если бы они были вытолкнуты на поверхность из глубины Земли»<sup>109</sup>.

Итак, мы можем представить себе, что отряд хищников возник в начале древней Атлантиды. Эта большая эпоха геологически примерно соответствует третичному периоду<sup>110</sup>.

В это же время началась консолидация физического тела человека. Появился, сформировавшись, язык, развилась способность памяти<sup>111</sup>. Вероятно, в это время проявились первые следы разделения на два пола между мужским и женским человеческим телом. Развившись до крайних точек этой полярности, выделившись из человеческого развития, появились собаки и кошки.



<sup>109</sup> Рудольф Штайнер, «Weltenwimder, Seelenprulnngen und Geistesoflenbamngen», GA 129, 9-й доклад.

<sup>110</sup> См. G. Wachsmuth: Werdegang der Menschheit. Domach 1953.

<sup>111</sup> См. Рудольф Штайнер «Наши атлантические предки» («Из летописи мира»)

Не очень легко представить себе, как выглядели тела этих первых хищников. Но мы можем предположить, что они были гораздо ближе к человеческому облику, чем это стало позднее. Может быть, египетские статуи Анубиса и Сахмет гораздо ближе к истине, чем современные представления, созданные на этот счет палеозоологией.

Во всяком случае, мы могли бы предположить, что различные эскизы, возникшие тогда при формировании мужской и женской телесности, стали кошками и собаками. Ибо тигр и пантера, волк и лиса являются вариациями – эскизами – этого окончательного облика мужского и женского тела.

То, что разделение полов сложилось лишь достаточно поздно, вытекает из другого указания Рудольфа Штайнера. Он говорит:

«Двуполое размножение окончательно выявилось в середине атлантического периода. До этого существовала промежуточная ступень». И об этой промежуточной ступени сказано: «... должен был существовать переходный период между единством полов и их разделением, и действительно могло существовать некоторое промежуточное состояние между тем первоначальным размножением, когда оплодотворение происходило от живущих в Земле сил, бывших одновременно оплодотворяющей субстанцией, и другим, двуполым размножением»<sup>112</sup>.

В этом описанном здесь промежуточном периоде нужно искать эпоху возникновения хищников. Это время первых четырех подрас Атлантиды, эпох рмоагалов, тлаватлей, тольтеков и туранцев. И мы не слишком ошибемся, если возникновение кошек отнесем к двум первым, а собак – к двум последующим эпохам. Таким образом, в середине атлантического времени сформировались телесно не только мужчина и женщина, но Землю населили также предки львов, тигров, пантер, волков, шакалов и собак.

Во время постепенного погружения атлантического континента обе эти группы, стоявшие особенно близко к человеку, двинулись с ним на восток. На образном языке книги Бытия это описано как принятие их Ноем в Ковчег.

Но во время этого странствия собаки и кошки все более отделялись от человека и дичали. Они становились похожими на современных хищников. Шаг за шагом они оставляли соседство человека и искали вольной независимости.

В это время человек, прежде чем он получил силу, двигаясь по обратному пути с востока на запад, чтобы стать основателем послеатлантических культур, должен был найти внутреннюю самостоятельность. И

---

<sup>112</sup> Рудольф Штайнер, «Египетские мифы и мистерии» (Ägyptische Mythen und Mysterien. GA 106), 8-й доклад.

на этом обратном пути с востока на запад он снова соединился со своими потерянными братьями, псом и кошкой. Во время персидской эпохи, второй послеатлантической культуры, приблизились к человеку собаки, а в египетско-халдейский период к человеку снова подошли домашние кошки. На это также имеется указание в докладе Рудольфа Штайнера. Он описывает силу, с помощью которой иранцы пытались приручить волка.

«Животное, заключенное в волке, которого ты видишь как чувственное существо, опустилось, деградировало. Раньше оно не выказывало своих отрицательных качеств. Но ты, если в тебе самом вырастают благие качества, если ты собираешь свои хорошие качества и духовные силы, можешь приручить животное... Тогда ты можешь сделать из волка ручного зверя, который служит тебе»<sup>113</sup>.

Здесь подтверждается наше предположение, что мы должны рассматривать волка как прародителя всех собак; время же их приручения – древнеперсидская эпоха.

А о домашней кошке мы знаем, что она произошла не от европейских диких кошек, но от нубийской буланой кошки. Первые «следы» домашних кошек относятся к египетской культуре. В древней Европе, например в Гальштатскую культуру и свайную культуру, не удастся найти скелетов кошек. А в Египте кошки считались священными, после смерти бальзамировались и хоронились на большом кошачьем кладбище, единственном в каждом городе. Об этом рассказывает уже Геродот. Только значительно позже, в первые века нашей эры, кошки появились у греков и римлян и постепенно вытеснили ласку и хорька, которых раньше держали в доме.

Так пес и кошка снова примкнули к человеку. Сын, потерявшийся в странствии с запада на восток – из Атлантиды в Восточную Азию – был заново обретен в Персии. Сбившаяся и одичавшая дочь снова пришла к человеку в Египте. С тех пор оба стали нашими спутниками и в подлинном смысле слова «домашними» животными.

Но отныне они стоят под влиянием человеческого «Я». Некогда, в процессе человеческого развития, они «выпали» из человечества при телесном разделении полов. Тогда они стали свидетелями грехопадения. Сегодня, после того как совершилось явление Христа, кошка и пес подчинились «Я», ставшему действенным в человеке. Пес стал ему служить. Кошка ищет его соседства. Оба живут в тени его бытия.

Как бы пророчество видится в том, что созвездие Овна, управлявшее эпохой Мистерии Голгофы, в Китае и Сиаме представлялось в образе пса, а в Египте в образе кошки. Ибо Овен символизирует ту девственную

---

<sup>113</sup> Рудольф Штайнер, «Евангелие от Матфея», GA 123, 1-й доклад.

природу человека, в которой не будет больше никакого разделения полов. Он указывает на то время, когда чувственная природа человека явится преображенной и возвышенной в Агнце как возрожденный андроген. Но тогда снова соединятся с ним кошка и пес, обретя освобождение своей судьбы.

# Брат конь

## Введение

Ставшее ныне расхожим представление об эволюции животных и человека тесно связано с понятием «эволюционного дерева». И какой бы род или семейство ни рассматривались, как только встает вопрос о его происхождении, представляют себе некую ветвь, очень давно отделившуюся от более крупной ветви и избравшую собственное развитие. Большие ветви предполагаемого дерева еще и сегодня в основном неизвестны, и если хотят остаться верными самой идее эволюционного дерева, о них приходится говорить гипотетически. Ствол же совершенно теряется в тумане неопределенных представлений.

Таким образом, результатом современной палеонтологии и истории Земли оказывается бесконечное множество веток и веточек, которые, подобно листьям и цветам, изображают живущие и вымершие виды животных. Многие сотни тысяч различных форм известны и описаны. Их можно объединить в различные классы и отряды, из этого возникла величественная и захватывающая систематика зоологии. Но в то мгновение, когда пытаются применить эти конечные результаты к примитивным формам, к простым первоначальным «ветвям» и «сучьям», возникают лишь неопределенные предположения и недоказанные гипотезы. И мы, во всяком случае, убеждены, что в будущем духовнооправданная классификация животных, учитывающая также и их эволюцию, будет возможна лишь на основе идей Лоренца Окена. Этот великий естествоиспытатель однажды следующим образом сформулировал свои взгляды:

«И впоследствии обнаружится, что, например, животное царство – это не что иное, как представление отдельных деятельностей или органов человека, как бы расчлененный человек»<sup>114</sup>.

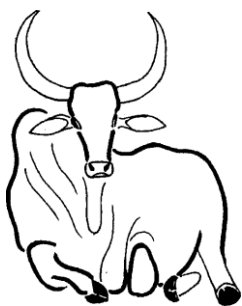
Если действительно принять эту идею и начать проверять ее основательность, то очень скоро обнаружится, что она может помочь, осветив непонятное. Ибо то, что до этого казалось бессмысленным и как бы случайным, станет полным смысла и поэтому понятным<sup>115</sup>.

Вместо эволюционного дерева возникают тогда большие или меньшие группы, круги форм, в которых проявляются сходные формирую-

---

<sup>114</sup> Lorenz Oken: Lehrbuch der Naturphilosophie. Jena 1831.

<sup>115</sup> См. Hermann Poppelbaum: Tier-Wesenskunde. Dornach, 1954.



щие тенденции. Так, например, млекопитающие Австралии, несмотря на то что они развивались совершенно отдельно от других млекопитающих, образовали похожие облики. Рихард Гертвиг пишет об этом следующее:

«В своей теперешней сфере обитания, приспособляясь к аналогичным условиям жизни, сумчатые избрали совершенно такое же развитие, как и плацентарные млекопитающие на остальной Земле, так что каждому отряду (хищники, грызуны, насекомоядные, копытные) можно поставить в соответ-

ствие какую-то группу»<sup>116</sup>.

Ни условия жизни в Австралии не были подобны тем, которые были на остальной Земле, ни сумчатые не должны были «приспосабливаться» к окружающей среде. С самого начала они уже были приспособлены и поэтому могли проявить формы, ставшие сумчатыми хищниками, грызунами и копытными. Эти образующие тенденции, присущие всему кругу форм млекопитающих, проявляются либо в нервной системе и системе органов чувств (грызуны), либо особенно раскрываются в ритмической системе (хищники), либо выступают в системе конечностей и обмена веществ (копытные). Здесь ствол-прообразом является трехчленный человек, и из него подобно ветвям раскрываются эти три отряда млекопитающих.

Вообще нужно перейти к тому, чтобы чаще заменять слово «развить» словом «раскрыть». Это гораздо вернее соответствовало бы самому ходу эволюции, и тогда постепенно освободились бы от представлений, приобретенных из дарвинизма и менделизма. Не существует одного-единственного эволюционного дерева, вдоль основных ветвей которого развивались все животные. Каждая земная эпоха образует свой особый круг форм, в центре которого, как формирующая тенденция, господствует прообраз – «человек».

Все большие круги форм – как, например, рыб, членистоногих, иглокожих, млекопитающих и других – расчленены на некоторое число меньших кругов форм, которые в рамках собственной сферы снова воспроизводят свой прообраз. Поэтому австралийские сумчатые раскрылись таким же образом, как и млекопитающие на остальных континентах – возникли копытные, грызуны, хищники, в каждой группе при раскрытии снова проявлялись подобные тенденции.

Так, с отрядом хищников связана целая группа животных, которые предназначили себя для жизни в воде: тюлени. Подобная же мемамор-

---

<sup>116</sup> Richard Heitwig: Leintuch der Zoologie. Jena 1916.



фоза произошла в отряде копытных – плавающими стали киты и дельфины. Та же самая тенденция проявляется среди грызунов у бобра.

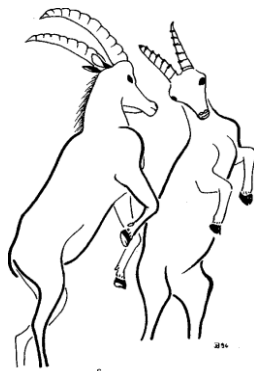
Такие способы раскрытия-развития не имеют ничего общего с приспособлением. Они лишь показывают, что каждый круг форм представляет собой некий замкнутый в себе целостный облик, прислушивающийся в развитии к одним и тем же образующим тенденциям. Тюлени, дельфины, киты и бобры – это живущие в воде члены своего высшего порядка.

Даже птицы посылают часть своей сущностной общности в глубины мирового океана. В Антарктиду – пингвинов, а в Арктику вплоть до прошлого столетия бескрылых гагарок. Из совершенно разных семейств в максимально отдаленных друг от друга точках Земли образовались похожие виды.

Животное царство как таковое – это во всех своих формах все снова и снова повторяющийся пример этой воли к раскрытию. За этим стоит всеобъемлющая закономерность; но эта закономерность – сам человек. Он не венец, а сокровеннейшее ядро всего творения.

Это ядро открывается в каждом большом или малом круге форм так, что внутри имеется один особый вид, который с наибольшим совершенством старается как можно ближе подойти к задуманной тут форме. Все остальные виды и роды располагаются, как более или менее хорошие вариации, вокруг этой центральной фигуры. Восприятие прошлого называло такие совершенные формы «царями». Так, льва называют царем зверей, орла – царем птиц. Еще сегодня самых больших и красиво окрашенных пингвинов называют императорскими. А кто усомнится в том, что среди собак ближе всего к прообразу волк?

Правда, мы не можем положиться на эти питаемые ощущениями представления, ибо тогда слишком много симпатий и антипатий затуманит истинный образ явления. Но, несмотря на это, мы должны начать учиться мышлению в новых категориях, чтобы приблизиться к тем формирующим тенденциям, которые деятельны в природе.



## Копытные или травоядные

Приведенное выше рассуждение было необходимо как основание для последующих рассмотрений. Ибо конь – это совершенно особый член большой группы копытных. Они, в свою очередь, принадлежат к еще большей группе плацентарных, то есть тех животных, чьи эмбрионы

развиваются в материнском организме с помощью плаценты.

Сами копытные по гениальной концепции Рихарда Оуэна подразделяются на непарнокопытных и парнокопытных. Непарнокопытные – гораздо более малочисленный, а по родам и видам гораздо более ограниченный круг форм. Он охватывает, кроме лошадей, еще тапиров и носорогов.

К самому лошадиному семейству относятся также зебра и осел.

Второй отряд, парнокопытные, несравненно обширней. Он делится на две основные группы: жвачные и нежвачные. К последним относятся гиппопотамы и многочисленные виды свиней. Жвачные же охватывают близкие к нам и известные с детства семейства, определившие наши представления о животном царстве: тут быки, ламы и жирафы, зубры и буйволы, козы, овцы и горные козлы, а также быстрые газели и антилопы, косули, олени, северные олени, лоси и многие другие. С большинством из них глубоко связано наше детство. В душевном пространстве нашей жизни они живут как близкие спутники.

Все они, и парной непарнокопытные, имеют много общих черт, которые определяют их как травоядных. Никто из них не кажется ни чрезмерно великим, ни поразительно малым. Скорее они являют целую шкалу от неуклюжей тяжеловесности до тонкого изящества, от бесформенных носорога и бегемота – через зубра, быка и верблюда – к оленю, серне, антилопе и газели. Это выразительная картина последовательного ряда форм парнокопытных. В ней можно увидеть вариабельность, возникающую из телесного покрова и игры мускулов. Тело носорога, покрытое массивными роговыми пластинами, облекающими его подобно панцирю, который превращает ноги в колонны, способные нести такую тушу – это один полюс. Другой образован прелестными изящными газелями и антилопами, чьи стройные и подвижные конечности в воздушном прыжке несут легкое тело через степи и пустыни.

Лишь жирафы вытягивают длинную шею, доставая до самых крон и составляя как бы исключение из общего правила травоядных. А большинство других родов и видов придерживаются человеческих размеров, и лишь изредка преступают их. У больших жирафов тело тоже относи-

тельно маленькое, только шея и конечности превышают обычные размеры. Здесь проявляется неуклюжесть и грация, бесформенность и изящество.

Другой существенный признак, может быть, еще более нагляден, ведь он приводит к образованию нового органа. На концах ног образуются копыта, а на голове многообразнейшей формы выросты из роговой и костной субстанции. Это



одна из замачательнейших способностей травоядных, создавать себе выросты-рога, а конечности завершать и уплотнять копытами.

Нам нужно научиться познавать оба этих образования, морфологически соотносящиеся одно с другим: вверх – продолжение головы, вниз – копыта. Если рассматривать их с точки зрения полезности, то это уведет на ложный путь, поскольку ни рога нельзя рассматривать как оружие в борьбе за существование, ни копыта как помощь в беге. Когда удар копыта ошеломляет соперника, а рога отгоняют врага, то это то же самое, как в известном вартбургском анекдоте. Мастер швырнул чернильницу в наседавшего на него черта. И насколько можно в обычном смысле слова говорить о чернильнице как оружии, настолько и рога можно называть орудием защиты или нападения.

Рогам чуждо какое-либо рабочее применение. Это родственные либо коже (полые рога), либо скелету (рога оленей) образования<sup>117</sup>, несущие вверх и вовне то, что не может вполне раскрыться внизу или во внутреннем. Ноги завершены копытами и тем самым как бы запечатаны. А наверху распускается и раскрывается новый орган в удивительном многообразии и красоте.

То, что копыта и головные наросты являются взаимно определяющими формами, становится сразу ясным и очевидным, если мы сравним в этом отношении парной непарнокопытных, поскольку у парнокопытных парными являются также и рога. Они образуются как симметричный относительно основания орган. У носорога, как у непарнокопытного, напротив, рог в центре морды. А если появляются два рога, то они располагаются по средней линии носа друг за другом, а не рядом. Это показывает, что «непарность» действует вплоть до образования рогов, равно как и «парность», образующая симметричные рога.

Мы напали на след следующего основополагающего принципа, обуславливающего облик копытных. Неповоротливость и изящество определяют телесную форму. Сама же эта форма оказывается как бы в поле напряжений между головными отростками и копытами. Тут совместно действуют две формообразующие тенденции: одна вылепливает очертания тела, а другая завершает его снизу и открывает вверх.

Та формообразующая сила, которая придает телу очертания, внутренне связана с образованием волосяного покрова и тем самым с выработкой и



<sup>117</sup> Рога оленей – они образуются на костных выростах лобных костей, это по сути окостеневающий отросток, не покрытый роговым чехлом – отличаются от рогов других животных. В немецком языке они называются *Geweihе*, а рога быков, козлов и др. Номер. (Прим. ред. рус. изд.)

сохранением тепла. Все травоядные, как и человек, теплокровные. Сила, определяющая телесные очертания, укоренена в шерсти и крови.

Другая формообразующая тенденция, формирующая рога и копыта, связана с кожей и костями. Здесь действуют кремний и известь, придающие головным отросткам бесчисленные формы.

Обычно рог сообщает голове определенную тяжесть – достаточно вспомнить о буйволах и зубрах, быках, гну и бонго. Только когда масса рогов как бы растворяется благодаря сильно витой форме (куду, антилопы, горные козы, стейнбеки), они уподобляются парящему облику олених рогов. Оленьи же рога словно приподымают голову. Подобно особому органу чувств, принохиваясь и ощупывая, вырастают они в окружение. Сила кремния определяет форму оленьих рогов, в других рогах действует образующая сила кальция<sup>118</sup>.

То, что в роге быков или козлов еще напоминает копыто, преодолено оленьими рогами. Попельбаум следующим образом характеризует эту полярность: «В обычном роге череп выпускает в окружение отросток, но из-за отмершего покрова снова замыкается в себе и замыкает образующие силы головы... Голова же оленя, несущего рога иного рода, все снова открывается вовне. Поэтому и темперамент этих животных более живой, бодрственный и сильный, в их глазах больше выражения, а в движениях гибкости».

Только одна группа, кажется, уклоняется от этого общего описанного нами только что правила: лошади. У них очень сильные и вполне сформировавшиеся копыта. А лоб не увенчан никакими выростами.

На это можно было бы возразить, что свиньи и тапиры тоже обходятся без рогов. Но вместо этого у них – у каждого на свой лад – развился хобот, удлинившийся нос, заменивший то, что иначе как рога или отростки венчает лобную кость. Кроме того, у свиней часто вырастают мощные клыки; здесь в челюсти развивается то, что не раскрылось на голове.



Одни только лошади, в компании своих ближайших родственников, осла и зебры, поднимают голову принохиваясь, ощупывая, раздувая большие ноздри, не будучи отягощенными рогами или выростами. Это ставит их на особое место во всем круге форм копытных.

<sup>118</sup> См. также Georg Ritter. Hörn und Geweih. Kalender 1935-36, из-во математически-астрономической секции Гетеанума.

## Лошадь и травоядные

Мы уже говорили, что непарнокопытных несравнимо меньше, чем парнокопытных. Зато к ним относится много сегодня уже вымерших видов.

«Историческое прошлое Земли... доказывает..., что время расцвета непарнокопытных прошло. Тройссарт насчитывает 131 ископаемый род и подрод с 517 видами и подвидами»<sup>119</sup>.

Напротив, парнокопытные сегодня находятся еще в периоде своего расцвета и раскрытия, насчитывая очень большое число родов и видов и населяя все континенты, кроме Австралии и Новой Зеландии.

Итак, конь как бы восходит из прошедших времен земного развития в современность, и все же он один из ближайших друзей человека. Или он всегда был его братом?

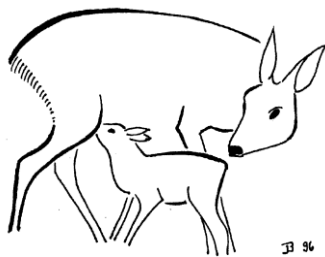
Немного существует родов, палеонтологическое развитие которых мы можем проследить так же хорошо, как развитие лошади.

Ее ранняя история может быть прослежена по остаткам, найденным почти исключительно в Америке. Самая примитивная форма происходит из эоцена, первой эпохи третичного периода, который мы можем отождествить с раннеатлантическим развитием. Лошадь тогда выступает как зогиппус и развивается в течение этого периода в орогиппуса и эпигиппуса. Эти три лошадиных предка проявляют явное сходство в своем строении с современной лошадью, они только значительно меньше. Эои орогиппус по величине были приблизительно как домашняя кошка. Нога была еще построена не на одном среднем пальце, но ясно присутствовали также второй и четвертый. Челюсть была не так специализирована, как у сегодняшней лошади.

Мы можем предполагать, что первые родственники лошади были маленькими и расторопными животными. Такой хороший знаток, как Абель, считает:

«Древнейшие лошади не были жителями степей, это были маленькие зверьки, по всему виду и облику их следует поставить гораздо ближе к маленькому чилийскому оленю пуду или к яванскому малому канчилю (*Tragulul*), чем к маленькой лошади»<sup>120</sup>.

Оба, малый канчиль и олень-пуду, принадлежат к самым маленьким из ныне живущих копытных. Они не выше 20-30 см, а



Д 36

<sup>119</sup> См. Брем «Жизнь животных».

<sup>120</sup> Othenio Abel: Paleobiologie und Stammesgeschichte. Jena 1929.

длиной, включая хвост, 40-50 см. Малый канчиль – это скорее карликовая кабарга, пуду – настоящий олень.

Затем Абель продолжает: «Маттье обратил внимание на то, что древнейшие лошади были, видимо, жителями лесных чащ, питавшимися в основном мягкой листвой и нежными травами».

Затем развитие продолжалось дальше. Во время омиоцена, миоцена и плиоцена, эпох третичного периода, число лошадиных предков постепенно увеличивается. Образуются формы мезогиппус, меригиппус и плиогиппус, и в конце концов почти достигают величины ныне живущих лошадей. Одновременно исчезают боковые пальцы, и единственным носителем все возрастающего веса лошадиного тела становятся средние пальцы на передних и задних ногах. Челюсть унифицируется, уменьшаются клыки, предкоренные зубы и превращаются в коренные. Рисунок 1 отчетливо показывает различия по форме и размерам в строении головы некоторых видов атлантических лошадей.

Из многочисленных остатков можно вывести еще много частных, нет нужды входить в них подробнее. Существенным же является следующее: едва появившись, тип плиогиппус вымирает на американском континенте. В отложениях плейстоцена не встречается больше лошади, и так продолжается «до тех пор, пока они снова не были привезены в Америку человеком»<sup>121</sup>.

Зоологи и палеонтологи чрезвычайно удивлены неожиданным исчезновением живших в Америке древних лошадей; некоторые предполагают, что какая-то эпидемия почти полностью искоренила весь род, и только маленькие группы спаслись через Аляску и существовавшие тогда перешейки в районе Алеут и перебрались на Камчатку и в Восточную Азию.

Фактически случилось так, что только в 16-17-м столетиях, после повторного открытия Северной и Южной Америк, европейцы снова завезли туда

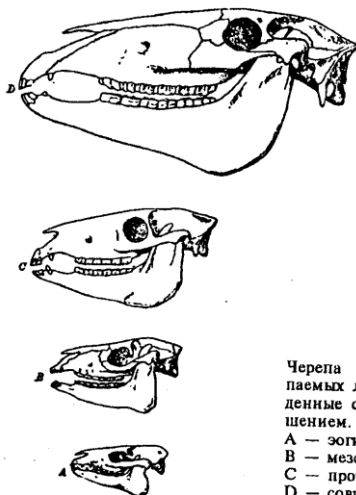


Рис. 1.

Черепы современной и ископаемых лошадей, воспроизведенные с одинаковым уменьшением.  
А — эогиппус,  
В — мезогиппус,  
С — протогиппус,  
D — современная лошадь (из книги Абеля).

<sup>121</sup> J. Z. Young: The life of Vertebrates, Оксфорд, 1950.

лошадей. Никто из живших тогда индейцев и ацтеков не знал раньше этих животных. И все же прародина лошадей и копытных – американский континент.

Из многочисленных остатков можно вывести еще много частных, нет нужды входить в них подробнее. Существенным же является следующее: едва появившись, тип плиогиппус вымирает на американском континенте. В отложениях плейстоцена не встречается больше лошади, и так продолжается «до тех пор, пока они снова не были привезены в Америку человеком»<sup>122</sup>.

Зоологи и палеонтологи чрезвычайно удивлены неожиданным исчезновением живших в Америке древних лошадей; некоторые предполагают, что какая-то эпидемия почти полностью искоренила весь род, и только маленькие группы спаслись через Аляску и существовавшие тогда перешейки в районе Алеут и перебрались на Камчатку и в Восточную Азию.

Фактически случилось так, что только в 16-17-м столетиях, после повторного открытия Северной и Южной Америк, европейцы снова завезли туда лошадей. Никто из живших тогда индейцев и ацтеков не знал раньше этих животных. И все же прародина лошадей и копытных – американский континент.

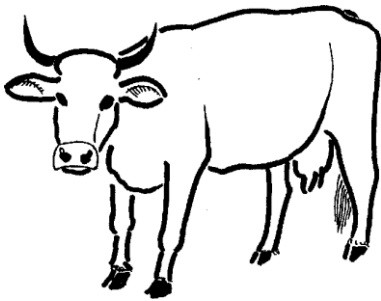
Загадка начала разгадываться, когда появились духовнонаучные сообщения Рудольфа Штайнера о древней Атлантиде, подобно ключу отомкнувшие историю эволюции лошадей. Этот огромный континент разрушался в результате водных катастроф при переходе к плейстоцену (делювий или ледниковый период). Наступили эпохи ледникового периода, и часть за частью Атлантида погружалась в увеличивающийся Атлантический океан. С ней погбло и большинство живших тогда животных, исчез и плиогиппус.

А из уцелевших остатков в Европе и Азии развились среди совершенно новых условий живущие сегодня лошадиные расы. Только теперь они превратились в жителей широких степей и пастбищ.

Абель пишет об этом следующее: «Сегодня лошади живут и в холодных, сухих, высокогорных районах Центральной Азии, и в африканских степях масаи, где... огромными стадами пасутся, или по крайней мере паслись до недавнего времени зебры. Однако в ледниковой Европе мы находим не только лошадей, соответствующих живущим ныне в азиатских высокогорных степях,



<sup>122</sup> J. Z. Young: The life of Vertebrates, Оксфорд, 1950.



и тем самым доказывающих существование в плейстоцене в Европе степных лошадей; но в ледниковом периоде в Европе жили также лошади-обитатели леса и тундры, происшедшие как бы из геологических отношений и из характера фауны той поры».

С помощью схематично намеченных здесь феноменов мы можем составить себе самую первую картину развития лошадиного типа. Из маленьких, почти незаметных, населяющих густые мелкие заросли млекопитающих развились животные, которые становились все больше и больше и в конце атлантического периода приняли облик и достигли размеров современной лошади.

Одновременно раскрылись все остальные млекопитающие, особенно копытные травоядные. Наряду с лошадьми появились тапиры и свиньи, образовались жирафы и носороги, приняли свой теперешний облик буйволы и бизоны, овцы и козы, антилопы и серны. Раньше всего на заре Атлантиды появляются нежвачные: свиньи, гишпопотамы и маленький вид бабирусса. Позже, в олигоцене, выступают мозолоногие, как, например, лама, двугорбый и одногорбый верблюды. Одновременно проявились карликовые кабарги (мы уже упоминали малого канчиля). Начиная с миоцена – что соответствует приблизительно середине атлантической эпохи – вступили в развитие жирафы, быки и все виды антилоп. Незадолго перед этим появились многочисленные виды оленей<sup>123</sup>.

Здесь наблюдается бесконечное множество форм, обликов и видов. Все они – копытные, у всех есть рога или отростки на голове, кроме того, они обладают еще не рассмотренной характеристикой, сильно влияющей на их существо и темперамент: все они преимущественно травоядные, постепенно они развивались в жителей лесов и травянистых равнин. Появившиеся в это же время хищные звери являются настоящими охотниками. А копытные пасутся на лугах и в степях. Они разрезали густые леса Атлантиды и преодолевали слишком пышно разросшуюся растительность. Благодаря их образу жизни Нифльхейм древнего мира – страна холода, царство мертвых в германской мифологии – начал просвечиваться светом солнца. Появлявшиеся копытные расчищали слишком густую атмосферу, просветляли пар и туман атлантического мира, противопоставив слишком пышной вегетации переваривающе-

---

<sup>123</sup> Это описание примыкает к указаниям, содержащимся в упомянутой уже выше книге Янга.

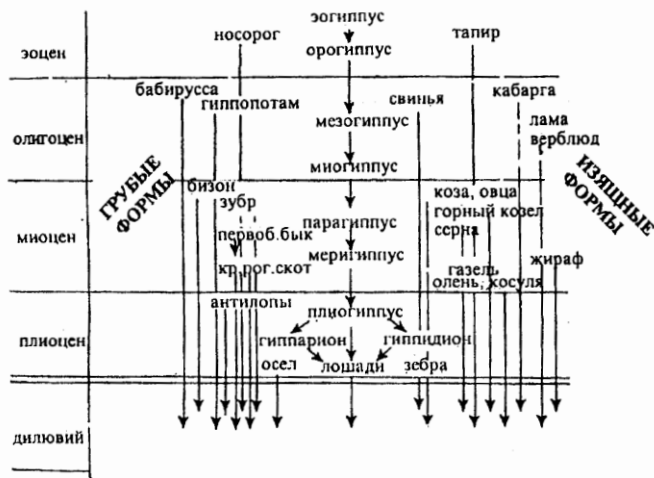


усваивающие силы.

Здесь мы касаемся одной из тайн, которая выступает перед нами в пастбищных животных. Они, прежде всего жвачные, преобразуют зеленую растительную субстанцию в белое молоко. Это метаморфоза, которая относится к просветлению земного мира. Некогда, в глубокой древности, вся атмосфера была пронизана мировым молоком. Тогда еще дыхание и питание были единым процессом. Затем это разделилось, прием пищи и вбирание воздуха стали независимыми друг от друга процессами<sup>124</sup>.

Копытные ускорили это развитие. Они не только странствовали по Земле; они выедали луга и леса и превращали съеденную зелень в пита-

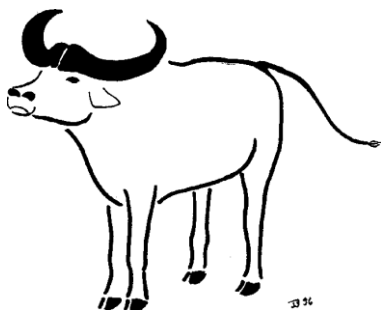
тельную белизну молока. Они проделали подготовительную работу для тех из людей, кто позже стали крестьянами. Теперь уже нетрудно понять, почему быки и свиньи, козы и овцы снова «были найдены» людьми. Они изначально подготовили почву, на которой человек смог затем пахать и боронить, сеять



и собирать урожай.

Чем же были при этом заняты лошади? Не прошли ли они мимо, как бы незатронутые этим? Разве они – не старейшие среди копытных, восходящие к самому началу атлантической эпохи? Они не увенчивали себя рогами, но придерживались в развитии середины пути, с тем чтобы остальные смогли отклониться в ту или иную сторону для выполнения

<sup>124</sup> См. следующие указания Рудольфа Штайнера: «Так, например, в то время, когда лемурийское развитие были в самом расцвете, не существовало еще такого, как сегодня, дыхания и питания. Субстанции были совсем иными, и оба процесса были в определенном смысле едины, и только потом разделились. Человек принимал в себя водянистую, напоминающую молоко субстанцию, и это давало ему одновременно то, что сегодня он имеет раздельно в дыхании и питании». («Мир, Земля и человек», GA 105, 7 доклад, август 1908).



своих специфических задач.

Подобно королю и властелину, развивался конь всю атлантическую эпоху. Он был предназначен к тому, чтобы противопоставить Земле на задних и передних ногах единственный средний палец, и тем самым создать совершенное равновесие между силой тяжести и легкостью.

Как человек – мера всех вещей, так конь может быть назван мерой всех копытных. Он неуклонно развивался к своей земной цели: носить на спине человека, везти его повозку, крутить колеса его телеги. Конь развивался к человеку! Все копытные служат Земле. Так конь становится нашим братом, а копытные – дальними и ближними родственниками.

## Копыта и конечности лошадей

Ни у какой другой группы травоядных копыта не достигли той степени совершенства, как у лошади. Конь, зебра и осел развили эти органы столь четко и законченно, что едва ли что-то может напомнить об их происхождении. А ведь все копыта образовались из ногтей пальцев. У большинства парнокопытных это еще можно ясно увидеть, поскольку роговая часть, копыто, одевает только переднюю сторону стопы. У лошади же, напротив, она образует почти замкнутое кольцо, охватывающее огромный средний палец. Анатомическое строение этого органа сложно. Оно таково, что одновременно обеспечивает крепость, эластичность и непрерывное обновление. Копыто состоит не из простых загнутых пластин, а из многочисленных маленьких роговых трубочек, которые, тесно пригнанные друг к другу, придают ему прочность и эластичность. В центр копыта входит последняя фаланга, ножка копыта, заканчивающаяся подушечкой из игл – маленькой, образованной из хряща, жира и связующих тканей. Она образует в ороговевшем копыте эластичный слой, собирающий давление ножки копыта и переносящий его на внутреннюю поверхность копыта. На нижней стороне копыта игольчатую подушечку покрывает роговая подошва и задубевшая кожа, и защищает его от непосредственного соприкосновения с почвой.

В копыте существует своего рода сустав. Его головкой является конец пальца, он входит в собственно копыто, а промежуточной опорой служит игольчатая подушечка. Все суставы – чрезвычайно чувствительные органы, их и описывать нужно почти как орган чувств, в котором совместно действуют чувства осязания, жизни и собственного движения, и

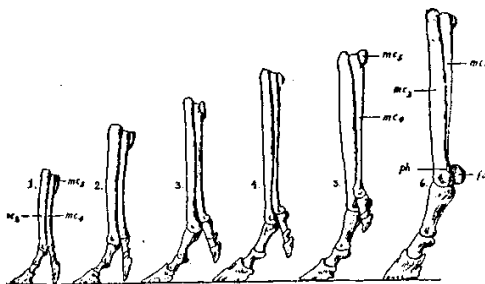
тем самым передают постоянное смутное сознание места и положения тела. Копыта – это подсознательные органы чувств, позволяющие лошади так ощупывать и касаться земли, что каждый удар копыта является чувственным переживанием. Как чутка лошадь к любому заболеванию копыта или к плохо сидящей подкове! Раньше об этом мог бы рассказать любой кузнец. Таким образом, копыто – это не только средство опоры, как чаще всего полагают, скорее это орган чувств, который можно сравнить с неким искусно образованным и увеличенным «осязвающим глазом», или «осязвающим ухом». У лошади этот орган, по видимому, развит особенно хорошо.

Если принять во внимание этот факт, то тотчас возникает вопрос: в чем причина этого развития; почему копыта развились у всех травоядных, но особым образом – у лошади? Можно ли это понять из того, что мы изложили выше? Попытаемся отыскать причину того, что у копытных есть копыта.

Еще раз вернемся к эволюции лошади и рассмотрим истинное формирование конечностей, которое можно проследить на рисунке.

*Боковые проекции скелетов  
левых передних конечностей  
шести североамериканских  
лошадей третичного периода.  
Выполнено с одинаковым  
уменьшением:*

1. *Mesohippus*,
2. *Miohippus*,
3. *Parahippus*,
4. *Meryhippus primus*,
5. *Meryhippus eohipparioii*,
6. *Pliohippus* (из книги О. Абеля).



Тут изображены последовательные стадии развития передней ноги от мезогиппуса до плиогиппуса. Что они показывают? Прежде всего мы наблюдаем увеличение и удлинение костей среднего пальца. От вида к виду размер этих костей увеличивается. Одновременно можно видеть, как палец отодвигается от земли и все больше и больше вытягивается. Угол, образованный костью пальца и костью голени (предплечья), на глазах открывается и становится все больше. То есть стопа из более горизонтального переходит в более вертикальное положение. Здесь ясно проявляется процесс выпрямления, некогда имевший место в стопе лошади. Можно наблюдать, как четвертый палец постепенно отдаляется от земли, удлиняющийся третий палец поднимает его за собой, и по-

сколько он теряет под собой почву, то из-за этого дегенерирует.

Рудольф Штайнер часто говорил о выпрямляющей силе, пронизывающей человека и придающей ему вертикальное положение. Подобная же сила – правда, в меньшей степени и в иной форме – действует и в животном царстве. У травоядных, особенно у лошади, о ней можно заключить по эволюции конечностей. Что мы можем вывести из этого?

Все копытные во время атлантической эпохи были захвачены процессом выпрямления. Не таким, который пронизал и сформировал человека, но все же подобным. Только у копытных выпрямляющая сила действовала так, что их конечности вытягивались, они становились на пальцы и благодаря этому приподнимались в поле земного тяготения.

Так же, как маленький ребенок, когда его спрашивают, каким он будет, поднимается на носки и вытягивает руки, поступили некогда все копытные. Вытянув конечности, они чуть-чуть выпрямились, поднялись из поля тяготения Земли. Некоторые звери пытались даже подражать человеку и пробовали выпрямить позвоночник, но, как у медведя и кенгуру, это осталось лишь жалкой попыткой.

Таким образом, здесь дело вовсе не в каком-то процессе приспособления, якобы приведшем у лошади к особому развитию одного пальца. Разве в этой так называемой «борьбе за существование» на одном пальце крепче стоять, чем на пяти? Ведь и парнокопытные удачно пережили последние тысячелетия, хотя все это время они предпочли пройти и пропрыгать на двух пальцах вместо одного. И четырех и пятипалые животные двигаются также быстро, как и одно и двухпалые. Здесь совершенно ни при чем какое-то приспособление!

Это скорее процесс выпрямления, пронизывающий копытных. У лошадей было мужество и внутренняя сила встать только на средний палец и жить как бы танцуя, освобождаясь от силы тяжести. Парнокопытные предпочли выбрать более надежное равновесие, балансируя на третьем и четвертом пальце.

Но и парно и непарнокопытные получили копыта; должно было явиться как бы некое противодействие силе выпрямления, пронизывающей конечности. Этой столь сильно стремящейся вверх тенденции снизу было дано некое завершение: интенсивное ороговение создало копыто. Это ни с чем не сравнимое приобретение в царстве животных.

Но подобный процесс выпрямления и вытягивания действует не только в конечностях, он пронизывает все животное, и в верхнем полюсе, в области лба и носа, приводит к появлению рогов. Это как бы поднятые руки вытягивающегося ребенка.



Поскольку копытные становятся на пальцы и изменяют свое отношение к силе тяжести, они сильнее выступают в «поле» легкости земной периферии. Они «чуют» эту новую сферу, балансирующему и танцующему животному открывается пространство света. Эта световая эфирная область тоже творит свои органы: рога.

Лишь лошади – с ослом и зеброй – это не коснулось. Ее копыта столь совершенны и так действуют внизу, в поле тяжести, что вверху образующим силам как бы ничего не достается.

Далеко не все рогатые звери поднимают голову в эту световую сферу. Гну и бизон, буйвол и многие бараны наклоняют рог ближе к земле, чтобы он вырос над головой. Этот процесс поднятия и просветления полностью совершается только у оленей. Сила легкости пронизывает скелет и позволяет подняться из него вверх этому творению. Каждый год оно сбрасывается, заново обновляется, появляясь во все более прекрасном и величественном виде. Олень и вапити, косуля, лось и северный олень – это вершина в отряде копытных.

Теперь становится понятным, что же скрывается в том, что прежде могло предстать перед нами как феномен.

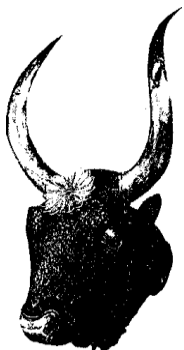
В царстве обликов копытных вверх и вниз действует выпрямляющая сила. На полюсе тяжести она образует копыта, на противоположном, полюсе легкости, она становится творцом рогов.

Рога – как и копыта – скрытые органы чувств. Ибо они расширяют способность восприятия своих обладателей.

Оленьи рога вслушиваются – видящим осязанием и осязающим видением – во внешний мир. Они воспринимают дыхание ветра, приносящего животному запахи и цвета. Рог других животных вслушивается больше в пространство собственного тела и смутно ощущает шум крови и течение жизненных соков.

Эта полярность обнаруживается и в различии субстанций, составляющих те и другие рога. Ведь костная ткань – это нечто иное, чем кожа и ороговевшая ткань. Полный рог стремится всегда к округлению, а оленьи рога – костные отростки – создают аксилльные образования. Костный отросток выявляет силу устремления, полный же рог – тенденцию к завершению, осуществляемую тангенциальными, касательными, силами. Олений рог растет от центра к периферии, бычий же рог, наоборот, образован концентрически от периферии к центру. Олений рог несет в себе лучистую силу видения, другие рога – покой слушания и вслушивания. А копыто?

Однажды в двух связанных друг с другом докладах Рудольф Штайнер показал, как в облике и организации трех находящихся в среднем ухе косточек можно узнать метаморфозу скелета руки и ноги. Молоточек, наковальня и стремячко, растянутые между барабанной перепонкой и



ухом, представляют три превращения стопы, голени, коленной чашечки и бедра. Там говорится: «И так же, как обеими ногами они ощущают Землю, так головками маленьких косточек уха они ощущают барабанную перепонку. Только земная стопа образована слишком грубо. Поэтому подошвами они едва ощущают почву под ногами, тогда как такой преобразованной рукой или ногой, находящейся в ухе, они постоянно воспринимают тончайшие колебания барабанной перепонки»<sup>125</sup>.

Также и все копытные, а особенно лошади, чувствуют под ногами колебание почвы. Поскольку они касаются земли только одним или двумя пальцами, то это касание куда больше является процессом переживания, чем механическим действием. Тот, кто видел, как прыгают и скачут газели и олени, косули и горные козы, тот не мог не пережить этого ощущения парения. Горная коза, поднимаясь, едва касается гребня; а антилопа летит над широкой степью так, как будто ее несет стремящаяся вверх сила легкости. Копыто, вслушиваясь, касается земли; оно ощущает вибрацию дрожащей под его легким ударом опоры и дает прислушивающемуся животному чувство надежности в преодолении тяжести.

Кто наблюдал лошадь, когда она бегает на свободном выпасе, бывал поражен ее пронизанной силой грацией. И возникает впечатление, что ритм ее движения, сопровождаемый глухим звучанием как бы трамбующей мелодии удара, является необходимой частью этой единственной в своем роде моторики. Прислушиваясь, лошадь воспринимает ритмичный цокот ударов и, пользуясь этим, задает такт совершающемуся движению. Подобно дирижеру, руководят чуткие копыта каждым изменением и всем ходом движения.

Олени открываются своими рогами эфирному полю света. Коровы и быки смутно ощущают внутри себя переливы звонов. А лошади в шаге и в беге создают свой собственный мир звуков, безотчетно воспринимаемый копытами. Все это: оба вида рогов и копыта – представляют собой органы чувств.

---

<sup>125</sup> Рудольф Штайнер, «Образование человеческого уха», доклад от 29. 11. 1922, и GA 348 (Über Gesundheit und Krankheit). Это указание Р. Штайнера касается человека и метаморфозы его образующих сил от одной инкарнации к другой, и тем самым изначально не связано с совершающимся в ходе эволюции превращением первоначальных челюстных костей у нижних позвоночных в косточки млекопитающих.

## Аллюры лошадей

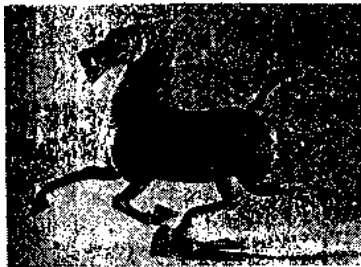
Хотя конь и относится к самым большим копытным, обладает массивным телом и мощными ногами, его движения удивительно разнообразны. Грაციозный, огненный, изящный, гневный, сильный, плавный, свободный – вот лишь некоторые из множества регистров, из которых возникает его моторика. Конь объединяет в себе то, что у других травоядных – вспомним газель, быка, стенбека, жирафа и бизона – превратилось в специализированные двигательные способности. Потому он является единственным животным, которое может научиться двигаться в такт музыке: его можно учить различным, ему от природы не свойственным аллюрам и походкам. Венская «высшая школа» достигает здесь удивительных результатов. Одно только зрелище искусства верховой езды может стать незабываемым музыкальным переживанием.

Многообразие моторики подтверждает центральное место лошадей в круте форм копытных. В них соединяется то, что разделено по остальным видам.

Тело лошади, даже будучи мощным, тяжелым и массивным, как бы пронизано живой гармонией. Несмотря на непропорционально тонкие лодыжки, сильно расширяющиеся в бедре задние конечности, как бы подвешенное между четырьмя ногами-столбами туловище, несмотря на чрезмерно длинную голову и кряжистую шею, все же всегда в той или иной мере присутствуют грация и благородство. Выступающие тут перед нами прелесть и гармония куда меньше связаны с формой тела, чем с грациозностью движения. Весь род и способ того, как поднимается и ставится нога, как поворачивается шея, как легко колеблется в беге туловище, обуславливает это впечатление. Не сам облик, но движения животного – вот причина царящей здесь гармонии.

Прибавьте к этому еще внутреннюю подвижность и чувствительность лошади. Через тело постоянно проходит легкий трепет; под кожей то появляются, то исчезают жилки. Сама же кожа легко морщится, создает складки и тут же снова разглаживается. Кажется, тело постоянно охвачено возникающими ощущениями. Лишь близость человека, его дружеское слово и поглаживание вносят покой в это море волнения.

Не подобно ли тело лошади музыкальному инструменту, на котором моторика непрерывно разыгрывает свои ритмы и мелодии? Не напоминает ли оно, если смотреть сверху, корпус гигантской виолончели? Голова и шея соответствуют грифу, а сам корпус инструмента с двой-



ным расширением – очертаниями лошадиного тела.

Там, где должна была бы находиться перекладина, у лошади седловина, и как раз под ней центр тяжести. Он расположен в туловище, в области сердца, приблизительно вдвое дальше от спины, чем от живота. Вместо струн – ноги, которые и осуществляют движение. Оно играет на инструменте лошадиного тела, которое вибрирует в его ритмах, а копыта являются органами для приглушенного восприятия возникающих моторно-сенсорных вибраций, дальше от спины, чем от живота. Вместо струн – ноги, которые и осуществляют движение. Оно играет на инструменте лошадиного тела, которое вибрирует в его ритмах, а копыта являются органами для приглушенного восприятия возникающих моторно-сенсорных вибраций.

Только в этой связи могут быть понятны три или четыре естественных аллюра<sup>126</sup>. С точки зрения автора иноходь можно как относить, так и не относить к врожденным аллюрам. Отвлечемся пока от нее и рассмотрим три повсеместно встречающихся аллюра: шаг, рысь и галоп.

Шаг характеризуется тем, что две ноги никогда не движутся одновременно. Как и при всяком другом аллюре, инициатива исходит от одной из задних ног, при шаге за ней следует противоположная передняя нога, затем вторая задняя нога и за ней опять противоположная передняя.

Возникает быстро чередующееся движение «крест-накрест», благодаря чему становится возможным постоянное движение вперед. Шаг никогда не переходит в бег, в отличие от двух следующих аллюров.

У рыси совсем иной характер. Хотя и существуют различные вариации этой походки, все же суть всюду одна и та же. Пары «диагональных» ног движутся одновременно; правая задняя и левая передняя. Движения, совершающиеся в шаге одно за другим, связываются здесь попарно, и в одном «цикле» слышно только два удара копыт. Галоп – это довольно сложное движение. Начинает опять задняя нога, за ней движется диагонально расположенная пара ног, и замыкает все оставшаяся передняя нога. Если мы представим себе, как мчится лошадь, то сначала земли касается одна задняя нога, затем одновременно пара и, наконец, оставшаяся передняя нога.

Поскольку иноходь свойственна не всем лошадям, ради полноты опишем ее вкратце. Здесь одновременно движутся то правая, то левая сторона, одновременно обе правых, за ними обе левых ноги и т.д.

Если попытаться нарисовать картину возникающих ритмов, то получится приблизительно следующее (1 и 2 означает число одновременно

---

<sup>126</sup> В этом описании я использую работу Рене Дюбуа-Реймона (Rene du Bois-Reymond: Ortsbewegung der Säugetiere, Vogel, Reptilien und Amphibien, в т. 15 руководства по нормальной и патологической физиологии, Берлин, 1930).



ставящихся ног):

*Шаг 1-1-1-1 1-1-1-1 1-1-1-1*

*рысь 2 2 – 2 2 – 2*

*галоп 1-2-1 1-2-1 1-2-1*

Непосредственно видно, что при рассмотрении трех различных аллюров – иноходь представляет собой лишь другую форму рыси – речь идет о трех различных тактах, лежащих в основе ритма каждого аллюра. Шаг протекает в 4/4 такта, галоп в 3/4 такте, а рысь в 2/4 такте. Что может лучше показать музыкальную природу лошади?

Тут снова появляются три рода тактов, образующих основные ритмы и во всех народных танцах. Лендлер, двухшаговый, чардаш и многие другие танцы построены на этих тактах и совершенно пронизаны ими. В моторику лошади они вписаны как врожденные ритмы. Так эти животные становятся природными, носителями такта и ритма. Здесь находят свое выражение четыре крайности, и открывается природа лошади. Шаг, рысь и галоп – три праритма всей музыкальной жизни; лошадь – это ее тело. Но это тело – образ струнных инструментов, которые первоначально выражали только такт и ритм.

Только под воздействием непрерывного воспитания и дрессировки лошадь способна выучиться искусственному танцевальному шагу. От природы ей присущи только три описанные ритмические походки. Здесь тотчас проявляется относительная ограниченность ее моторики, какой бы многосторонней она ни была. Ведь для лошади возможно только одно движение вперед; боковые движения появляются у нее очень редко. Движение ограничено также и в направлении вверх-вниз. Так как такт и ритм лишены всякой мелодии, лошадь может быть обучена ей только человеком.

Ее позвоночник расположен горизонтально; хотя ноги и приняли в себя силу выпрямления, позвоночный столб не охвачен ею. Поэтому основной плоскостью симметрии лошадиного тела является сагиттальная. Идя вдоль позвоночника, она делит тело на две симметричные половины. Четыре аллюра разыгрываются вокруг этой главной плоскости. В ней расположен и уже упомянутый центр тяжести.

Фронтальную плоскость можно представить себе только таким образом, что она, располагаясь перпендикулярно к сагиттальной плоскости, включает в себя передние ноги. Это та плоскость, которая во всех движениях следует вперед; в ней же происходит всякое движение верх и вниз.

А горизонтальной плоскостью является почва, которой касаются копыта. Ей перпендикулярны как фронтальная, так и сагиттальная плоскости; при всяком движении они перемещаются вдоль нее. Телесный

инструмент и ритмическая моторика лошади вписаны в пространство этих трех плоскостей.

Для того чтобы из ритмического движения зазвучала мелодия, на лошадь должен сесть человек. Как только это случается, и походка и направление, подчиненные всаднику, становятся мелодичными. Тогда фронтальная плоскость захватывает человека и связывает воедино лошадь и всадника, теперь двое стали одним. Конь дает ритм, человек мелодию, и оба вместе превращаются в единую гармонически-музыкальную фигуру. Здесь скрыта одна из многочисленных тайн, придающих скачке радость и удовольствие. Оба, человек и животное, становятся переживаемой музыкой.

Свое завершение лошадь находит только в человеке, который седлает, правит и ведет ее. Какой бы прекрасной ни являлась лошадь на свободе, без человека она кажется незавершенной и как бы обнаженной. Благодаря ему она достигает естественного для нее совершенства и полноты.

Из небольших, почти незаметных копытных раскрылись наши лошади. Они остались рядом с человеком, но лишь много позже они стали нашими братьями. На тысячелетия они остались соединенными с нами, пока современная техника опять не сделала их чуждыми нашей жизни. Их собственный ритм был заменен двух и четырехтактными моторами, их сила больше не служит нам.

Какова же их судьба?

## **Человек и конь**

Тесная жизненная связь, образовавшаяся в ходе культурного развития между лошадью и человеком, находит свое отражение уже в разных языках. В немецком едва ли какое-нибудь другое животное носит такое количество имен. Мы говорим не только Pferd (лошадь, конь), но называем это животное также Gaul и Roß. Слово Gaul употребляется сегодня между Kaufbeuren, Birkenfeld и Paderborn<sup>127</sup>, на юге оно заменено словом Roß, а на севере и западе словом Pferd. Слово Gaul происходит из средне-верхне-немецкого и раньше означало животное мужского рода. Слово Pferd происходит от поздне-латинского veredus, почтовая лапшадь. И, наконец, Roß – это старо-верхненемецкое ros, англосаксонское hors и английское horse – указывает на (заимствованную) германскую форму с изначальным значением «прыгать».

---

<sup>127</sup> области Германии. Подробнее см. Friedrich Kluge: Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin 1960.

Если попытаться вслушаться в интимное значение этих имен, то окажется что словом Gaul называют больше лошадь, используемую для перевозки чего-либо, словом Roß – скакуна, а словом Pferd – лошадь, которой управляют. Слова Roß и Reiter (наездник) как названия тесно связаны друг с другом, слово Gaul указывает на непрерывную работу запряженного в повозку животного, слово Pferd несет в себе нечто, указующее направление.

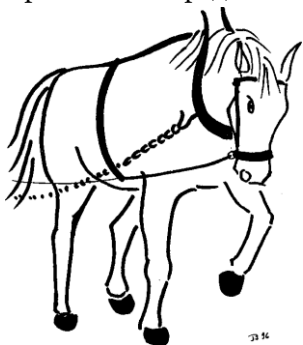
Существуют также имена, указующие род: Stute – кобыла, Hengst – жеребец и Wallach – мерин, Fohlen и Füllen – жеребенок. Место, где держат и воспитывают лошадей, называется Gestüt (конезавод).

В соответствии с расцветкой лошадей называют Fuchs – рыжая, Falben – буланая, Rappen – вороная, Schimmel – сивая, Schecken – пегая. Мы говорим о старой лошади: Mahre, Klepper, Hummelsziege, Kracke (кляча, одер и т.д.). Говоря о племени, употребляют слова «кровная» и «полукровка», холодная и горячая кровь, Pony и Panjerferd.

А некоторые знаменитые лошади носят собственные имена, еще и сегодня известные нам; часть из них стали нарицательными. Например, Россинант Дон Кихота и Буцефал Александра Великого. Юцитатус Каллигулы заседал в сенате и был соответственно почитаем. Это явные знаки братства, образовавшегося между человеком и лошадью.

Так, совершенно естественным считался обычай хоронить германских воинов вместе с лошадьми. Со своим конем был похоронен Атилла. В Дании в древности «при строительстве церкви в фундамент замуровывали живую лошадь»<sup>128</sup>.

Однако если судить по найденным останкам, то предположение, будто лошадь была спутником человека с седой древности, окажется неверным. Лишь относительно поздно – приблизительно 3000 лет до Р.Х. – лошадь стала домашним и полезным животным. А до этого она долгое время была предметом охоты. Множество рисунков из каменного века,



найденных в ныне известных пещерах Испании, Южной Франции и Средней Европы, изображают дикую лошадь рядом с бизоном, мамонтом, слоном и горным козлом.

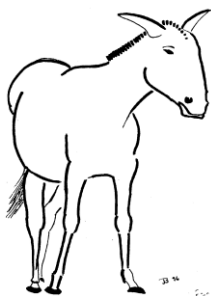
В различных эпохах ледникового периода наряду с бизоном дикая лошадь составляла важнейшее средство пропитания человека, ее останки громоздятся огромными кучами на стоянках древнего человека, относящихся к четвертичному периоду»<sup>129</sup>.

<sup>128</sup> Eliah-J. Finbert: Pferde. Цюрих-Штутгарт 1963 г.

<sup>129</sup> Ludwig Reinhardt: Kulturgeschichte der Nutztiere. Мюнхен 1912.

Те дикие лошади обладали большей головой, более сильными зубами и челюстями, чем ныне живущие лошади. Если судить по останкам, они должны были жить огромными табунами в Южной Европе. Оттуда они постепенно исчезли и вернулись в леса Северной Европы. Там они и оставались, дикие, вплоть до средневековья, совершенно исчезнув только в последние два столетия. Плиний Старший пишет: «На севере встречаются табуны диких лошадей». Столетия спустя – в 732 году – папа Григорий III пишет Бонифацию: «Ты позволяешь некоторым есть мясо диких лошадей, а большинству к тому же мясо домашних. Отныне, святой брат, не разрешай этого больше ни в коем случае».

И Хелисойс Росслин – *nomen est omen* – еще в 1593 году пишет о диких лошадях в вогезских лесах: «Дикие лошади в своем роде гораздо более дики и пугливы, чем во многих странах олень, их гораздо труднее и хлопотливее изловить». Он полагает, что если их приручить, то они станут «прекрасными лошадьми, подобными испанским и арабским».



Сегодня в лесах и степях восточной России, видимо, еще живут дикие лошади – тарпаны, это маленькие животные с тонкими сильными ногами и длинной шеей. С виду они напоминают осла, как и открытые лишь в 1879 году в сердце Азии лошади Пржевальского.

Эта лошадь живет небольшими, всегда ведомыми жеребцом табунами. Там, в земле киргизов и татар, может быть, и нужно искать родину всех послеатлантических лошадей и их потомков. Это только предположение. Но во всяком случае можно заметить, что живущие в Северной и Центральной Азии монголы уже очень давно использовали лошадь для верховой езды. Лишь много позже это перешло к культурным народам.

«Лошадь, как домашнее животное, отсутствует у шумеров и вавилонян древности, поскольку Хаммурапи не ввел ее в свой закон наряду с другими домашними животными. В Египте она не появляется вплоть до междоуцарствия гиксосов, ее нет и в древней истории Израиля, поскольку нет среди всех домашних животных, перечисленных во владении праотца Иакова»<sup>130</sup>.

В другой работе сказано: «В древнем Египте лошадь была совершенно неизвестна, для работы и перевозки грузов использовали исключительно осла... По-видимому, только в XVII веке гиксосы привели лошадь из Западной Азии... в долину Нила. Здесь она быстро прижилась, и как высокоценное домашнее животное появилась с 18-й династии (1580-

<sup>130</sup> F. P. Stegmann von Pritzwald: Die Rassengeschichte der Wirtschaftstiere, Йена, 1924.

1350 до Р. Х. ) при Тутмосе и Аменофисе, а затем при 19-й династии (1350-1205) между Рамзесой и Сетом»<sup>131</sup>.

Уже тогда лошадь возила боевые колесницы воинов, но ее запрягали и в двухколесную охотничью колесницу. Приблизительно в это же время она использовалась на войне и охоте в Ассирии и Вавилоне. Только спустя столетия она стала использоваться в качестве скакуна. Ни один африканский народ – за исключением египтян – не обладал тогда лошадьми. Геродот пишет, что арабы, сражавшиеся в войске Ксеркса, ездили на верблюдах, «не уступавшим в быстроте коням».

Лишь в древней Греции и Риме лошадь стали не только запрягать в колесницу, но и использовать для верховой езды. Теперь на коня вскакивает человек и превращается в его господина и хозяина. Великолепный рельеф на Парфеноне, изображающий скачущих во Всеафинском праздничном шествии юношей, показывает полное покорение лошади человеком.

Еще перед Илионом греки и троянцы сражались не верхом, а на колесницах<sup>132</sup>.

Сопоставленные только что факты доказывают позднее включение лошади в культурную историю послепалеолитического человечества. Не раньше середины второго тысячелетия до н. э. ее запрягли в военную и охотничью колесницу. И только еще через тысячелетия человек оседлал ее и стал всадником.

А в это самое время монголы на своих небольших лошадях охотились на просторах Азии, и очень вероятно, что живущие гораздо дальше на западе германцы перенимали от них использование коня для верховой езды. Странствуя по северу Европы, они встретили и приручили живущую там дикую лошадь. А то, что они воспринимали своих богов наездниками, явно исходит из северной мифологии. Вотан и его свита охотились на небесных лошадей. И в культе жертвой на алтаре чаще всего были лошади. В южной Швеции был найден конский череп, в который еще был воткнут остаток кинжала.

Можно предположить, наверное, что существуют два противоположных направления, по которым лошадь втягивалась в историю человечества. С Востока жившие в азиатских степях дикие лошади через Туркестан и Персию, а также нынешний Афганистан пришли в Вавилон и

<sup>131</sup> См. упомянутую книгу Людвиг Рейнхардта.

<sup>132</sup> Прекрасное, еще и сегодня в высшей степени не потерявшее цену изображение постепенного одомашнивания лошади можно найти в появившейся в 1870 г. и ставшей широко известной книге Виктора Хена (Victor Hehn: Kulturpflanzen und Haustiere in ihrem Übergang aus Asien nach Griechenland und Italien sowie in das übrige Europa). Там сказано: «Кроме как на войне, лошадь у Гомера нигде не используется для верховой езды. Это видно, например, из третьей песни «Одиссеи», где Телемах и сын Нестора Писистрат переезжают горный Пелопоннес, стоя на колеснице.

Ассирию. Из них позже получились легконогие боевые и верховые лошади. Это и есть «кони» в собственном смысле. А на севере Европы, в Скандинавии и северной России была приручена жившая там дикая лошадь; там она использовалась в жертвоприношениях и постепенно стала любимым «Gaul» (сивкой), составлявшем у немцев неотъемлемую часть семьи.

Рейнхардт приходит к тому же предположению: «В то время как восточная или горячих кровей лошадь, по строению черепа приближающаяся к ослу – это предок всех быстроногих коней, неуклюжая, но могучая западная, или холодных кровей лошадь – родоначальник немецких ломовых, чьи потомки несли закованных в тяжелые латы средневековых рыцарей. «Но почему же человек так поздно оседлал лошадь? На это можно дать несколько ответов. Уже в седой древности лошадь была священным животным. В Индии и Персии ее причисляли к богам. Индра едет на ней по небу; именно кони ведут солнечную колесницу, они же несут по небу Луну. Мог ли человек взнуздать и сесть на земное отражение этого священного существа? Их можно лишь приносить в священную жертву тем, кто в царстве высших миров пользовался ими.

Но когда постепенно исчезло сверхчувственное созерцание, и вместо этого в человеке как процесс познания проснулось мышление, лошадь была приручена, взнуздана и запряжена в колесницу. Ее сила стала служить людям. А еще позже, когда храмы мистерий постепенно закрывали свои врата и загорался свет логики Платона, Сократа и Аристотеля, для людей наступило время сесть на лошадь и стать ее господином и хозяином.

Рудольф Штайнер постоянно указывал на этот путь душевного развития человечества. Во введении к работе «Загадки философии»<sup>133</sup> говорится: «В Греции родилось стремление познать мировые взаимосвязи посредством того, что сегодня можно назвать мыслями».

А в другом месте он говорит: «Мы видели, что небольшая группа людей (это были прасемиты, выведенные под предводительством Ману из Древней Атлантиды) в области современной Ирландии... имели именно те способности, которые постепенно выступали в следовавших друг за другом культурных периодах... Эта способность состояла в склонности к логическому взвешиванию, к силе суждения. Раньше ничего этого не было – если мысль возникла, она была уже доказана. Этот небольшой народ был склонен к оценивающему мышлению, и они пронесли зародыши этой способности с запада на восток в колонизаторских странствиях, одно из которых ушло на юг, к Индии, тут в персидскую культуру влилось комбинирующее мышление, и в третьем халдейском периоде

---

<sup>133</sup> Die Rätsel der Philosophie, GA 18.

это мышление стало еще интенсивнее; греки продвинули его так далеко, что оставили после себя величественный памятник аристотелевой философии»<sup>134</sup>.

В этом описании раскрытия мышления в ходе человеческого развития мы можем узнать внутреннюю сторону того, что внешне воплотилось в постепенной встрече человека и лошади.

«Небольшая кучка» прасемитов, неприметно образовавшаяся в позднейшие эпохи Атлантиды, возникла тогда же, когда выступили эогипсус, мезогипсус и орогипсус. Оба – прасемитский народ и гипшарион – двинулись на Восток и покинули погружающийся атлантический континент.

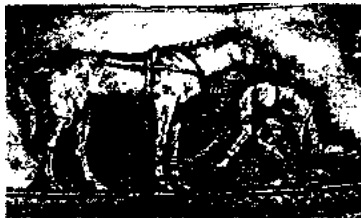
Люди стали основателями послеатлантических культур; а лошади окружили их и ждали более тесного сближения. Невидимо они несли в себе те мыслительные силы, которые должны были постепенно пробудиться в человеке. Это были тени тех мировых мыслей, на которых видящие видели скачущими Индру, Вотана и Посейдона.

Постепенно голова человека становилась носительницей мыслей. В Греции это развитие закончилось; лошадь стала скакуном, а человек наездником и рыцарем. Вооруженный аристотелевой логикой, он выступил как повелитель божественных основ земли. Александр, как ученик Аристотеля, смог приручить Буцефала. Обе, лошадь и логика, стали послушны ему. Он стал первым рыцарем человечества.

## Кони мифов

Небо греческих богов и героев густо заселено лошадьми. В самых различных обликах они появляются как спутники смертных людей и бессмертных существ. Они наполняют многоликий мир земных и сверхчувственных событий и деяний от земных глубин и до небесных высей. Но всегда случалось так, что дикая природа лошади и ее могучая сила преодолевались человеческой хитростью и могуществом. Борьба между человеком и конем – от стремительных превращений Посейдона до коварной мудрости Одиссея – стоит в центре греческой мифологии, связанной с лошадью. Уже у Бахофена читаем:

«Конь – это образ распутной, дикой, оплодотворяющей землю силы воды и, стало быть, нечестивой жизни. Обуздывание этой дикой лошади – дело женщи-



<sup>134</sup> Рудольф Штайнер, «Мир, земля и человек», GA 105, август 1908, 11-й доклад.



ны»<sup>135</sup>.

Эта характеристика, однако, подходит лишь для одного из многих мифологических обликов лошади, дошедших до нас.

Эта необузданно-дикая сущность, топчущая копытами основание земли и возмущающая море огнем своей страсти, подчинена Посейдону. Он сам принимает облик жеребца и соединяется с матерью-Землей, Деметрой, зачавшей от него. Она

родила ему дочь, имя которой нельзя было называть вне мистерий. Одновременно из ее утробы вышел черногривый конь Арион, быстрый как ветер.

Посейдон столь же близко стоял к лошадям, как мать, Земля-Деметра, к зерну. И после свадьбы с Амфитритой, когда он стал уже властелином моря, появились «и те чудовища, наполовину кони, наполовину змеевидные рыбы – морские кентавры, звериная часть которых соединяла в себе коня и рыбу, океаниды и nereиды, которые изменили лошадиной природе, как Гиппо, Гиппоной, Гиппотоя и Маниппо»<sup>136</sup>.

В самом Посейдоне и его свите открывается та буйная лошадиная сущность, о которой Бахофен пишет, как о «дико оплодотворяющей Землю силе воды». Это действующие в окружении Земли, не ведающие, кажется, никаких законов метеорологические силы, во внутреннем человека проявляющиеся там, где нас пронизывает желание и страсть.

Однажды Рудольф Штайнер описал царство Посейдона так, как оно ощущалось греком: «Он (грек) чувствовал, что в накатывающемся и отступающем море, в буре, в урагане, бушующем над землей, действуют те же силы, что живут и в нас, когда через память проносятся. Пульсируя, аффект, страсть, привычка... Это те силы в нас, которые мы собираем в понятии эфирное тело... И древний грек, имевший еще, в сущности, сознание о достижимом через ясновидение облике, о правителе, властвующем над средоточением этих сил в макрокосме, называл это именем Посейдон»<sup>137</sup>.

Смутные, дикие и неочищенные образующие силы – вот что представлено в образе nereид и океанид. Они стремятся к возвышению и превращению. Греческая мифология указывает на это.

Сын Посейдона, Беллерофонт – внук Сисифа – пожелал себе крылатого коня. Отец дал ему бессмертного Пегаса. Но и тот был также сыном

<sup>135</sup> Joh. Jacob Bachofen: Das Mutterrecht. T. Ib Базель 1861/1958.

<sup>136</sup> Karl Kerényi: Die Mythologie der Griechen. Цюрих 1951.

<sup>137</sup> Рудольф Штайнер «Weltenwunder, Seelenprüfungen, Geistesoffenbarungen» GA 129, 3-й доклад.



Посейдона и, значит, братом Беллери-фонта. В древности, когда горгоны еще были прекрасны, Посейдон полюбил одну из них, Медузу. Долго носила она плод. Только когда Тезей отсек ей голову, из истекающей кровью шеи вылетел Пегас. Так из форкиадических глубин на дневной свет вышла лошадь. Сначала Беллерофонт, смертный герой, не мог приручить брата Пегаса. Но Афина даровала ему чары золота, когда он просил ее у алтаря о помощи.



«И герой оседлал божественного коня и танцевал на нем, закованный в доспехи, боевой танец в честь богини»<sup>138</sup>. Тут человек приручил и взнуздal с помощью богини мудрости, давшей ему «золотые» горы, поднявшегося из глубин коня. Беллерофонт стал рыцарем.

Дарованной богиней силой он совершает деяния, напоминающие подвиги Геракла. Его победы – он бился и против амазонок – были столь величественны, что он добыл себе в жены дочь ликийского царя.

Но затем сила пробужденной крылатой мысли мстит за себя. Дважды возникает в нем вопрос: «А есть ли вообще боги?» Он захотел сам узнать это и сел на Пегаса, который должен был отнести его на Олимп; он хотел вступить в совет богов. Но это было уже слишком. Небесный конь сбросил отчаянного наездника. Он упал на Землю и влачил там жалкое существование. Так сомнение и разлад в мышлении низвергают нас с высот познания в глубины незнания.

Но истинным, настоящим покорителем лошади стал Геракл. Он укротил коней Диомеда; это был седьмой из двенадцати возложенных на него подвигов. Так же, как и Пегас, эти звери были крылаты; они были родственны гарпиям, горгонам и эринниям и питались человеческим мясом. Их повелитель, Диомед, был сыном Ареса. Геракл убил его и бросил коням его мясо. Так они стали ручными, и герой смог увести их в Микены. Рассказывают, что из их рода произошел конь Александра, Буцефал.

Другой взгляд на мифических коней открывается в рассказах о кентаврах. Их происхождение восходит к самой Гере, которая некогда, когда она еще не принадлежала Зевсу, зачала от гигантов – а может быть, от других первобытных сил – и родила кентавров. Эти создания, полукони-полулюди, являются существами, находящимися на пути превращения своего животного в человеческое. Один из них, Хирон, обладая еще божественной мудростью, стал учителем Асклепия. Он знал чары и исцеляющие силы трав. Часто его изображали играющим на лире. Не

<sup>138</sup> Karl Kerényi: Die Heroen der Griechen. Цюрих 1958.



был ли он учеником Орфея?

Рудольф Штайнер говорил об образе кентавра в связи с Гильгамешем. Он описывает эту индивидуальность, как исполненную и ведомую Архангелом, и говорит затем: «Такая сущность действовала через Гильгамеша... так мы вправе представить его в образе, который нам мог бы дать символ кентавра... Кентавр... должен был всегда изображать, как в сильнейших людях древности разделилась высшая спиритуальная человечность и то, что связывало отдельную личность с животной организацией. Подобно кентавру, действовал Гильгамеш на тех, кто мог о нем судить»<sup>139</sup>.

Так выступает нам навстречу из мира эллинизма многоликий образ мифического существа лошади. Он пронизывает угасающий образный мир той эпохи и как бы требует от человека разобраться в его природе. Афина, Геракл, Беллерофонт, кентавры и Посейдон: все они появлялись в трагедиях и драмах, которые, как экзотерические знаки, указывали путь к мистериям.

А там учили, что в древности конская природа была выделена из человеческой, чтобы ему могла быть дарована сила мудрого рассудка. Эта тайна изображена как пятая страница десятилистной книги<sup>140</sup>.

Открытие этой пятой страницы описано в шестой главе «Откровения Иоанна». Там Агнец снимает первые четыре печати с книги жизни. «Я взглянул, и вот, конь белый... И вышел другой конь, рыжий;.. и вот, конь вороной,.. и вот, конь бледный». Каждый конь имеет всадника, несущего особое качество. Сидящий на белом коне несет венец, он победоносный, он вышел, чтоб «победить». Сидящему на коне рыжем был дан большой меч, чтобы «взять мир с земли». Всадник на вороном коне «имел меру в руке своей». А на бледном коне сидел всадник, «которому имя смерть; и ад следовал за ним». Подробно рассматривая эти могущественные образы, Рудольф Штайнер проясняет их смысл. Здесь описано победоносное шествие становящегося все более сильным человеческого интеллекта. В облике четырех коней и всадников появляются четыре послеатлантические эпохи.

«В индийскую эпоху человек отказывался от физического мира и направлял свой взор в мир духовный, поэтому в первую эпоху войны всех против всех он победит все чувственно-физическое. Человек побеждает, поскольку он воспринял то, что было вписано в его душу в первую

<sup>139</sup> Рудольф Штайнер, «Das zehnbliattiige Buch», доклад от 3 апреля 1905 г., неопубликован, т.к. существует лишь в заметках.

<sup>140</sup> Рудольф Штайнер, «Оккультная история» (Okkulte Geschichte. GA 126), декабрь 1910 г, 2-й доклад).

эпоху».

И далее: то, что проявилось во вторую культурную эпоху – преодоление материи в древней Персии – явится нам во вторую эпоху после войны всех против всех как меч, как орудие победы над внешним миром. То, что человек приобрел в вавилоно-египетскую культурную эпоху, когда он учился все верно мерить, все это предстает перед нами в следующей эпохе после великой войны всех против всех в образе весов.

Четвертая эпоха указывает нам на важнейшее, на то, что в четвертую эпоху нашего цикла развития человек приобрел через Христа Иисуса и Его явление: на духовную жизнь и бессмертие «Я». В эту четвертую эпоху должно проявиться все непригодное для бессмертия, должно отпасть все, обреченное на смерть»<sup>141</sup>.

Тут еще яснее становится истинная миссия лошади в человеческой истории. Благодаря жертве, которую она принесла, мы, люди, приобрели свой интеллект. В природной силе и мощи осталось в лошади то, что превратилось в человеке в жизнь мышления.

В связи с этим говорит Рудольф Штайнер, подготавливая приведенное выше описание: «Это может показаться странным, гротескным, но это так: если бы вокруг нас не было животных лошадиной породы, то человек никогда не смог бы приобрести рассудок. Люди в древние времена еще чувствовали это. Все близкие отношения, существовавшие между расами людей и лошадью, происходят от некоего чувства, которое можно сравнить с таинственным чувством любви между полами; от определенного чувства, что человек обязан лошади. Поэтому когда началась древнеиндийская культура, то лошадь играла таинственную роль в культе, в богослужении. И все, что связано с использованием лошади, восходит к этому факту. У древних народов, стоявших еще близко к древнему ясновидению, например, у древних германцев, были перед домами лошадиные черепа: это возвращает к сознанию того, что человек возвысился над безинтеллектным состоянием, выделив эту форму. Глубоко в сознании человека живет чувство того, как была приобретена им мудрость».

## Эпилог

Последним, что записал Карл Кёниг в своей работе «Брат-конь», было слово «эпилог». Оно словно обронено на стр. 48 его рукописи этой замечательной книги. Смерть вынула перо из рук неутомимого писателя в полдень 27 марта.

---

<sup>141</sup> Рудольф Штайнер, «Апокалипсис Иоанна», GA 104, июнь 1908 г, 4-й доклад.

Нам остались отдельные наброски, которые позволяют понять, чем хотел автор увенчать свою работу. В них стоит:

*«Музыкальное в природе лошадей!*

*Оно живет дальше – хотя и не может претвориться.*

*Орфей, сын Аполлона! Михаил!»*

«Музыкой было то, что действовало на физическом плане; но душа ощущающая имела неосознанное ощущение, что это идет из региона, откуда приходит свет. Музыка, пение из царства света. (1 доклад Рудольфа Штайнера из цикла «Импульс Христа и развитие Я-сознания» (Der Christus-Impuls und die Entwicklung des Ich-Bewusstseins. 25. X. 1909)) Но это царство – мир Солнца».

Мы знаем также, насколько важно было для Кёнига, чтобы его сочинение сопровождалось картинками Ганса фон Маре, которые мы приводим в качестве иллюстраций – это, по его мнению, способствует завершенности переживания<sup>142</sup>.

Еще он сослался на один отрывок из книги Юлиуса Шваба «Архетип и зодиак» (Julius Schwab «Archetyp und Tierkreis»):

«Солнце в ведической мифологии называлось «жеребцом», а также «конем с семьей именами». – Об утренней заре они говорили, что она приводит белого скакуна, солнце. – О жертвенном коне говорилось, что он приготовлен богами с Солнца. – В Элладу на вершине горы, посвященной Гелиосу, жертвовали также и лошадей. – При Иерусалимском храме были посвященные Солнцу кони, которых увел Иосия. (4 Царств, 23). – Конь Сигурда Грани, о котором поется в старинной датской песне, что он один мог достичь вершины Гласберга (Стеклянной или Небесной горы), это Солнце...»

Без сомнения, все это свидетельствует о том, что Карл Кёниг нащупывал в своей работе путь от Земли к тайнам Солнца, скрыто управляющего человеческим разумом, и, в частности, его связью с конем. Это как раз тот аспект, который оправдывает соединение слов «брат» и «конь». В самом деле: что может глубже связывать какое-то животное и человека, как не то свойство, которое, собственно, и возвышает человека над всем тварным миром, сила мышления.

В ранние времена духовной истории существ высших Иерархий, начиная с ангелов и вплоть до престолов, серафимов и херувимов, называли «умы». И всегда были духовные течения, которые считали этот

---

<sup>142</sup> Речь идет о журнальной публикации этой последней статьи, «Брат конь». В настоящем издании с учетом этого пожелания мы помещаем выполненные по нашей просьбе специально для этого издания рисунки д-ра Йохена Бокемюля, биолога, в 1970-96 гг. руководителя Естественнанаучной секции Гетеанума, которому выражаем сердечную благодарность, а также воспроизводим исторические и другие изображения.

мировой разум постижимым, доступным для понимания человеческому рассудку. И из сил современной духовной науки (антропософии) можно познать, что именно Архангелу Михаилу надлежит «правление» этой космической, еще не ставшей земной разумностью.

Виктор Хен, на которого также ссылался Карл Кёниг, в главе «Конь» своей книги «Культурные растения и домашние животные» приводит многочисленные примеры того, что в древних культурах коня воспринимали как связанное с Солнцем животное и соответственно обходились с ним. В подтверждение приведем хотя бы слова Геродота, который говорит о массагетах: «Богом они почитают только Солнце, которому жертвуют коней». И затем отец истории поясняет: «Смысл этой жертвы в том, что самому быстрому из богов предоставляется самое быстрое из земных созданий». Стремительный, быстроногий и другие подобные характеристики находим мы в греческих именах коней, и Хен, опираясь на многочисленные источники, говорит: «Конь сливается в восприятии с бурей». Кони Ахиллеса были «сыновьями Зефира», и можно, в сущности, сказать, прочитай все эти подробности: конь быстр, и ветер быстр; они быстры как мысль, которая, в свою очередь, быстра как свет Солнца. И именно кони у Софокла и Эсхила приводят на Землю солнечный день.

«У германцев, – говорит далее Хен, – посвященный коням культ носит совершенно иранские черты». Но ведь иранский культ Мазды это насквозь солнечный культ. Кроме этого, можно, с другой стороны, увидеть высший аспект лошадиной природы, когда Хен продолжает: «Кони владеют силами пророчества, приносят их в жертву богам, тянут священную колесницу» (которую можно понимать как несущую образ бога, «разум» Иерархий). И Отто Шрадер<sup>143</sup>, выдающийся лингвист, указывает на коня как на «животное-оракул», он играл совершенно особую роль у персов (Геродот), германцев (Тацит) и западных славян. Также и с этой стороны кони мифологически связаны с существами, несущими мировой разум. Но Отто Шрадер указывает также на «грехопадение», которому, в отличие от лошади, подпал человек. Он говорит, прежде всего на основе своих лингвистических изысканий:

«Большое многообразие европейских названий лошадей связано с изменением, так сказать, социальной роли коня в сравнении с тем, какой она слышалась отчасти еще в доисторическое время; сначала он использовался только в целях священнодействия, затем стал животным особого военного назначения, а также все больше и больше повседневного служения человеку».

Но именно эти феномены имел в виду Рудольф Штайнер, когда в 1908 году в большом нюрнбергском цикле докладов об «Апокалипсисе

---

<sup>143</sup> Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Т. 2, статья «Pferde», 1929.

от Иоанна» он говорил в связи с появлением коней – белого, красного, черного и буланого при снятии печатей – о сущности лошади. Он связывает развитие разумности человека с природой лошади, и снятие апокалиптических печатей, которое указывает на четыре послеатлантические культуры (праиндийскую, праперсидскую, вавилоно-халдейско-египетскую и греко-римскую), указывает и на четыре ступени этого пути, который есть путь нисхождения разума из космических высот в земное развитие. Пятая послеатлантическая эпоха – наша – тем более должна принести перемены: земной и потому эгоистический разум должен возвыситься до жертвенного, который будет соответствовать сущности мира и больше не станет вершить насилие над творением. В Апокалипсисе эта перемена обозначена тем, что речь идет уже не о конях, как при первых четырех культурах, но о человеке, который должен снять печать: человек в белых одеждах.

Рудольф Штайнер назвал борьбу вокруг судьбы разума в наше время битвой Михаила: с одной стороны, опасность опуститься все глубже и глубже, с другой стороны, возможность восхождения к Логосу, из которого «все начало быть». И он обращался к желающим это видеть с призывом: «Человеческое мышление не должно восставать против Михаила!»

В мае 1920 года в докладах о философии Фомы Аквинского он указал на стоящую сегодня задачу и так сформулировал решающий вопрос: «Как мышление становится христианским? – Этот вопрос всемирно-исторически возник в тот момент, когда в 1274 году умирает Фома Аквинский, – до этого момента сам он мог только подбираться к вопросу – теперь этот вопрос возникает в европейской духовной культуре со всей внутренней сердечной силой»<sup>144</sup>.

Человек – так можем мы выразить это вслед за Кёнигом – в ходе истории стал всадником. Он использовал лошадь. Или мы можем также



сказать: он использовал изначальный космический разум и постепенно, шаг за шагом, поставил его на службу своим эгоистически-земным потребностям, забыв о его первоначальном небесном происхождении. Но материалистически-технический образ мышления, в который он превратил ставший личностным разум, имеет своим последствием также и то, что существо лошади в ее животном облике снова исчезает из культурного процесса. В принципе, оно уже умерло, и то, что еще продолжает существовать, это повсеместное механическое использование в современных

<sup>144</sup> Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Т. 2, статья «Pferde», 1929.

моторах «лошадиной силы». Речь идет о еще более глубокой ступени того развития, на которое указывал Рудольф Штайнер в связи с отношениями человека и коня, и сегодня совершенно справедливо сказанное Рудольфом Штайнером в упомянутом цикле об Апокалипсисе в связи с западной технически-умной культурой: «Этот ум будет распространяться. Люди будут с еще большей духовной силой добиваться того, что составляет естественные потребности тела; они с все большей духовной силой будут душить друг друга перед большой войной всех против всех. Много будет сделано открытий во имя того, чтобы лучше вести эту войну, безмерный ум будет задействован на потребу низшим удовольствиям».

По мере того, как теряли священность лошади, падал, можно сказать, и сам человек, теряя священность своего разума. Но одновременно падало его христианство. И его судьба зависит от того ответа, которые человек найдет на вопрос, на который не могла ответить схоластика: как само мышление может стать христианским, как сделать христианской самую мыслительную субстанцию? От качества мышления зависит, какую технику принесет будущее, убивающую природу и человека – или же соответствующую их существу и исцеляющую, которая может устоять перед Христом. От качества мышления зависит также, каков социальный и политический порядок – или беспорядок – ожидает в дальнейшем человечество. Это те вопросы, которые сегодня уже может подметить всякий, вопросы, апокалиптические по своим масштабам.

Для Рудольфа Штайнера вопрос Павла о спасении был, и даже в первую очередь, вопросом о человеческом познании. При этом речь шла о преодолении того, что он называл царящей в науке «догмой опыта», которая выступила в наши дни наряду с церковной «догмой откровения». При этом опыт произвольно и нетерпимо-догматически ограничивается тем, что охватывается органами чувств, что можно физически взвесить или математически посчитать.

При всей обучающей силе, которая с этой точки зрения действует на человека современности, сковывание человеческой души и человеческого духа этим самонакладываемым ограничением должно быть подорвано, путь раскрытия новых качеств познания должен быть пройден. Это путь, на котором также становится достижимой и постижимой та духовность, где правит Логос, от которого произошел и упорядочился весь наш сотворенный мир.

«Неспасенный человеческий ум не смог бы один подняться в духовный мир. Спасенный человеческий ум, который действительно имеет отношение ко Христу, проникает в духовный мир. Проникание в духовный мир с этого исторического момента есть также христианство двадцатого столетия, есть настолько сильное христианство, что оно прони-

зывает наивнутреннейшие фибры того, что суть человеческое мышление, что есть душевная жизнь человека».

Это высказал Рудольф Штайнер в третьем из упомянутых докладов о Фоме Аквинском. И путь к этому он описал в своей книге «Как достигнуть познаний высших миров?» Он ведет через постепенное преодоление эгоизма, в который впало человеческое познание, к свободным высам духа, где царит изначальный мировой разум. Это Михаил, самоотверженный управитель космического разума на службе Христа, просветляющего его как свой лик. На этом пути человек, снова освящающий свой разум и тем самым самого себя во всей целостности, опять по праву становится всадником. Он едет на коне очищенного и спасенного разума навстречу тому, кто открывается в Апокалипсисе как единый образ всадника и коня:

«И увидел я отверстое небо, и вот, конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный, Который праведно судит и воинствует. Очи у Него как пламень огненный, и на голове Его много диадем. Он имел имя написанное, которого никто не знал кроме Его Самого. Он был облачен в одежду, обгабренную кровью. Имя Ему: «Слово Божие».

И воинства небесные следовали за Ним на конях белых, облеченные в виссон белый и чистый. Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы. Он пасет их жезлом железным; Он топчет точило вина ярости и гнева Бога Вседержителя. На одежде и на бедре Его написано имя: «Царь царей и Господь господствующих».

Наше время могло бы сказать: какое нам дело до судьбы коня, какое нам дело до судьбы всадника? Но тогда оно малодушно пройдет мимо глубинной сути нашей эпохи, чьим духовным вождем является Михаил.

Мы не знаем, о чем бы рассказал Карл Кёниг в оставшейся ненаписанной главе своей работы, в которой он сам написал лишь одно слово, «эпилог». Но когда мы беседовали о ней, он заметил, что важнейшая

роль в ней будет принадлежать Апокалипсису Иоанна. И это позволяет мне надеяться, что высказанные здесь мысли не очень далеки от его замысла. Несомненно, во всяком случае, что он видел в спасении человеческого разума ту важнейшую службу, которую может сослужить человеку его «брат конь». Это спасение представлено в образе «Божественного Логоса», восседающего на коне и связанного с высшей сущностью, в Апокалипсисе это описано как белый конь.

*Фриц Гетте*

